

Fate/Strange Fake

Том 6

Автор:

Нарита Рёго

Иллюстрации:

Мории Сидзуки

Перевод с английского:

Glass Moon

Перевод с японского:

OtherSideofSky

—
Раздался пустой звон.

Осознав, что этот звук сопровождал конец всего, оно подумало: «О, началось».

Оно ждало очень, очень долго.

«Время» должно было быть частью системы – всего лишь одним из составляющих элементов – но теперь оно изменилось.

Во внутренней программе возникла небольшая неопределённость касательно цели – «ждать».

Оно уже поняло, что эта неопределённость была системой под названием «эмоция», которая была скопирована извне.

В то же время оно осознало, что наконец-то настало время обрести значимость – родиться только для того, чтобы «существовать».

В таком случае нужно было переходить к следующей фазе.

Оно понимало, чего оно должно было достичь.

Величайшая и конечная цель, возложенная создателем.

Цель, для которой оно было рождено.

«Ах да.

Всё кончено.

Подошло к концу.

Я пал.

Я там, где должен быть.

Я завершён.

Потеря всегда была последней деталью».

Следуя принципам своего рождения, оно перезагрузило себя.

Просто чтобы добиться цели, которую дал создатель.

Оно пересчитало возложенную на него обязанность.

Будет ли путь тяжёлым или же лёгким?

В размышлениях не было смысла.

В любом случае у него не было выбора, кроме как довести дело до конца.

Лишь это придаст ему значение.

Продолжить существовать. Продолжить существовать.

Ему нужно было лишь стать настоящим человеком и продолжить существовать в этом мире.

Даже если это означало... стереть вид, определённый как «люди», с лица земли.

Связующая глава

「Канон полубогов, акт 2」

Античность. На берегу Чёрного моря.

Это были прекрасные земли.

Ослепительный солнечный свет омывал поля и леса, окружённые гладью глубокого синего моря.

Полис Темискира.

Эти земли, названные в честь священного моря или, возможно, самой их богини, открывали потрясающий вид на плодородные равнины на южном побережье Чёрного моря. На них стоял город, возведённый в первую очередь для океанской торговли.

Этот город упоминался во множестве историй и легенд – в одних говорилось, что это был остров, окружённый со всех сторон морем, другие утверждали, что это был полуостров, некоторые даже верили, что он мог свободно перемещаться между этими двумя состояниями благодаря силе богов. Но самой важной частью было не происхождение города или его география, а народ, что его населял.

Амазонки.

Это племя отличалось от остальных тем, что целиком состояло из женщин. Мужчин они привлекали лишь для того, чтобы зачать потомство, всеми же прочими аспектами жизни, включая охоту, земледелие и животноводство, занимались женщины.

Мужчины, которым это не нравилось – цари соседних городов и разбойники, засевшие в горах – часто нападали на их город, но амазонки каждый раз давали им отпор.

Женщины занимались не только повседневной жизнью, но и военным ремеслом, жизненно необходимым для защиты города. В частности их навыки верховой езды и стрельбы из лука впечатляли так сильно, что слухи о них достигли даже самых дальних уголков Греции.

В Темискире правила царица.

Её матерью была Отрера, жрица Артемиды и великая женщина, вступившая в союз с богом войны Аресом и, будучи обычной смертной, сумевшая родить от него дитя.

Однако дочь Отреры превзошла её в героизме.

Она была жрицей бога войны и царицей своего народа.

Также она была военачальницей, скакавшей в авангарде и вызывавшей кровавую бурю.

Эта юная царица уверенно повелевала окружающими землями благодаря своей силе, мудрости, божественной ауре и артефакту, унаследованному от бога войны, а также лидерским качествам, объединявшим её крепких воительниц.

Говорилось, что она, восседая на своём скакуне, могла одним взмахом копья раздвинуть морские воды, а выстрел из её лука сотрясал леса. Доблесть царицы вселяла веру в сердца её последователей и внушала благоговейный ужас жителям соседних городов, а слава о ней разнеслась по всей Греции.

Но... однажды для царицы и всех амазонок наступил переломный момент.

Судьбоносный ветер принёс к Темискире одинокий корабль.

На его борту находился мужчина, которого Греция – и впоследствии все будущие поколения – называла великим героем.

Говорят, что юная царица была весьма им очарована.

Причина тому была проста, но именно эта простота всё усложняла.

Это было не чувство долга, призывающее оставить сильное потомство.

Как не было это и жаждой физического удовольствия.

Восхищение.

Когда царица, которая, помимо богов, прежде не знала никого по-настоящему сильного, увидела этого мужчину... она узрела того, кто достоин был встать наравне с её предком, богом войны.

По словам выживших амазонок, глаза царицы засияли, словно у ребёнка, которому только что рассказали историю об олимпийских богах.

Великий герой сказал, что прибыл по поручению царя, чтобы завладеть поясом бога войны, и царица без колебаний позволила ему остаться и начать переговоры.

Разумеется, она не позволила эмоциям взять над собой верх и не намеревалась отдавать пояс без чёткого плана.

Она решила отдать ему пояс, но только на двух условиях: всем женщинам, желающим завести детей, будет позволено возлечь с мужчинами, что прибыли на борту корабля, а сам герой похлопочет, чтобы между полисом, к которому он принадлежит, и островом амазонок было заключено торговое соглашение.

Факт того, что царь желал заполучить пояс не для себя, а для своей дочери, помог в проведении переговоров.

Царица и её подданные в конечном итоге сочли это как «помощь женщине, живущей в далёких землях».

Они пришли к выводу, что заключение мирного союза с этим великим героем принесёт им больше пользы, чем пояс.

Царица и её народ никогда не прятались за армией мужчин. Они не побоялись бы вступить в бой даже с этим великим героем, но царица не настолько жаждала битвы, чтобы начинать войну без всякого повода.

Учитывая, что герой был мужчиной, они не могли принять его к себе, но царица хотела наладить между ними дружеское соперничество, надеясь взрастить в её женщинах соревновательный дух и сделать их более сильным и сплочённым народом.

Да, царица давала волю эмоциям на поле боя, но она также принимала и подобные политические решения. По этой причине народ считал её женщиной с двумя лицами, но к обеим этим личинам они относились с уважением.

Они не могли сказать, была ли её политика касательно великого героя и его людей реализуемой с учётом социальных условий того времени или же попросту неосуществимой мечтой.

Именно поэтому она так и не принесла плодов.

Отношения между её народом и великим героем, которые царица представляла себе, развалились прямо за столом переговоров, когда она уже готова была отдать пояс.

Потому что козни одной богини... привели к трагической смерти царицы.

×

×

Сноуфилд. Главная улица.

Крупный конь скакал по разломанному асфальту, прокладывая путь через плотный угольно-чёрный туман.

Сначала коней было четверо, но их одного за другим поглощала надвигающаяся тьма, и теперь тишину нарушал цокот копыт лишь одного жеребца.

Несмотря на то, что его сородичи покинули этот мир, последний огромный конь без малейшего намёка на страх мчался по ночному городу, подгоняемый Алкидом, гротескным лучником, сидевшим на его спине.

Но даже у такой великой Героической души, как Алкид, не было другого выбора, кроме как спастись бегством.

Тьма вырвалась на волю.

Она наступала.

Огромное облако черноты следовало за Алкидом, оседлав движения воздуха, вздымавшие с тротуаров опавшие листья, дувший между зданиями ветер и даже вздохи отчаяния тех, кого оно уже поглотило.

Алкид нёс в себе искажённую, похожую на грязь магическую энергию цвета разрушения, но тень, что преследовала его, воплощала собой тьму совершенно иного рода.

Алкид никак не мог знать, чем именно был этот «чёрный туман».

И всё же весь его накопленный опыт и чувства, обострённые недавней смертельной битвой, говорили ему, что это была необычная сущность.

Он не знал, что происходило с теми, кого окутывала чернильная тьма, но заметил одну вещь: духовная основа Цербера, часть его Благородного Фантазма, исчезла из этой области.

Связывавшая их магическая энергия полностью пропала, но он не мог ни воплотить его заново, ни отозвать.

Словно какой-то огромный барьер расплзался сам по себе в попытке изолировать его.

Тёмный поток, похожий на хамсин, который он видел однажды в засушливом регионе средиземного побережья, только чёрного цвета, продолжал наступать, но его скакуну наконец удалось его обогнать.

Путь впереди был свободен. Казалось, сбежать теперь будет легче лёгкого.

В этот момент... Алкид услышал слабый звук чего-то, рассекающего воздух.

— Здесь? — пробормотал ставший мстителем лучник. В его раздражённом тоне послышался слабый намёк на совершенно другую эмоцию. — Нападёшь на меня при таких обстоятельствах? Ты поистине бесстрашна, царица.

В то же время он наложил стрелу на тетиву, изогнул верхнюю часть тела и, не переставая подгонять скакуна, выстрелил.

Раздался грохот, и ночь на главной улице озарил сноп искр.

Спустя секунду между зданиями раздался стук копыт, сплетаясь в громкую мелодию с топотом ног большого коня Алкида.

Показалась одинокая лошадь, которая двигалась необычайно ловко и быстро. Верхом на ней восседала Героическая душа.

— Алкид! — едва увидев его, закричала всадница, Героическая душа класса Райдер Ипполита. — Как ты смеешь! Намереваешься оскорбить тех храбрых героев и их достижения, сдерживая яд с помощью проклятия?!

Услышав это, Алкид бесстрашно улыбнулся под скрывающим его лицо куском ткани. При этом он продолжал подавлять струившийся по его венам яд гидры с помощью силы «грязи», полученной от Баздилота.

«Вот как. Это всё объясняет».

В его голове на секунду вспыхнули образы полицейских, с которыми он столкнулся незадолго до этого.

«Те люди, за исключением человека по имени Джон... Все они были вооружены Благородными Фантазмами, но я сомневаюсь, что они устояли бы перед моей мощью».

Потока его магической энергии хватило бы, чтобы разметать офицеров полиции.

Но они остались на поле боя и выжили.

Их поглотил чёрный туман, и он не знал, что с ними стало после, но те полицейские были неестественно выносливыми... или, скорее, их несомненно поддерживала какая-то внешняя сила.

— Царица.

В голове Алкида, продолжавшего изо всех сил гнать своего коня вперёд, тотчас же зародились сомнения, и он как ни в чём не бывало озвучил свои умозаключения.

— Ты... даровала им свою *защиту*, не так ли?

— ...

Ипполита ускорила своего скакуна и молча пустила очередную стрелу.

Алкид отразил её своим луком. Стрела пролетела мимо и вырвала из дороги здоровенный кусок асфальта.

Однако огромный конь Алкида с лёгкостью перепрыгнул через возникшее препятствие и продолжил нестись вперёд.

Алкид плавным движением перешёл к ответной атаке, не останавливая покоем на удар косою движение своего лука.

Он наложил на тетиву сразу три стрелы и пустил их одновременно с ускорением его скакуна.

Разрывая воздух, стрелы разлетелись в разные стороны и устремились к Ипполите спереди, сзади и сверху.

Но Ипполита умело направила свою лошадь в сторону и начала скакать по стене здания.

Разумеется, повернуть такое, как правило, было невозможно.

Прыгнув из положения горного оленя, взбирающегося по отвесной стене, стремительный скакун начал буквально скользить по городскому пейзажу со скоростью сокола.

Лошадь и всадница будто слились воедино – Ипполита продолжала стрелять из лука, и движения скакуна ей никак не мешали. Из-за ослепительной скорости их можно было принять за кентавра из легенд.

Царица амазонок, которых иногда называли «исконным племенем наездников», показывала вершину навыка верховой езды, чьё совершенство противоречило её юному облику. Однако этот навык, скорее, был получен совершенно иным путём, отличным от того, что в современном мире называли «совершенствованием» - из глубин её духовной основы. Она прорезала тьму ночи под ржание её лошади.

— Уверен, что некоторые из тех офицеров были мужчинами, — попробовал задеть царицу Алкид, покачивающийся на спине собственного коня.

— ...

— Неужели сияние Грааля и логика войны заставили тебя отбросить гордость, царица амазонок?

— Молчать.

Даже во время этого разговора никто из них не сбавил бдительность и не перестал атаковать.

— Не знаю, чего бы ты пожелала... но ты и вправду готова пожертвовать своими жизненными принципами ради исполняющего желания Грааля?

— Я сказала молчать!

В её голосе чувствовалась досада. Алкид тихо, но с силой спросил:

— Как тогда, когда ты нас предала?

— ...

Ответом царицы был... не гневный рёв, а молчание.

Все эмоции исчезли из глаз Ипполиты, которые до этого горели яростью. Её скакун нёсся по ночному пейзажу со скоростью ветра, но для неё время остановилось.

На её лице во мраке ночи не было никакого выражения. Или, возможно, его попросту стёрло множество навалившихся, словно угли, эмоций.

Но это продлилось лишь мгновение.

Один миг, который потребовался её лошади на то, чтобы оттолкнуться от земли и вновь соприкоснуться с ней копытами.

После мимолётной пустоты, в которой, казалось, застыли даже слова, на её лице возникла... бесстрашная улыбка.

— Чушь!

Её лошадь стремительно поравнялась с огромным скакуном Алкида, и в руках царицы возникло копьё, материализовавшееся из глубин её духовной основы.

— !

— В таком случае тебе следовало вложить в слова больше презрения, Авенджер.

Длиной копьё превосходило рост своей обладательницы. Она взмахнула им в попытке лишить Алкида жизни.

В мгновение ока Благородный Фантазм царицы, пояс бога войны, обвинил её державшую копьё руку, и на лук Алкида обрушился удар, окутанный божественной аурой.

Алкид отреагировал, тотчас же активировав такой же Благородный Фантазм – пояс бога войны – и отразил удар своим луком, который тоже окутала божественная аура.

Плечо его могучего лука отбило наконечник копья, и по ночному городу эхом разнёсся громкий треск.

Рассеявшись, божественность разорвала окружающую тьму и замедлила приближение «чёрного тумана».

Они скрестили оружие во второй раз, затем в третий, после чего их скакуны разошлись в стороны и Ипполита взревела:

— Неужели ты всерьёз полагал, что я клюну на такую насмешку?!

Их голоса со странной силой звучали в ушах друг друга, несмотря на стук копыт и свист стрел.

Они раз за разом атаковали друг друга, когда пути их скакунов то и дело пересекались в трёх измерениях, а «чёрный туман» вновь начал настигать их с удвоенной силой.

— Ты на грани, Алкид!

— О?..

Ипполита стреляла из лука, целясь в те участки тела Алкида, которые не прикрывала шкура Немейского льва, и время от времени переключалась на копьё, чтобы наносить удары по его оружию.

Это был нескончаемый дождь из атак, идеально синхронизированных с движениями её скачущей галопом лошади.

Разницу в магической энергии, которая содержалась в их духовных основах, она пыталась компенсировать навыком, но измотанный чередой сражений Алкид был не в том состоянии, чтобы отбиться от неё одной лишь грубой силой.

Кроме того...

...

Отражая выпады копья царицы, Алкид осознал.

«Её сила растёт».

Во время их столкновения в ущелье количество и качество её магической энергии было значительно меньше.

«Её временно усилили с помощью командного заклинания?..»

«Нет, эффект постоянный. Само ядро её духовной основы было усилено».

— Я забираю свои оскорбления назад, царица.

— ...

— Я полагал, что твоей стратегией было даровать благословение другим, оставаясь при этом в тени, и нанести удар, когда я не буду к этому готов. Но ты намерена разорвать меня в честном поединке.

— Разумеется, — вскользь ответила восседавшая на лошади царица, после чего прорычала: — Алкид... ты всё не так понял.

— Что?

— Я не собираюсь отвергать убеждения своих сестёр и своего народа, какими бы они ни были, — она накопила силу в поясе бога войны - ткани, повязанной вокруг её правой руки – и отчётливым, громким голосом продолжила: — Но ты даже не знаешь, для чего был рождён мой народ!..

Её правая рука засияла, и божественная аура, переполнявшая тело царицы, угрожающе разрослась.

Большую часть этого сияния она сосредоточила в копье, а остальное влила в своего скакуна.

Царица и её драгоценная лошадь вышли за рамки единения всадника с ездовым животным и стали одним целым ещё и с оружием. Они образовали острие копья и со всей свирепостью обрушились на Алкида.

— Или чего я по-настоящему желала на тех пышных, населённых духами равнинах!

На мгновение «чёрный туман» полностью скрыл их... после чего его вновь развеял грохот, в сравнении с которым все предыдущие казались лёгким хлопком.

— Хороший удар, царица.

Как только туман рассеялся, взору царицы предстал восседавший на своём коне Алкид, из левой руки которого торчало копье.

— Похоже, ты нашла себе превосходного Мастера.

— ...

— Я вижу, что за столь короткое время ты либо привыкла к сражениям, либо получила точную настройку. Человек он, наверное, впечатляющий, если с его

помощью ты смогла обрести так много божественной силы в этом невероятно далёком от Эпохи богов мире.

Его рану, однако, никак нельзя было назвать смертельной. Несмотря на наконечник копья, засевший между его костями, тёмно-красная «грязь» уже начала извиваться и заполнять собой рану.

— Алкид... Что ты несёшь внутри себя? — спросила Ипполита, лицо которой мрачнело с каждой секундой. В правой руке она всё ещё сжимала копье. — Что это за «грязь»?

Поскольку наконечник её копья засел в теле Алкида, они, естественно, были вынуждены скакать параллельно друг другу. Когда Ипполита, увидев «грязь», на мгновение задумалась над тем, чтобы высвободить своё оружие, Алкид взмахнул луком в правой руке и ударил её в бок.

Фыркнув, она поспешно заблокировала атаку с помощью божественной энергии пояса, но сила удара вырвала копье из руки Алкида, и два скакуна вновь разошлись в стороны.

Алкид убедился в том, что «грязь» закрыла рану, после чего как ни в чём не бывало заявил:

— Кто знает? Но, учитывая, что она адаптируется к моему нынешнему облику... возможно, это часть «человека».

В следующий миг... часть тёмно-красной грязи, переполнявшей его рану, резко хлынула вперёд и устремилась к Ипполите.

— В таком случае, царица-полубогиня...

— Что?!..

— Знай, что тебе не сразить *апогей человека* одной лишь божественной силой.

Грязь цвета полусгнившей крови, совершенно не похожая на «чёрный туман», попыталась окутать Ипполиту, подобно густку живой слизи.

Она и её лошадь едва смогли от неё увернуться.

Но «грязь», которая, казалось, обладала собственной волей, превратилась в огромные вязкие челюсти и начала преследовать Ипполиту в попытке сожрать её одним махом.

— Так просто меня не возьмёшь!..

Ипполита вновь сосредоточила магическую энергию в поясе, повязанном вокруг её руки, и приготовилась извлечь ещё больше божественной силы... но, словно в ответ на это, грязь внезапно взорвалась.

Раскинувшись, будто паутина с перекрестком главной улицы в центре, она превратилась в облако грязных паров, угрожавшее окутать Ипполиту и её лошадь со всех сторон.

Жуткое подобие леса чёрных деревьев стремительно приближалось к ней, и Ипполита, осознавая опасность, начала слияние своей духовной основы с поясом, как вдруг...

«Силой командного заклинания я приказываю тебе...»

— Мастер?!

Это была даже не телепатия. Голос раздавался внутри Ипполиты и обращался напрямую к природе её духовной основы.

«Извлеки дракона из духовных жил и высвободи его со всей божественной мощью!»

В следующее мгновение отовсюду вокруг неё – из самой священной земли Сноуфилда – потоком хлынула магическая энергия и проникла в пояс бога войны.

Внезапно мрак ночи озарило радужное сияние.

Это был не только её Благородный Фантазм.

Магическая энергия, содержавшаяся в самой Героической душе, словно взорвалась, и огромный поток света с Ипполитой в центре смёл большую часть приближавшейся «грязи».

Когда ослепительный свет угас и Ипполита огляделась... «грязь», «чёрный туман» и даже Алкид исчезли без следа.

Осознав, что он воспользовался возможностью и отступил, царица скрипнула зубами.

— Хочешь сказать, что я не достойна даже того, чтобы свести со мной счёты?!..

Как только гнев Ипполиты утих, она повернулась и начала говорить с пустотой. Царица телепатически общалась со своим Мастером.

— Мастер, одно из твоих драгоценных командных заклинаний... — начала возмущаться она, но не смогла продолжить.

— Нет. Спасибо, Мастер. И прошу прощения. Похоже, что я всё ещё недостаточно сильна.

Отдача, которую она испытала, и извращённая магическая энергия «грязи», почти захлестнувшей её в тот момент, когда она смела её своей усиленной командным заклинанием духовной основой, убедила царицу в одном:

«В своём нынешнем состоянии я не смогла бы её остановить».

Она предположила, что ей не удалось бы полностью избавиться от этой смешанной с кровью Алкида «грязи» и её огромного объёма магической энергии без помощи командного заклинания.

И... если бы эта грязь что-нибудь сделала с ней, то ей наверняка пришлось бы несладко.

Царица полагала, что её Мастер, наблюдавшая за ней с расстояния, использовала командное заклинание, чтобы спасти её, потому что восприняла всё более серьёзно, чем она.

«Даже если мой Мастер истратит все командные заклинания, я вряд ли перестану ей подчиняться...»

Ипполита не испытывала неприязни к той, что была её Мастером.

Да, кое в чём они не сходились во взглядах, но её Мастер была достойна того, чтобы скакать рядом с ней.

Но именно по этой причине... она чувствовала себя обязанной Мастеру за то, что ей потребовалась помощь командного заклинания в битве с врагом, который был тесно связан с ней.

— ...

После исчезновения Алкида и чёрного тумана Ипполита обзревала городской пейзаж, поглаживая шею своей лошади.

Она уже покинула главную улицу и удалилась на значительное расстояние от больницы, из которой хлынул «чёрный туман».

Небо начало светлеть, и она почувствовала, как жители города, которых отвадили подальше от главной улицы, начали стекаться к больнице.

— В любом случае я не могу так сражаться. Начнём сначала, Мастер, — телепатически заявила Ипполита и снова села на лошадь.

— Ты хорошо скакал, Калион. Давай отдохнём с Мастером.

Обратившись к лошади с умиротворением на лице, Ипполита перешла в призрачную форму и медленно направилась в обитель её Мастера, двигаясь по глухим переулкам.

Прежде чем фигуры девушки и её скакуна исчезли, их заметили несколько людей, но не придали этому значения, поскольку казино и другие предприятия часто пользовались лошадьми для рекламы. Они решили, что одежда Ипполиты, наверное, была частью какой-нибудь рекламной акции, и пошли дальше по своим делам.

Жители Сноуфилда больше не могли тратить энергию на столь маленькие странности.

Необъяснимое возвращение людей, которые покинули город, но теперь говорили, что «не хотели уезжать».

Загадочная болезнь, поражающая животных.

Нападение террористов на полицейский участок.

А ещё взрыв газовой трубы в пустыне, потрепавшая город странная буря и пожар в промышленном районе.

Одно происшествие следовало за другим, и все, кто следил за новостями или погодой, подозревали ещё кое-что.

Сейчас на западе Соединённых штатов бушевал огромный ураган.

Ходили слухи, что он надвигается на Сноуфилд.

Жители города не сомневались - он ударит прямо по нему.

Они думали, что всё это не могло быть совпадением. Что в их городе что-то происходило.

У них не было доказательств.

Если они писали об этом в сети, то люди из других штатов просто засыпали их комментариями вроде «Не повезло, что тут скажешь» и «Вас, ребята, наверное, прокляли».

Причиной такого несерьёзного отношения было то, что смертей было немного, а правительственные агенты прилагали усилия к сокрытию любого бросающегося в глаза ущерба, однако среди жителей Сноуфилда продолжала расти тревога.

Но ситуация ещё не скатилась до уровня паники и бунта.

Бесчисленные внушения и барьеры, встроенные в город во времена его основания, сдерживали подобные порывы.

Но даже так... они были почти на пределе.

На лицах тех, кто чувствовал, насколько плачевной была ситуация, начали проявляться признаки не сопротивления, а смирения.

Они понятия не имели, что будет дальше.

В глубинах их наития просто клубилось беспокойство.

Чувство, что городу Сноуфилд скоро придёт конец.

И что в это будут втянуты их жизни и жизни всех остальных.

×

×

В небе.

На обычно недостижимой высоте с помощью силы магии парило большое воздушное судно.

Внутри дирижабля, который также являлся мастерской Франчески – одной из зачинщиков «Фальшивой Войны за Святой Грааль» в Сноуфилде – магесса наблюдала за событиями на земле вместе с Кастером, которого она призвала, Франсуа Прелати.

С помощью Франсуа и его навыка «Иллюзия» Франческа обманула расстояние и наблюдала за сражением перед больницей без помощи фамильяров, словно всё разворачивалось прямо перед ней. Однако...

— Странно...

— В чём дело? — спросил Кастер, набивавший рот тыквенным пирогом.

— Происходит много чего забавного, — в замешательстве ответила его Мастер Франческа. — То есть я рада сюрпризам, но от незнания ответов у меня голова кругом идёт.

— Какая же ты эгоистка. Чего и следовало ожидать от меня, — ответил Кастер – Прелати – с хриплым смехом. Франческа не обратила на него внимания и продолжила думать вслух.

— Качество духовной основы царицы амазонок стало выше, чем тогда, когда я видела её в ущелье. Удача осталась примерно на том же уровне, но физические способности и внутренняя магическая энергия скакнули вверх, пожалуй, на целый ранг.

— Ого, а такое вообще возможно? Даже не думал, что увижу рост Слуги во время войны.

— Вполне возможно, если усилить Слугу вливанием магической энергии... Думаешь, её Мастер, малышка Дорис наконец-то зашла на запретную территорию со своей магией усиления? Может, поставила на кон продолжительность жизни и даже метку, чтобы усилить Магические цепи?..

— Ого. Мастер царицы ведь на «нашей стороне», да? Она должна знать, что Грааль – это искажённая фальшивка. У неё, наверное, не все дома, раз она всё равно рискует ради него жизнью.

Прелати, похоже, заинтересовался, поскольку он вытер платком с лица тыквенный крем и повернулся к Франческе.

— Ну, пока всё не кончится, нам не узнать, удастся ему приблизиться к Третьей магии или нет... но, учитывая количество магической энергии, он сможет исполнить парочку довольно внушительных желаний.

— Ох, да кому какая разница? Всё равно будет гораздо веселее, если они станут бороться всерьёз, а не помирать с лёгкостью один за другим! У нас тут с Гильгамешем разделились, а он был одним из главных претендентов на победу, так что сейчас начнётся самое веселье!

Франческа внезапно решила смириться с ситуацией и расхохоталась.

— Ну да ладно. Мне больше интересен тот чёрный туман, который вырвался из больницы. Что это было? — спросил её Прелати.

— Кто знает?

— «Кто знает»?.. Это же ненормально. Разве мы не должны что-нибудь предпринять?

— И что бы ты сделал на моём месте? Запаниковал и начал плакать от того, что тебе страшно и ничего не понятно?

— Ну... я бы, наверное, сказал «Кто знает?», но плачущий навзрыд я в теле девочки может оказаться на удивление возбуждающим зрелищем, так что почему бы не попробовать?

— Полностью согласна, но это будет та ещё морока, так что тут только по настроению. Сейчас же я понятия не имею, что произойдёт дальше, и хочу насладиться этим сполна!

Отмахнувшись от Прелати, она вновь начала думать вслух.

— И всё же... то, что малышка Цубаки стала Мастером, было забавной случайностью, но мне бы хотелось знать, что за Героическую душу она призвала. Ведь её Слуга, кем бы он ни был, похоже, перенёс кучу людей чёрт знает куда.

— И та девушка... Харли, верно? У меня все органы зазудели от удовольствия, когда она призвала монстра, но сегодня она радовала не так сильно, да?

— Какое тут веселье, когда люди делают всё, что хотят, причём там, где я их не вижу.

На этом Франческа прищурилась и с нехорошей улыбкой пробормотала:

— И этот кровосос, который появляется и исчезает, когда ему вздумается, немного... неприятный, тебе так не кажется?

Во сне.

— Похоже, в «этот мир» много чего затянуло... Интересно, что будет теперь.

Кровосос в облике маленького мальчика – маг Джестер Картур, который технически являлся Мастером Ассасин – использовал свою силу, чтобы сменить форму, и теперь пожирал глазами город с крыши здания.

— Если мисс Ассасин встанет на сторону этого мира, то сделает своими врагами полицейских. Впрочем, их и до этого нельзя было назвать друзьями, — хихикая, пробормотал себе под нос Джестер.

— Если же она пойдёт против этого мира, то ей придётся убить малышку Цубаки, ради защиты которой она так упорно сражалась. Да, я не пострадаю в любом случае. Это Война за Святой Грааль, — продолжил Джестер со зловещей улыбкой, которая никак не вязалась с его юным обликом. — Все вокруг враги. Все.

Вскоре в его улыбку закрался намёк на иступлённый восторг, и он с экстазом широко распростёр руки.

Джестер продолжил выражать свою радость, словно пытаясь единолично бросить вызов голубому небу, на котором полностью взошло солнце.

— Только я... Только я, твой Мастер, могу быть твоим союзником... мисс Ассасин.

Джестер упивался своим восторгом... но он кое-что упустил – «аномалию», которая произошла в этом мире.

Даже Бледный всадник, Слуга Цубаки это не заметил.

Под домом Куруока рождалось *что-то*.

Под домом была обустроена мастерская мага, которая была больше, чем подвал.

Вокруг одного «катализатора», который был аккуратно расположен в её центре, воплощалась аномалия.

— ...

Возможно, это следовало назвать призраком.

По крайней мере, это был не чей-то Слуга.

— Почему?..

Это было существо, которое могло бы стать Слугой, но оно ни с кем не было связано каналом магической энергии.

Вероятно, оно появилось в ответ на чьё-то воздействие и вскоре исчезнет. «Оно» было облачено в красные одеяния, а вокруг парил мерцающий водяной шар.

— Почему я здесь?..

У существа были чёткие черты лица и странная, андрогинная фигура... Но оно пока ничего не делало, лишь колыхалось на месте.

Пока.

— Чжэн?..

Глава 17

«Рассвет нового дня и беспробудные сны II»

День третий. Утро. Полицейский участок Сноуфилда. Кабинет начальника полиции.

После смертельной битвы перед больницей в Сноуфилде прошёл целый день.

Урон, нанесённый главной улице, объяснили повреждениями газовых и водопроводных труб, которые спровоцировал недавний взрыв в пустыне, оставивший после себя огромный кратер.

Террористы, совершившие нападение на полицейский участок, заранее саботировали трубы, которые и без того были повреждены взрывом в пустыне, что в итоге вылилось в трагедию... По крайней мере, так гласила история, придуманная для общественности. Вероятно, было решено, что газовая компания не протянет до конца Войны за Святой Грааль, если и за это происшествие взвалить ответственность на неё.

Гнев жителей города был направлен на несуществующих террористов, но из-за вестей о том, что вышеупомянутых террористов всё ещё не поймали, у множества людей развилось чувство опасности, и они начали избегать посещения городских районов без должной на то причины.

В это нелёгкое время просторный офис заполнил голос одного человека.

— Значит, Король героев Гильгамеш пал... — нахмурившись, пробормотал себе под нос начальник полиции Сноуфилда Орландо Рив, просматривая доклады одного из его подчинённых, которому было поручено наблюдать за Мастером Гильгамеша Тиной Челк и её фракцией.

Он уже об этом догадывался, исходя из измерений магической энергии, проведённых в его офисе минувшей ночью.

Предполагалось, что Цубаки, дочь Куруока, будучи в коматозном состоянии, каким-то образом обрела командные заклинания и стала Мастером.

Он направил в больницу офицеров, чтобы они взяли Цубаки под защиту и убедились в намерениях её Слуги, но их задание обернулось ожесточённой схваткой между несколькими Героическими душами.

Орландо зафиксировал необычайный поток магической энергии. Спустя секунду отклик от духовной основы, которая, как он полагал, принадлежала Королю героев, потерял устойчивость и теперь постепенно исчезал.

— Наш самый опасный враг потерпел поражение... по крайней мере, так я должен был на всё это отреагировать.

Начальник не отчаялся, но лицо его было суровым.

Может, он и избавился от опасного врага... но при этом его силы понесли разрушительный урон.

Более двадцати его подчинённых, за исключением тех немногих, которых он оставил в резерве на случай вмешательства третьей стороны, исчезли сразу же после угасания духовной основы Короля героев.

Если бы их убили, то он бы смог смириться с этим и переключить своё внимание на следующий шаг.

Он был не настолько убеждённым магом, чтобы эта потеря его не тронула, но он был готов к их смерти. И своей в том числе.

Он не намеревался жаловаться на сложившиеся обстоятельства, однако, неведение об их участии вынудило его обдумать следующий ход.

На главной улице не было даже намёка на трупы – лишь материальный ущерб.

Большая часть ближайших камер наблюдения была уничтожена в ходе боя, но некоторые уцелели и смогли запечатлеть чёрный туман, движущийся со стороны больницы.

На записи он мало чем отличался от лёгкой дымки, но если это была некая форма магической энергии, то даже невооружённым глазом маги или Героические души могли увидеть больше.

Исчезла даже его заместительница, Вера Левитт.

Начальник лишился большей части своих пешек, однако ему хотелось выяснить, что с ними случилось, и он думал над тем, чтобы сделать это приоритетной задачей.

«Даже если предположить, что их убил туман, отсутствие тел наверняка что-то значит».

«Надо понять мотив. А догадки по поводу того, кто это сделал и как, оставить на потом».

«Виновнику, кем бы он ни был, нужны тела? Чтобы управлять ими, словно зомби, или извлечь информацию о нас прямо из голов?..»

«Если же они живы... то он может промыть им мозги или пытаться их для получения сведений...»

Думать о том, что он рисковал утечкой информации или тем, что его подчинённых могут обернуть против него самого, было удручающе, но Орландо продолжил свои предположения.

«Другие возможные причины... Слуге Куруока Цубаки нужно где-то спрятать большое число людей?»

«В любом случае всё сводится к “whydunnit”».

«Впрочем, хоть я и могу провести тщательное расследование, дедукция никогда не была моим коньком».

«Приказ Мастера?.. Нет, быть того не может».

«Куруока Цубаки в коме. Она не в том состоянии, чтобы связываться со своим Слугой».

«...»

«Стоп. Неужели это действительно правда?»

«Я оборвал связь намеренно, но, если верить Фалдеусу, воспоминания Слуг могут передаваться их Мастерам через связывающую их магическую энергию...»

«А что, если это работает и в другую сторону?»

«Что, если Слуга прочёл что-то в подсознании коматозной Цубаки и...»

Поток мыслей начальника начал ускоряться, но в этот момент раздавшийся в офисе голос нажал на тормоза.

— Здравов.

Начальник повернулся и увидел своего Слугу, Кастера Александра Дюма-отца.

— Что ты здесь делаешь, Кастер?

— А, я просто помогал.

— В смысле?

— Прости, братан, — отозвался Дюма на подозрительный вопрос начальника, — ты оборвал телепатическую связь со своей стороны. Опять же, звонить я не стал, потому что был уверен, что ты меня остановишь.

— Погоди, о чём ты говоришь? — спросил начальник, подозревая, что ответ ему не понравится.

— Ну, — беспечно продолжил Дюма, плюхнувшись на диван для посетителей в углу офиса, — повезло, что я наблюдал за боем издалека. Сиди я в первом ряду, точно бы угодил в чёрный туман. Хотя, может, лучше бы я был там, чтобы поддерживать твоих ребят... Но что уж тут поделать.

— Ты был там?! Не припомню, чтобы отдавал тебе такой приказ!

— Ага, а я не припомню, чтобы получал его. Приятно знать, что с памятью у нас обоих всё в порядке. Мы могли бы быть свидетелями для алиби. Это важная роль в пьесах и романах.

— Ты понимаешь свою значимость? Меня и моих офицеров можно заменить, но если что-то случится с тобой, нашей Героической душой, то нашей фракции конец.

Слова начальника были насыщены тихой яростью, но Дюма, пожав плечами, махнул рукой на его чувства и небрежно ответил, будто заказывая завтрак:

— Не совсем. Вы бы и без меня справились. Сейчас как раз тот этап, когда можно наткнуться на беспризорную Героическую душу, потерявшую Мастера. Можно просто заключить контракт с одной из таких.

— Думаешь, что сможешь так отвертеться?

— Я говорю, что ты хотел участвовать в этой войне, так что не списывай себя со счетов так легко.

— !..

После этих слов Дюма начальник замолк, чтобы сделать несколько глубоких вдохов, стёр с лица все следы гнева и нетерпения и продолжил разговор, тщательно контролируя себя:

— Пожалуй, ты прав. Прости. Даже если все, включая нас, погибнут, мы не должны считать это концом.

— Ха-ха! Мне нравится, как ты умудряешься остывать всего лишь за секунду.

— Сочту это за утешение... Но спокойствие не поможет мне исправить нашу ситуацию.

— Тогда держи радостные вести, я угощаю. Твои пропавшие офицеры *всё ещё в хорошей форме*.

— !

Глаза начальника слегка округлились.

— Я по-прежнему чувствую оружие, которое я для них состряпал, — с радостной улыбкой продолжил Дюма. — Может, Кастер из меня такой себе для этой Войны за Грааль, но я, по крайней мере, могу сказать, существуют ли вещи, к которым я приложил руку, или уже нет. Если верить моим чувствам, то оружие, которое я им дал, всё ещё где-то в нашем мире... но туда так просто не попадёшь... Вот моё честное мнение.

— Но существование Благородных Фантазмов ещё не гарантирует безопасность их владельцев, не так ли? — с подозрением спросил начальник.

— По крайней мере, Джон жив, — ответил Дюма. — Потом объясню. Это просто значит, что у меня есть Фантазм, про который я тебе ещё не рассказывал.

— Ладно. Если после ты всё объяснишь, я подожду. Безопасность моих людей сейчас важнее всего.

Начальник проглотил то, что собирался сказать, и сосредоточился на текущей проблеме.

— И всё же... Я не понимаю. Они внутри какого-то барьера?.. Только не говори мне, что это Зеркало души.

Зеркало души.

Начальник простонал про себя от одной лишь мысли об этих словах.

— Зеркало души... Это великая магия, верно? Выстраивает небольшой мирок из умственного пейзажа и вклинивает его в наш мир?

— Твоё понимание грубоватое, но в чём-то верное... Хм-м, Зеркало души или аналогичная магия вполне способно изолировать определённое количество людей. Я не удивлюсь, если у Героической души найдётся пара таких трюков в рукаве... Но для этого потребуется огромный запас магической энергии. Оно может удерживать исчезнувших людей какое-то время, но недолго.

Даже в мире магии считалось, что Зеркала души вплотную приближались к Истинной магии.

Учитывая сравнительно небольшой запас магической энергии у обычных магов, даже Героическая душа едва ли сможет переписать реальность своим «миром», порой даже изменяя законы физики, более чем на несколько минут.

Другое дело, если был источник магической энергии для поддержания Зеркала души, но тогда их система наблюдения заметила бы движение магической энергии таких масштабов.

«Возможно, Фалдеус уже заметил и теперь удерживает информацию...»

«Нет... есть ещё огромный отклик магической энергии, внезапно возникший прошлой ночью».

«Нам следует и впредь пользоваться системой наблюдения, но если существует возможность полностью скрыть поток магической энергии таких масштабов, то мы должны попробовать и другие методы».

Пока начальник погрузился в размышления, Дюма читал газету, лежавшую на приённом столе.

— Эй, ещё плохие новости. Зацени. Прямо к нам движется ураган. Думаешь, это дело рук Слуги?

— Он образовался далеко на западе, так что мне хотелось бы думать, что это обычное стихийное явление. И всё же...

— Судя по кислой физиономии, ты, похоже, не настолько оптимистичен. Это хорошо. Обычный это ураган или нет, ветер и дождь нарушат наши планы. Ещё, судя по всему, за один день умерла целая куча важных шишек в твоей стране. Ещё одна буря нам на головы.

— Меня это тревожит... Но вряд ли я смогу получить по поводу этого удовлетворительный ответ от Фалдеуса или той старой сучки.

Исходя из времени, начальник подозревал, что всё произошедшее в Соединённых Штатах было связано с «Фальшивой Войной за Святой Грааль» в Сноуфилде. Но даже если связь была, он не мог убедиться в этом незамедлительно, и его это удручало.

Ситуация в центральном Сноуфилде становилась только хуже, и начальник осознал собственную беспомощность.

«Нет, я уже это знал».

«Я шёл на это, понимая, что наши способности уступают другим. И всё же мы...»

Начальник сжал кулаки.

— Что будешь делать, братан? — вскользя спросил Дюма.

— В смысле?

— Когда собираешься спасти их? Всё будет зависеть от того, куда они пропали, но если Героическая душа вроде меня сможет туда проскользнуть, я попробую.

Начальник нахмурился.

Он не знал всего о призванной им Героической душе, но ему в общем и целом были известны способности Дюма.

— Ты почти обманул меня раньше, но я не могу позволить себе отправить тебя на передовую. Я не приказывал тебе заходить так далеко и не намерен это менять. Если ты собираешься и дальше настаивать на том, чтобы действовать по своему усмотрению, я ограничу твои передвижения, даже если это будет стоить мне командного заклинания.

Тон начальника был суровым. Дюма стёр с лица свою обычную улыбку и всерьёз ответил:

— Нет, ты приказал мне. Причём, первым же делом.

— Что ты...

— Брат, ты попросил меня создать оружие для твоих офицеров. Дать «силу сражаться» кучке магов-новичков, которые для Героических душ всё равно что мелюзга в колясках, которых катают по парку.

Дюма пролистал газету, указал на страницу с сериализованным рассказом автора, живущего в Лас-Вегасе, и, постучав по ней пальцем, начал разъяснять:

— Я писатель, брат. Какую «силу» я могу вам дать, ребята? Какое «оружие»? Это «Благородный Фантазм», который появился у меня не пойми откуда, когда я стал

Героической душой? Навык «Создание предметов», который я получил на гарнир? Что ж, это тоже ответ, но он не достаёт до сути.

В этот момент пальцы Дюма замерли, и он, зажав между ними газету, поднял её со стола.

— Есть только одно, что я могу дать другим! Да... истории!

В следующее мгновение Дюма подбросил газету в воздух и громко заявил под дождём из листов:

— Художественная или научная литература! Пьесы, которые я редактировал, или моя автобиография! Фантазии, проработанные от А до Я в моей голове! Возвышенные персонажи и исторические образы жизни, переработанные в повествование! Полное собрание мировой кулинарии! Всё это и есть «история»!

Дюма продолжал говорить отчётливо, словно выступая на театральной сцене.

Он не повышал тон, но его голос эхом отдавался в глубинах желудка, будто песнь кита, поющего совсем рядом.

Начальник рассудил, что даже если это была всего лишь иллюзия, слов было достаточно, чтобы её создать. Он не стал пропускать их мимо ушей, как всю прочую привычную болтовню Героической души.

Увидев отношение начальника, Дюма воспрянул духом.

— Да, когда месье Гарибальди сказал, что собирается начать революцию, я поддержал его кораблями, оружием и деньгами, это правда. Но это тоже была «история». Когда остальные узнали, что золото, оружие и слава достались другому, все эти вещи обрели множество значений. Александр Дюма, написавший «Трёх мушкетёров», стал сенсацией! Может, тогда у меня было не так уж много влияния, но его было достаточно, чтобы изменить жизнь человека. Я посмотрел, что там про меня пишут в сети, и эта история была там. Это, по крайней мере, показывает, что люди запомнили мой поступок на сотню с лишним лет.

Прослушав речь Дюма, которую тот произнёс, словно актёр на сцене, начальник на несколько секунд погрузился в молчание, после чего привёл свои эмоции в порядок и начал говорить:

— Я понимаю, что ты пытаешься сказать. Но это не имеет никакого отношения к тому, что ты лезешь на рожо...

Но Дюма прервал его.

— Джон Вингард.

— ?..

Неожиданно услышав имя из уст Дюма, начальник на мгновение застыл.

— Вера Левитт, Энни Куарон, Дон Хокинс, Чедвик Ли, Юки Капотэ, Адрина Эйзенштейн...

В бормотании Дюма, осторожно подбиравшего с пола газетные листы, которые только что танцевали в воздухе, начальник тотчас же узнал имена.

Это были имена всех членов сформированного им боевого отряда под названием «Клан Калатин».

Пусть Дюма всего лишь перечислял их, но начальник ощутил в его словах неоспоримую силу и не стал перебивать.

— София Валентайн, Эдди Брандо и последний, но не менее важный, ты, брат... начальник полиции Орландо Рив.

— Я знаю, что ты вынюхивал подробности, но не ожидал, что ты запомнишь имена их всех.

— О, не только имена... Лица, голоса, биографии – всё, что только можно было узнать, вплоть до любимых трав и специй. Но ты ведь и сам из тех, кто запоминает имена всех своих офицеров, не так ли, брат?

Дюма вовсе не хвалился. Высказавшись как ни в чём не бывало, он положил аккуратно сложенную газету на стол и подошёл к рабочему месту начальника.

Упёршись обеими руками в столешницу, он наклонился вперёд и провозгласил Мастеру «собственные слова».

— Имена, которые я только что перечислил, были «списком действующих лиц». Они уже играют важные роли в одной из моих работ.

Широко улыбнувшись, Дюма распростёр руки и произнёс напоследок:

— Я не считаю себя богом и не намерен ими управлять. Но в программе у нас событие, которое происходит лишь раз в жизни – *Война за Святой Грааль*. Вероятно, первая и последняя, которую ты и твои люди когда-либо увидят. Я же внёс свою лепту в сценарий в виде «оружия» и «силы».

— Я помог немного актёрам, но не знаю, чем в итоге всё обернётся, даже для меня. Что скажешь, разве это не похоже на идеальную пьесу? Идеальную жизнь? Разве тебе не захотелось занять место в первом ряду?

×

×

Внутри барьера.

— То есть... это всё ненастоящее? — недоверчиво пробормотала Аяка Садзё, проскользнув через двери церкви и осмотрев раскинувшийся перед ней под голубым небом мир.

Пейзаж был красивый. Такие обычно выбирают на обложку туристической брошюры.

Ему не хватало исторического веса, но в ладно выстроившихся строениях чувствовалась гармония, в которой особенно выделялись отели-казино и муниципальные офисы в центре города.

Городской пейзаж был таким же, как и раньше.

Но даже Аяка с первого взгляда поняла, что ситуация явно не была нормальной. Во-первых, помимо неё и офицеров полиции в городе никого не было.

Во-вторых... церковь и главная улица, от которых так эффектно чуть камня на камне не оставили прошлой ночью, вновь стали прежними, словно ничего не произошло.

— Всё восстановлено... Но как?

— Нет, не похоже... Такое ощущение, будто повреждений и не было вовсе, — ответил Сэйбер – Ричард Львиное Сердце – который был связан с Аякой магической энергией.

Как он и сказал, на улице не было никаких намёков на ремонт, а на асфальте виднелись пятна и следы шин дневной давности, не меньше.

Аяка всё ещё не могла заставить себя поверить в это.

— Если это и правда фальшивый мир, — спросила она Сэйбера, — то разве магия способна на это?..

— Да, хотя это уже вплотную приближается к Истинной магии. Но этого, наверное, с грехом пополам можно достичь, если потратить просто непомерное количество времени, навыка и ресурсов, так что, думаю, это всё-таки обычная магия, а не Истинная.

Сэйбер говорил чуть ли не расслабленно. Аяка отчасти раздражённо вздохнула.

— Знаешь, эта ситуация кажется мне очень странной...

— Да, так оно и есть. Но в то же время она пробуждает во мне любопытство. Разве мысль о том, кто сотворил такую магию, тебя не возбуждает? Что будем делать, если выяснится, что это великий Мерлин или кто-нибудь вроде него? Согласно ценностям этой эпохи, думаю, я просто обязан взять у него автограф.

— Мне плевать, — небрежно ответила Аяка. — И я не особо в курсе, кто такой этот Мерлин.

— Как скажешь, но противником он будет серьёзным. Как с ним поступим? На луну зашвырнём?.. Нет, это наверняка была одна из матушкиных приукрас... И всё же маг он легендарный. Если нам повезёт поймать его, может, я смогу взять его за ногу и размахивать им как своим Экскалибуром?.. Из него получится мощный магический меч... Стоит спросить, если я с ним встречусь!

Не переставая идти, Аяка посмотрела на Сэйбера, который, потихоньку распаляясь всё сильнее, с улыбкой бормотал себе под нос всякую чушь, и подумала, что он явно унаследовал воображение своей матери.

— Что более важно, это правда, что мы не сможем выбраться отсюда, пока не победим этого мага?.. А способа безопаснее нет? Например, я не знаю, ускользнуть как-нибудь незаметно?..

Сэйбер совсем недавно был серьёзно ранен, и Аяке хотелось по возможности избегать конфликтов, но отрицательный ответ пришёл не со стороны Сэйбера.

— Думаю, это будет непросто. Да, такая вероятность есть, но нам не на что опереться. Кто знает, сколько времени уйдёт на поиск выхода? — сказала ей полицейская с таким выражением лица, будто она была андроидом, которому не настроили эмоции.

— Эм-м... Вера, да? Спасибо за содержательный ответ.

Мир с несколькими признаками человеческой жизни.

Однако местность вокруг Аяки и Сэйбера была исключением: пока они шли, их окружали десять офицеров полиции, которых они встретили в церкви.

Полицейские сообщили Аяке, что мир, в котором они находились, был частью замкнутого пространства, и она заключила с ними временный союз, чтобы устранить его источник.

Сама Аяка думала, что это было всяко лучше, чем оказаться под арестом, да и Сэйбер не нашёл причины отказываться от союза, поэтому они объединили силы без особых колебаний.

Вера Левитт.

Этим именем назвалась девушка, возглавлявшая полицейских. Всё ещё будучи настороже, Аяка покосилась на неё и спросила:

— А Вы, э-э-э... Мастер в Войне за Грааль?

— Нет. Подробности раскрыть не могу, но считайте меня членом фракции, работающей на Мастера.

— Значит, полицейские в сговоре с магами, устроившими эту Войну за Святой Грааль? Но, наверное, не все... Те, что допрашивали меня, явно ничего не знали, — с привычной прямотой поделился своими догадками Сэйбер. — Но, судя по важности вашей битвы перед больницей, разумно предположить, что в ней участвовала большая часть ваших сил. А поскольку подкрепление к вам не пришло, полагаю, охранять этого Мастера остался самый минимум полицейских, а это значит, что всего в вашем отряде где-то человек тридцать. Я прав?

— Я не считаю эту информацию важной для нашего побега.

— Ты очень честна.

— В каком смысле? — с подозрением спросила Вера, но осталась невозмутимой.

— Да, очень даже вероятно, что вы отправили ещё сотню офицеров в другие важные места, — объяснил Сэйбер, — но твоё недолгое молчание и движение глаз явно указывают на то, что моя догадка верна.

Вера погрузилась в молчание.

— Тебе не кажется, что это было грубо? — с отвращением произнесла Аяка.

— Вовсе нет! — поспешил оправдаться Сэйбер. — Я не дразнил её и не выделялся! Её реакцию на неожиданный разговор оказалось легко прочесть, потому что она принципиально честный человек. Пусть она и маг, но может быть честной. Я хотел сказать, что это достоинство. Со мной как-то ошивался маг по имени Сен-Жермен, и я никогда не мог понять, врёт он или говорит правду.

При этих словах раздалось бормотание офицеров, шедших рядом.

— Сен-Жермен?..

— Алхимик?

— О, полагаю, он знаменит. Он всегда говорил, что заглядывал к самым разным людям... Сочувствую им. Но опять же, известные личности, оставившие след в истории, наверное, без особых проблем мирились с его странностями, — пожал плечами, добавил Сэйбер.

— Ты точно Героическая душа? — спросил один из офицеров. — Что-то ты до ужаса расслаблен...

Молодой полицейский был слишком сосредоточен на битве с Алкидом и не видел всей дуэли Сэйбера с Королём героев. Поэтому он находил Сэйбера невероятно беззаботным в сравнении с Ассасин, напавшей на полицейский участок, и Алкидом.

— Эй! Что будешь делать, если он примет это за вызов?! — вразумили своего молодого коллегу другие офицеры, но слова полицейского заставили Сэйбера вспомнить звучание одного знакомого голоса.

«Вечно ты такой, брат».

«Несёшься по полю боя, словно дьявол, но полностью теряешь бдительность в мирное время».

«Ты хоть понимаешь, что значит быть королём, брат?!»

— Как тебя зовут? — спросил Сэйбер молодого офицера, с любовью вспоминая своего родственника и то, каким он был при их жизни.

— Джон Вингард. Может звать меня Джоном.

— !..

Сэйбер широко распахнул глаза в удивлении.

Его внезапно изменившееся выражение лица испугало Аяку и полицейских, но сам Сэйбер не обратил на них внимания и с радостью произнёс:

— Вот как... Значит, тебя зовут Джон!

— ?..

— Должно быть, это судьба. Будем друзьями, Джон. Считаю это проявлением моей беззаботности.

Джон, который понятия не имел, что происходит, выглядел настороженным.

— Чего это ты?! При чём тут моё имя?!

— А, ну, видишь ли... — Сэйбер отвёл взгляд, испытывая, по всей видимости, противоречивые чувства. — Ты уже сообразил, какое моё настоящее имя? Просто от твоего ответа зависит то, смогу я тебе сказать или нет... Ой, погоди-ка. Получается, я уже раскрыл, что имя «Джон» как-то связано с моим настоящим именем. Ладно, дай мне минутку, я соображу, как мне выкрутиться.

— Да поздно уже, сдавайся, — со вздохом сказала Аяка, однако это, похоже, её не разозлило.

Аяка поняла, что настоящие имена были важны, но Героическая душа представилась ей, несмотря на то, что она не хотела знать. Поэтому ей было ясно, что шансы сохранить его имя в тайне были ничтожно малы.

Нормальный Мастер мог бы приказать ему не раскрывать информацию, намекающую на его настоящее имя, даже если для этого пришлось бы потратить командное заклинание. Однако Аяка даже не считала себя Мастером и занимала такую позицию, что если Сэйбер захочет раскрыть себя, то она ничего не сможет с этим поделать.

Аяка всё ещё испытывала раздражение, но Сэйбер не обратил на неё внимания и высказал оправдание, которое только что придумал:

— О, знаю... Создатели замечательной современной музыки, которую я слышал прошлой ночью... Элтон, Леннон, Уилльямс, Траволта... Я просто подумал, что у тебя тоже есть музыкальный талант, раз тебя тоже зовут так же.

— Но «Джон» - это *фамилия* Элтона Джона... — заметила одна из полицейских. Однако Сэйбер с ненужным навыком начал напевать современную музыку в попытке воспроизвести её.

— Это не похоже на слова Героической души, которая должна скрывать своё настоящее имя... — пробормотала себе под нос наблюдавшая за ними Вера с редким для неё замешательством.

В Четвёртой Войне за Святой Грааль участвовала Героическая душа, которая громко называла своё имя всем встречным.

Однако Вера не могла об этом знать. Она предположила, что этот Сэйбер либо крайне уникален, либо очень хитёр и осознанно строит из себя клоуна.

Учитывая его эксцентричное поведение, например, заявление перед камерами, что он возместит ущерб, нанесённый оперному театру, или переход в призрачную форму прямо на глазах у обычного полицейского, она склонялась к последнему.

Исходя из этого, Вера намеренно раскрыла толику их информации.

— Похоже, у начальника есть представление о твоём настоящем имени.

Вера знала то же, что и начальник, но до остальных офицеров эта информация не дошла.

Начальник рассуждал аналогичным образом, также обратив внимание на речь Сэйбера перед оперным театром и его «светлые волосы с красными прядями». Их ошибочные выводы могли бы стать губительными, и поэтому преждевременное распространение информации было бы ошибкой.

Как итог, Вера даже не пыталась с уверенностью сказать, что Сэйбер был Ричардом Львиное сердце и вместо этого старалась не сводить с него глаз, пока довольствуясь лишь догадками.

Джон услышал командира и снова задал Ричарду вопрос:

— Как бы то ни было... ты не слишком ли беспечен для героя? Ты не стал противиться тому, чтобы довериться нам или открыть свою спину. Что будешь делать, если мы нападём на твоего Мастера прямо здесь?

— Интересный вопрос... Как считаешь, Аяка, что мне делать?

— Ты *меня* спрашиваешь?!

— Это ведь твоя жизнь будет в опасности. Лучше узнать у тебя, как мне поступать с врагами, пока у нас есть шанс. Мне бы не хотелось случайно убить кого-нибудь ответной атакой и тем самым расстроить тебя. Ты ведь не хотела, чтобы я убивал кого-либо.

Фактически Ричард говорил, что справиться с ними ему не составит труда. Один из офицеров, почувствовав себя ущемлённым, со слегка недовольным видом произнёс:

— Ты, похоже, ужасно самоуверен. Хочешь сказать, что сможешь выстоять против нас и при этом...

Джон прервал его, подняв руку.

— Что, Джон?

— Ты не заметил? За нами наблюдают.

Офицер озадаченно посмотрел на Джона.

Последние несколько секунд Джон с мрачным видом скользил взглядом по округе. На его лбу выступили капли холодного пота.

Ричард в свою очередь посмотрел на Джона - тот произвёл на него впечатление.

— Я удивлён, ты заметил в мгновение ока. В любом случае вряд ли ты настолько труслив, что решишь напасть на Аяку со спины... однако я вижу, что рыцарь из тебя получился бы ничуть не хуже, чем полицейский.

— ?

Аяка не понимала, о чём он говорил, в то время как офицеры сосредоточили своё внимание на окружении. Как и у Джона, от настороженности и удивления у них на лицах выступил холодный пот.

— ...

Лишь Вера сохраняла спокойствие. Сместив внимание на пистолет, висевший на её бедре, она спросила:

— Двое... Нет, трое. Можно считать, что они ваши союзники?

— А? Чего?

Аяка снова осмотрелась... и наконец заметила.

Сплошь перебинтованный мужчина, которого она уже видела прежде, стоял на вершине здания... а из переулка на них смотрел вооружённый копьём человек верхом на лошади.

— Это!..

— Да, со стрелком, Аяка, ты уже знакома. Я впечатлён, Вера. Не ожидал что ты ощутишь Лок... Ассасина, пока он скрывает своё присутствие.

— Я не ощутила его, но рассудила, что тебе понадобится ещё как минимум один человек, чтобы прикрыть все слепые зоны и защитить Аяку Садзё.

— Это впечатляет ещё сильнее. Вот как. Должно быть, люди вокруг тебя сияют ещё ярче, если в бой их ведёшь ты, — вскользь отметил Ричард. При этих его словах стрелок и остальные исчезли, словно развеявшаяся дымка.

— Что происходит? — спросил Джон, который не спешил расслабляться. — Что они такое?

— Мои товарищи. Когда я буду уверен, что вы не станете нападать на Аяку, я вас познакомлю. Ну и имя своё настоящее назову.

— Товарищи... Ты призвал их из-за пределов этого барьера?

Ричард махнул рукой, словно желая развеять сомнения Веры.

— Они отчасти слились с моей духовной основой. Можно сказать, они всегда со мной.

— Если тем самым ты хотел нас проверить, то это было безопасно с твоей стороны. Мы думаем над твоим настоящим именем. Тебе не кажется, что эта информация приблизит нас на один шаг к ответу?

— Ты переживаешь за меня? Я знал, что вы скорее рыцари, нежели маги.

— ...

Вера сохранила невозмутимость, но прищурилась.

— Ой, прости, если я тебя обидел, — весело ответил Ричард. — Это было не оскорбление. Я ценю рыцарство, но магов не презираю. Я хвалю твою человечность. Ты спокойная и собранная, но не бездушная.

— Это не ответ на мой вопрос. Ты слишком беззаботен с нами. Ты вкладываешь все свои усилия в защиту Аяки Садзё... но при этом, похоже, понятия не имеешь, что с нами делать, как только наш союз подойдёт к концу. Для меня, члена этого союза, это повод для беспокойства.

— Другими словами... Всё выглядит так, будто я что-то замышляю, и поэтому вы не можете доверить мне прикрывать вас?

— Что?.. Сэйбер, это... — попыталась возразить Аяка, но Сэйбер остановил её.

— Всё нормально. Спасибо, Аяка. Ну, она в ответе за свой отряд, и поэтому я могу понять её осторожность. Но если мы хотим вернуться в наш мир целыми и невредимыми, это поможет избавиться от всех плохих чувств в нашем союзе.

Сказав это, Сэйбер остановился посреди пустой улицы и обратился к полицейским:

— Пожалуй, ты права... Я всё никак не могу настроиться на сокрытие своего имени... Нет, на всю эту Войну за Святой Грааль. У меня получилось отнестись всерьёз лишь к моей личной «войне» с той золотой Героической душой.

— Ты не можешь настроиться?..

— Да. Я такой беспечный с вами не потому, что презираю вас. Аяка уже в курсе... но я попросту не знаю, чего пожелать у Святого Грааля.

— У тебя... нет желания?

Вера испытывала сомнения.

За несколькими исключениями, Героические души, призванные Святым Граалем, заключали контракты с живыми магами, чтобы воспользоваться силой Грааля исполнять желания.

Если у Сэйбера его не было, тогда зачем он вообще воплотился?

«Потому что Грааль – фальшивка?.. Нет, но...»

Вера попыталась как-то это объяснить, но решила, что дальнейшие умозаключения лучше предоставить начальнику и Кастеру Дюма, и молча продолжила слушать Сэйбера.

— Я много с чем обращался к Господу в своих молитвах при жизни. Трудно сказать, были ли мои молитвы услышаны... но такого у Грааля я пожелать не могу. Или, скорее, в этом не будет смысла. Но, раз уж меня призвали сюда, полагаю, что у меня есть какое-то желание, о котором даже я пока не знаю.

Сэйбер, как обычно, пожал плечами и дружелюбно улыбнулся полицейским.

— По сути, пока я не выясню, что это за желание, я не собираюсь убивать вас только ради победы. Сейчас моя главная задача – вернуть Аяку на родину живой и здоровой.

— На родину?..

По какой-то причине именно Аяка задала этот вопрос.

— Ты ведь из Японии, не так ли? Или я не прав?

— Нет... всё верно, но... А, пустяки. Прости, что перебила. Продолжай, — уклончиво пробормотала Аяка и погрузилась в мысли.

Сэйбер забеспокоился, но закончил свою речь перед офицерами.

— И поэтому я буду в союзе с вами, пока вы не вознамеритесь нанести Аяке вред. Враги вчера – друзья сегодня. В моё время подобное чуть ли не каждый день происходило.

Сэйбер улыбнулся, словно спрашивая: «А в ваше время?» Вера на секунду задумалась, после чего окинула взглядом своих товарищей и кивнула.

— Поняла. Мы не станем принимать на веру всё, что ты сказал, но будем придерживаться нашего с вами соглашения.

Убедившись в том, что Вера закончила, Джон обратился к Аяке.

— Эм-м... Прости. Я просто испытывал твоего партнёра, но это не отменяет того, что я угрожал ударить тебя в спину. Для полицейского такое неприемлемо. Прошу прощения.

— А? Да ничего, всё нормально... Сэйбер первый начал, — прямо ответила Аяка. Джон облегчённо вздохнул.

— Спасибо... Ты ужасно терпима для мага.

— Ещё бы, ведь я не маг.

— А?

Джон и другие полицейские явно были в замешательстве.

Однако Аяка, похоже, не желала ничего объяснять. Пожав плечами, она начала идти рядом с Сэйбером.

«Аяка Садзё».

Вера ничем это не показала, но она пересмотрела свои взгляды на Аяку Садзё.

«Кто она такая?»

Согласно протоколу её допроса, она была туристкой, приехавшей в город... но дальнейшее расследование вскрыло тот факт, что записи о её въезде в Соединённые Штаты были сфальсифицированы.

Должно быть, она проникла в страну нелегально, подёргав за нужные ниточки, но что странно, сама Аяка, похоже, об этом даже не подозревала.

Ещё была информация, которую начальник сообщил Вере, но скрыл от остальных членов Клана Калатин, потому что она могла вызвать смятение.

«Существует магесса с таким же именем... но она, Садзё Аяка, в данный момент находится в Румынии».

«Я видела её фотографию, и она выглядит точно так же, за исключением цвета волос и глаз».

«Если эта Аяка – фальшивка, тогда в чём цель? Если она хотела занять место Садзё Аяки, то зачем изменила цвет волос?»

«У Садзё Аяки есть старшая сестра, но нет никаких записей о том, что они близнецы».

«В любом случае... надо быть настороже».

Теперь, когда у них не было возможности связаться с начальником, Вера, по сути, стала лидером Клана Калатин. Она решила работать вместе с Сэйбером и Аякой, поддерживая необходимый минимум осторожности.

Они сами обладали множеством «Благородных Фантазмов», но, учитывая индивидуальные боевые навыки, она решила, что делать из Сэйбера врага было бы нежелательно.

В этот момент... Сэйбер, не останавливаясь, обратился к ней.

— Эй.

— Что?

— Ты сказала, что вы устраните мага или Слугу, устроившего всё это, не так ли?

— Да. Мы полагаем, что это самый надёжный способ уничтожить этот мир-барьер.

Сэйбер на секунду задумался, слегка пошевелил губами, словно разговаривая сам с собой, после чего...

— Да, пожалуй. Мой товарищ «Кастер» согласен, что это самый простой способ.

— Твой «товарищ»...

— Он такой же, как и тот перебинтованный стрелок с остальными.

— ...

«У него даже есть кто-то в роли мага?» Вера вспомнила загадочные сущности – которые, вероятно, были частью духовной основы Сэйбера – чьи собственные основы казались слабее, чем у нормальных Слуг, но всё равно были гораздо сильнее обычного мага, и насторожилась ещё больше.

Однако следующие слова Сэйбера словно вылили ушат холодной воды на осторожность Веры и решительность остальных офицеров выбраться отсюда любой ценой.

— Правда, большинство моих «товарищей» это не очень-то радует.

— Почему?

— «Почему»?.. Тебе не кажется, что ты упускаешь одну важную вероятность? — Сэйбер снова остановился, и вместо беспечного улыбки она увидела серьёзное лицо Героической души.

— Девочка, которую вы пытались защитить... малышка Цубаки, не так ли?

— !

— Я узнал про неё от наёмника, с которым встретился вчера. Узнал... но вы не думали, что тем, кто запер нас в этом мире... может быть Слуга Цубаки?

— ...

Вера и несколько офицеров, которые были готовы к такой вероятности, слегка опустили взгляд, в то время как Джон и прочие, осознавшие это только что, моментально опешили. В их лицах читался целый букет эмоций.

— Разумеется, это может быть та безумная штуковина, сражавшаяся с золотым Арчером в конце, или какой-нибудь другой Слуга, которого я даже не видел...

Сэйбер на секунду замолк, после чего будничным тоном задал жестокий вопрос:

— Но если причиной всему та маленькая девочка, у вас поднимется рука убить её?

×

×

В то же время. Закрытый город. Внутри казино «Кристал Хилл».

Пока Сэйбер и полицейские шли по главной улице... неподалёку тихо передвигалась другая группа.

Это была не вторая часть отряда офицеров, отделившаяся от основных сил.

Они вообще никогда не объединялись с Сэйбером и полицейскими.

Один из них, с сияющими глазами крутя рулетку, заявил:

— Ого! Я видел такие только со стороны в казино мистера Фема, поэтому сказать было сложно, но я и не ожидал, что она такая лёгкая!

Юноша – Флат Эскардос – кричал, будто ребёнок. Ответ ему пришёл от наручных часов на его запястье.

— *Вряд ли кто-нибудь, кроме тебя, стал бы думать о таком в нашей ситуации.*

После чего Героическая душа в форме часов – Берсеркер, он же Джек-Потрошитель – высказал свои впечатления, обозревая округу.

— *Хм-м. Совершенно безлюдное казино. Ни шума, ни гомона. Немного зловеще.*

— Что? Тебе знакомы казино, Джек?

— *Только как информация. Я получил её либо от Грааля, либо благодаря теории, что я на самом деле был бессмертным азартным игроком. В любом случае, исходя из броского декора, я могу предположить, насколько здесь должно быть шумно.*

— Да уж, это действительно внушает тревогу, — пожав плечами, добавил их «компаньон», наблюдавший за беседой. — Электричество, похоже, есть, но я удивлён, насколько тут тихо, когда никто не сидит за игровыми автоматами.

Мужчине на вид было за тридцать. Облачён он был в отличительную рясу священника, а на глазу красовалась повязка.

Его сопровождали четыре странно одетые молодые женщины, каждая из которых с серьёзным выражением лица осматривала окружение.

Священника звали Ханза Сервантес.

Он был Наблюдателем, направленным в Сноуфилд Святой Церковью, но угодил в «чёрный туман» вместе со своими подчинёнными-монахинями и оказался заперт в этом мире.

— Думаю, полицейские тоже здесь. Может, пойдём к ним? — вскользь спросил Флат Наблюдателя.

— Я предоставил им церковь, но если это часть Войны за Святой Грааль, вызванная Слугой, тогда моя помощь будет необоснованным фаворитизмом. Разумеется, это и вас касается. Я буду делиться информацией, но помогать уничтожить этот мир-барьер не намерен.

Как только Ханза осознал, что его затянуло в барьер, копирующий город, он отправился на разведку и встретил Флата, после чего они объединили усилия, чтобы осмотреть город.

— О, правда?.. Ну, думаю, жаловаться не стоит. Какая радость от победы в игре, если судья на твоей стороне. К тому же, вмешайся Вы, пусть и на моей стороне, я бы того и гляди решил, что Церковь сама тянет руки к Граалю.

Флат с сожалением сообщил о своём негативном впечатлении о Святой Церкви, но Ханза с кривой улыбкой кивнул.

— Да, ты прав. Вероятно, я бы так и сделал, если бы получил такой приказ. Всегда было очевидно, что от исполняющего желания устройства в руках магов добра ждать не стоит.

— Присутствие Наблюдателя в Войне за Святой Грааль было необходимо лишь в японском городе Фуюки, верно?

— Но это факт, что мы используем это как предлог, чтобы вмешаться. Моё начальство может изменить свою политику, если осознает, как сильно эта война отличается от той, что в Фуюки.

Ханза намеренно не стал говорить, будут ли эти изменения к лучшему или к худшему, и перевёл взгляд на монахинь.

— Ну?

— Бесполезно, — вежливо ответила одна из них, покачав головой. — Мы не смогли засечь присутствие мистического ядра, образующего барьер в этой области. Может быть, оно умело спрятано, но в таком случае обнаружить его с нашим снаряжением будет сложно.

— Ясно... Я думал, что тот, кто всё это сотворил, черпает силу напрямую из Грааля, раз ему удалось воссоздать целый город... но это не имеет значения, если мы не можем найти ядро.

Неважно, был ли объектом их поисков сам Грааль или ядро мира-барьера, они предположили, что в самом высоком здании в центре города наверняка найдётся что-нибудь подозрительное, но, похоже, их догадка не оправдала себя.

— Электричество есть, да? — спросил Флат.

— Ага, — ответил Ханза, посмотрев на люстры под потолком, — Но источник неизвестно где, поэтому кто знает, когда его не станет?

— Я бы... хотел попробовать подняться на верхний этаж, пока лифты ещё работают.

— О? Думаешь, «ядро» может быть там? Да, мир этого барьера простирается и над зданием, и под землёй. Стоит проверить...

— Нет, — прервал его Флат, помахав рукой. — Я не к тому. Но нам повезёт, если ядро действительно там.

— ?

— Просто оттуда... я смогу увидеть весь город.

— У тебя есть план?

Флат ответил Джеку лёгким кивком, хлопнул себя по щекам, чтобы собраться, и сказал:

— Если у меня будет хороший обзор... может, я смогу что-нибудь понять...

— Если я найду место, где защита слаба, то, возможно, мне удастся связаться с «внешним миром»!

×

×

В то же время. Лос-Анджелес. США.

«Донесе... особого оповещения... рекомендуется...»

«Ураган движется... обычно... немыслимо...»

Национальная метеорологическая служба... соответствующие... игнорируя обычный список имён...»

«Особое... обозначение...»

«...а...на...»

На этом оповещение по радио исказилось ещё сильнее, и в тесном пространстве – кабине грузовика, который лежал перевёрнутый на обочине – воцарился шум помех.

Из-за яростного ветра и проливного дождя внутрь сквозь разбитые окна начала проникать вода.

Невзирая на это, радио продолжало гудеть помехами, но то, что его затопит вода, было лишь вопросом времени.

Водитель, похоже, давно эвакуировался. Вокруг никого не было. Виднелись лишь упавшие рекламные щиты и поваленные деревья.

Рекордный ураган образовался внезапно и без предупреждения.

Центральный Лос-Анджелес отделается лишь несколькими повреждёнными машинами и зданиями... но те, кто вытерпел заливающие лицо потоки дождя и посмотрел в небо в разгар бури, потом скажут:

С неба спустились четыре огромных торнадо.

Они двигались по земле, окутанные вспышками молний...

Словно ноги колоссального зверя, подпирающего небеса и угрожающего растоптать весь мир.

Интерлюдия

「Наёмник, убийца, бледный всадник」

— Я рада, что вам уже лучше! — разнёсся по заливаемому тёплым солнечным светом саду невинный голос девочки.

По аккуратно подстриженному газону бегали белки, котята и прочие мелкие животные, а на ветках дерева, которое росло в саду, давали скромный концерт бесчисленные маленькие птички.

Если бы слово «душевный» обрело физическое воплощение, то, наверное, оно бы выглядело именно так.

Образ, который можно было увидеть только в книгах с картинками, раскинувшийся в реальности.

Однако двое, к которым обращалась девочка, были полностью отделены от этой атмосферы.

Первым был юноша в чёрном.

В его лице всё ещё угадывались детские черты, из-за чего его с лёгкостью можно было назвать мальчиком. Однако с внешностью юноши резко контрастировал его внушающий тревогу ассортимент огнестрельного оружия, ножей и прочего снаряжения.

Второй была девушка, чью фигуру также целиком окутывали чёрные одеяния.

Её балахон скрывал лицо и кожу настолько, насколько это было возможно. В глазах девушки, осматривавших округу, читалась нотка замешательства.

Если бы это было всё, то она выглядела бы как обычная женщина в никабе, но складки её чёрного облачения скрывали бесчисленное вооружение, и что-то в ней, не связанное с одеждой, создавало общее впечатление опасности.

Юношу звали Сигма.

Девушка была Службой, призванной в классе Ассасин в «Фальшивой Войне за Святой Грааль».

Цепочка обстоятельств вынудила их работать вместе, но сейчас они оказались заперты в странном месте.

— Да, спасибо.

— Прими мою признательность.

Сигма и Ассасин выразили свою благодарность.

В ответ девочка – Куруока Цубаки – застеснялась и неуклюже забежала в дом.

— Это была Куруока Цубаки.

— Значит, это та девочка, управляющая Героической душой, будучи в коме.

Они оба уже это осознали.

Родители девочки, которые жили в одном доме с ней, явно находились под чьим-то умственным контролем... но девочка отличалась от них.

Ей никто не управлял. Она была по-настоящему свободна.

— Получается, то чёрное нечто... было её Службой.

Большая фигура, которую Цубаки назвала «мистером Чернышом».

В скоплении теней, которое была такой же высоким, как дерево в саду, и настолько тёмным, что, словно засасывало в себя свет, парили бледные огоньки.

Эта масса в данный момент удалилась в дом, но она, казалось, не обладала материей, и поэтому они не удивятся, если она вдруг возникнет прямо из земли без всякого предупреждения.

Эта мысль подтолкнула Сигму усилить бдительность, а Ассасин – задуматься.

— Это... действительно была Героическая душа?

— Вполне мог быть какой-нибудь монстр или дух... — пробормотал Сигма, но Ассасин покачала головой.

— Я так не думаю... Я не ощутила в этом существе никакой дрожи злобы или ненависти. Нет, я вообще не ощутила никаких колебаний магической энергии.

Заклинатель и Слуга вспомнили, как сильно их удивила эта «тень», когда они очнулись в саду.

Если бы она была враждебной, то уже бы от них избавилась... Учитывая, что на них не напали во сне, они подумали, что это существо, возможно, даже не расценивало их как врагов.

— Я не чувствую в нём ничего, похожего на сознание, но оно, похоже, подчиняется этому дитя.

Слова Ассасин побудили Сигму продолжить домыслы.

— Может, её Слуга – это нечто иное, а эта «тень» - фамильяр?..

— Такое возможно... но у нас мало информации. Этот изверг, этот... кровосос должен что-то знать...

Ассасин скрипнула зубами под своей вуалью.

Но присутствия кровососа она тоже не ощущала.

Он явно что-то задумал, но обнаружить его будет сложно, пока он сам этого не захочет.

Под предлогом прогулки они изучили окрестности, но обнаружили мало признаков человеческой жизни.

Им на глаза попадались человеческие фигуры, но, как и родителями Цубаки, ими, похоже, кто-то управлял.

Они могли вести беседу, но не более того.

Вооружение Сигмы не особо их тревожило, да и об этом мире они ничего не знали.

Сигма и Ассасин пытались их расспрашивать, но люди были обычными гражданами и не спешили отвечать, поэтому узнать что-либо им не удалось.

Общее у них было только одно – встреченные люди большей частью утверждали, что жили в промышленном районе, но сбежали от огня или какого-то другого бедствия.

— Пожар в промышленном районе... Я слышал об этом вчера. Битва между Героическими душами.

Согласно тому, что он услышал от Уотчера, прежде чем связь между ними прервалась, Героическая душа, участвовавшая в битве, скрыла разрушения

промышленного района, но тот факт, что там случился пожар, похоже, стереть не удалось.

Однако жители, по всей видимости, вели себя странно и, как и родители Куруока Цубаки, похоже, находились под неким контролем разума.

Они могли бы продолжить своё расследование, предприняв разрушительные действия против этих «людей» и этого «города», но, учитывая, что они не понимали структуру этого мира или способности противника, это было бы равносильно самоубийству.

Сигма спокойно всё обдумал и решил продолжить расследование, опираясь на тот факт, что телепатией можно было пользоваться.

— Будь они под контролем или нет, обычные жители не способны понять ситуацию.

— Но что насчёт мага, которому известна скрытая сторона Войны за Святой Грааль?

×

×

— Вы хотите что-то спросить у меня? — с отсутствующим взглядом произнёс отец Куруока Цубаки.

— Да, где-нибудь подальше от Вашей дочери, если возможно.

Маг, который первый пришёл Сигме на ум, бросил взгляд в сторону дома и сказал:

— Это будет непросто. Я обещал дочери, что почитаю ей книгу, поэтому не могу далеко уйти.

— О, давайте просто спустимся немного по улице, этого будет достаточно.

— Вот как. В таком случае...

Отец Цубаки без особого сопротивления покинул владения своей семьи и последовал за Сигмой в небольшой парк, расположенный в жилом районе.

— Это и вправду было совпадение, что мы оказались возле Вашего дома, но я узнал Вас, Куруока Юокаку.

— О... Мы уже где-то встречались?

— Мою нанимательницу зовут Франческа. Я заключил сделку с человеком по имени Фалдеус.

Услышав это, Куруока Юокаку помрачнел.

— Я предположил, что ты заклинатель, когда увидел твоё снаряжение. Похоже, я был прав... Но, как я уже сказал Фалдеусу, Война за Святой Грааль заботит меня теперь меньше всего. Я ничем не смогу тебе...

— Нет, я не прошу Вас сотрудничать с нами, — бесстрастно прервал его Сигма.
— Вы не могли бы сказать нам, что происходит?

Несмотря на вежливый тон, голос его был лишён эмоций.

Сигма навесил на лицо маску наёмника-заклинателя, представшего перед магом, и напрягся в ожидании внезапного нападения.

Ассасин скрывалась в углу парка, наблюдая за окрестностями.

Учитывая, что с Куруока можно было общаться, они намеревались оценить намерения того, кто управлял разумом местного населения, основываясь на информации, которую им мог поведать маг – или же на том, что он был не в состоянии сказать, будучи под контролем.

Однако...

— Да, это можно. Насколько я могу судить, Слуга, защищающий мою дорогую Цубаки, намеренно создал этот мир. Я в этом не эксперт, но, думаю, это разновидность Зеркала души.

— ?..

— Вероятно, Слуга Цубаки воплощает собой некую концепцию. Я бы сказал, что это концепция смерти, небытия или болезни, которая намеренно обрела личность. В Японии, моей родной стране, чтобы объяснить скрип домов, создали ёкая «янари». Решение, что это существо разумно, придание ему формы и принятие умственных мер против него... это была своего рода народная магия. Однако, учитывая силу этого Слуги, я полагаю, что это сущность, которую знают во всём мире. Думаю, при тщательном изучении я смог бы провести более точный анализ, но поскольку я выбыл из Войны за Грааль, чтобы тихо и мирно проводить время с дочерью, у меня нет на это времени.

Спокойно, обыденно... словно в этом не было ничего важного, Куруока Юокаку поведал ему своё мнение с точки зрения мага.

Но несмотря на это, по его речи было понятно, что он всё ещё находился под контролем разума.

«Ему разрешили говорить о магии... и даже размышлять над сущностью Слуги?»

«Или же им управляют, чтобы скормить нам ложную информацию?»

«Но в таком случае разве виновник не сделал бы степень своего контроля более расплывчатой?»

Сигма был уверен, что он мог увидеть ложь в словах обычного человека с помощью опыта и техник заклинателя.

Но чтобы уличить во лжи мага – особенно того, кто с помощью самовнушения убедил себя в том, что говорит правду – потребовалось бы гораздо больше опыта, таланта и особой магии.

«Если бы я был связан с Уотчером, то смог бы сравнить это с информацией от теней и сделать вывод...»

Его Слуга Уотчер должен был собирать аудиовизуальную информацию по всему городу, но сейчас Сигма не мог с ним связаться.

Именно поэтому ему нужна была информация, чтобы выбраться отсюда любой ценой, но для этого ему потребуется больше.

— Вы не хотите покинуть этот барьер?

— Зачем? Нашей Цубаки здесь очень хорошо.

— Может, Слуга заставляет Вас так думать?

— О да, возможно... *но что в этом такого?*

Услышав это, Сигма осознал, в чём заключалась цель контроля разума.

Если всё это устроил Слуга Цубаки, тогда, по всей вероятности, Героическая душа действовала не с целью победить в войне.

Его поведение было искренне сосредоточенно на Цубаки.

«Но технически он же маг, участвующий в Войне за Святой Грааль. Он наверняка принял хоть какие-то меры, чтобы защититься от контроля разума», — подумал Сигма, но он также знал, что эти меры не были идеальными.

Был случай, в котором опытные маги, собравшиеся на аукционе исторических артефактов с мистической ценностью, стали жертвой предательства со стороны одного из союзников и превратились в марионеток.

Видимо, этих магов спас один Лорд Часовой Башни, и они, стыдясь за свою ошибку, записали доверенных членов своих семей в класс Лорда.

Сигма вспомнил эту историю, потому что возвышение этого Лорда благодаря связям с могущественными магами в своё время горячо обсуждали заклинатели-наёмники... но он опустил детали, посчитав их в данный момент несущественными.

Важным моментом было то, что при правильной возможности меры против контроля разума можно было легко обойти.

«Похоже, уговорить его сбежать или освободить от контроля разума... невозможно».

«Надо будет потом поинтересоваться у Ассасин, есть ли у неё Благородный Фантазм, который может обратить промывку мозгов... Но, судя по тому, что я видел, все её Фантазмы предназначены для убийства врага. Так что особо надеяться не стоит».

Сигма решил попробовать другой подход.

— Эм-м... Вы в курсе, что за пределами барьера Вашей дочери грозит опасность?

— О... Правда? Это печально.

Куруока Юоаку пошёл прочь из парка, отправившись домой. Он не выглядел особо озабоченным, но его лицо, по крайней мере, помрачнело от тревоги.

— Спасибо, что сообщил. Однако Слуга Цубаки, похоже, становится практически неприступным, поэтому я уверен, что он позаботится о её безопасности.

— Он... *становится* неприступным?

— Да, незадолго до того, как вы очнулись, он прислал нам замечательного сторожевого пса.

— О чём это Вы? — спросил Сигма, и в этот момент к нему подошла Ассасин.

Юоаку, который перестал обращать на него внимание и направился к дому. Сигма попытался остановить его, но, заметив мрачный блеск в глазах Ассасин, остановился, чтобы её выслушать.

— В чём дело?

— Похоже, вашу беседу... подслушали...

— ?..

— Когда ты сказал, что девочке грозит опасность, он пришёл в движение.

Говоря это, она посмотрела в сторону дома Цубаки.

Сигма последовал её примеру... и время для него будто остановилось. Его мозг был не в силах постичь увиденное. На долю секунды его разум опустел. Тем, что так потрясло Сигму, заклинателя и наёмника с годами опыта... был один большой пёс.

Правда, кто-нибудь мог бы поспорить с тем, что этот пёс был «один».

Сигма уже видел существо, которое стояло там, куда как ни в чём не было направлялся Куруока Юокаку.

Однако у него ушла секунда на то, чтобы осознать, что это был тот же самый зверь.

Он был уверен, что «оно» погибло на главной улице и что «оно» размером было максимум со слона.

Сигма и Ассасин, которых прошиб холодный пот смотрели на...

...Цербера, трёхголового сторожевого пса Аида, который *стал больше, чем дом.*

×

×

Сноуфилд. Промышленный район.

— Насчёт твоего Благородного Фантзама... Ты всё ещё можешь использовать птиц и пса? — спросил Баздилот Корделион, ухаживая за Тайным знаком в виде пистолета, в то время как члены семьи Складио восстанавливали его мастерскую.

Алкид покинул призрачную форму и посмотрел на свои руки.

— Птицы проблем не вызовут, но призвать Цербера будет сложно.

— Из-за ограничений на его регенерацию?

— Нет. С твоей магической энергией я смог бы заново призвать его спустя сутки... Но теперь я не могу этого сделать. Похоже, что саму его духовную основу забрал тот «чёрный туман» вместе с тремя конями.

— У тебя есть Благородный Фантазм, который ворует чужие Фантазмы, но я не ожидал, что нечто подобное сделают с тобой. И всё же, если пёс и лошади попали в руки врага, то это вряд ли станет проблемой, — бесстрастно произнёс Баздилот.

Однако Алкид молча покачал головой.

— Я не стал бы спешить с выводами.

— Тебя что-то тревожит?

— Может, их и украли, но трофеи, полученные при выполнении отданных мне царских приказов, являются фундаментом моей духовной основы. Пусть они мне больше не принадлежат, но я знаю, когда они начинают меняться.

Мстителный лучник нахмурился под своей тканью и тщательно изучил изменения в «связях» его духовной основы.

— Но... это...

Задумавшись на секунду, Алкид сжал кулаки.

Затем, когда магическая энергия смешалась с грязью и между его пальцев потекла кровь, он с тихой яростью прошептал.

Вспоминая при этом знакомую тьму другой стороны, которая надвигалась к нему через слабую связь магической энергии.

— Неужели чёрным туманом управляет... родственник Аида?

Разжав наконец кулаки, он пробормотал с лёгким намёком на жалость в голосе, который не услышал даже Баздилот.

— В таком случае... даже если я не стану ей вредить... за Мастером рано или поздно начнут охотиться.

— Охотиться настоящие герои... которые защищают людей.

Глава 18

「Что грёзы, что реальность есть лишь иллюзия I」

— Что?..

Первым на вопрос Сэйбера отреагировал не кто-то из полицейских, а Аяка, которая до этого слушала без особого интереса.

«Но если причиной всему та маленькая девочка, у вас поднимется рука убить её?»

Она поняла, что имел в виду Сэйбер.

Если выяснится, что именно из-за девочки их затянуло в этот безлюдный мир, они с большой вероятностью смогут вернуться в свой родной мир, если «разберутся» с ней.

Едва эта мысль возникла в её голове... как что-то запульсировало.

Она медленно моргнула, выравнивая дыхание.

Когда Аяка медленно подняла тяжёлые веки... она была здесь.

Дальше по главной улице, различимая между фигурами полицейских.

Она стояла слишком далеко, и поэтому разглядеть лицо было невозможно, но Аяка сразу же её узнала.

Маленькая девочка, чьё лицо было скрыто чем-то вроде красного, красного – просто красного – капюшона.

С одной стороны, могло показаться, что ей где-то три года, с другой – около шести, но Аяка чувствовала, что она была гораздо старше.

Аяка не была уверена в её возрасте или росте.

Глаза воспринимали лишь красный цвет, который проникал в её голову и устраивал там хаос.

«Как?..»

Спустя мгновение... «Красная шапочка» оказалась гораздо ближе.

Она не побежала – нет, прежде чем Аяка успела сообразить, что происходит, девочка уже стояла прямо за спинами офицеров полиции.

Раньше она была видна только на расстоянии, но теперь Аяка отчётливо её видела.

«Красная шапочка» - объект непрекращающегося ужаса Аяки и одна из причин, по которой она отправилась в Соединённые Штаты.

«Но здесь же нет лифта... Почему?..»

«Красная шапочка» обычно появлялась только в лифтах. Аяка даже не была уверена в том, была ли девочка настоящей или всего лишь галлюцинацией.

Однако с момента прибытия Аяки в Сноуфилд правила начали меняться.

Аяке казалось, что она чувствовала рядом присутствие «Красной шапочки» каждый раз, когда она была на грани того, чтобы что-то вспомнить в этом городе.

Всё её тело покрылось холодным потом, но она не могла отвести взгляд.

Она видела, как капюшон «Красной шапочки» шевельнулся, когда та медленно повернула к ней голову.

«О нет. Нет».

«Не знаю, почему, но мне придёт конец. Если я увижу лицо под этим капюшоном, то буду обречена».

Даже если бы ей захотелось закричать, её лёгкие были так напряжены, что она едва могла дышать.

Страх так сильно парализовал её, что она не могла даже закрыть глаза, не говоря уж о том, чтобы отвести их в сторону. Капюшон «Красной шапочки» поднялся ещё сильнее. Но когда Аяка уже могла видеть её ухмыляющиеся губы, девочка пропала из виду.

Из-за Сэйбера, который наклонился, чтобы заглянуть Аяке в лицо.

— В чём дело, Аяка? Ты такая бледная, словно призрака увидела.

В то же время тело Аяки освободилось от паралича.

Она быстро бросила взгляд за спину Сэйбера, но там больше ничего не было.

— А... пустяки. Просто отвлеклась на неприятные мысли.

— На тебя иногда такое находит. Ты под проклятием? Я могу попробовать снять его, если хочешь.

— Спасибо, но... дело не в этом... наверное.

Отказавшись от предложения Сэйбера, Аяка ещё раз посмотрела на его лицо... и решила обсудить то неприятное чувство, которое, вероятно, и спровоцировало появление «Красной шапочки».

От внезапно охвативших её дискомфорта и тревоги голосовые связки Аяки рефлекторно задрожали.

— Что более важно, Сэйбер... эм-м... девочка, о которой вы говорили, это та, что в коме, да?

— Ага, но она, судя по всему, каким-то образом стала Мастером, так что...

— Нет... Я не к тому... Почему ты спросил «У вас поднимется рука убить её?»... а не просто «Убьёте ли вы её?» — с некоторой тревогой спросила Аяка, ухватив самую суть возникшего внутри неё дискомфорта.

— ...

— Ну... Не знаю, как сказать, но... мне показалось, что ты спрашивал вовсе не то, убьют они её или нет... Прости, если я ошибаюсь... но прозвучало так, будто ты сказал «Если вы не сможете убить её, то это сделаю я»... — произнесла Аяка, тщательно подбирая слова.

Сэйбер на мгновение замолк... после чего со смущённой улыбкой ответил:

— Честно, Аяка, порой ты можешь быть весьма восприимчивой.

— Сэйбер?!

— Подожди, не волнуйся ты так. Я не пытаюсь сказать, что убийство девочки – правильный выбор, и я не хочу убивать её, если этого можно избежать. Мне хочется спасти её так же сильно, как и тебе.

— В-вот как...

Аяка почувствовала облегчение, но успокоила себя и произнесла:

— Тогда почему ты...

Аяке сложно было сформулировать вопрос, но Сэйбер обо всём догадался и ответил, подбирая слова:

— Разумеется, я хочу спасти девочку и не намерен сдаваться. Но если они попытаются убить её, чтобы спасти кого-то ещё, даже если я попробую остановить их... то вряд ли смогу. Если только не применю силу.

Он совсем не походил на того Сэйбера, который беззаботно говорил даже о собственной жизни и смерти.

Он продолжил говорить не как рыцарь или Сэйбер, а как воплощение чего-то другого, не знакомого Аяке.

— И поэтому... если в результате какого-нибудь поворота судьбы мы окажемся в положении, когда кто-то будет вынужден убить её... когда настанет время, *это сделаю я*.

— Почему?! — невольно закричала Аяка.

Она поняла ход его мыслей.

Если «жертва» станет совершенно необходимой, то кому-то придётся это сделать.

Даже она сама не знала, как поступила бы, если бы ей сказали, что она сможет спасти девочку, но при этом останется в этом безлюдном городе.

«Я бы... наверное... пожертвовала этой девочкой... которую ни разу не видела».

«Нет, я бы точно так и поступила».

Красный цвет.

«В конце концов...»

Красный цвет.

«...я даже позволила...»

Красный цвет.

«...умереть девочке, которую знала».

Яркий, багряно-красный цвет.

Цвет капюшона «Красной шапочки» неизгладимо запечатлелся в её веках.

Она хотела закричать, но не могла.

Если она рухнет прямо здесь, то больше не сможет говорить с Сэйбером.

Не сможет остановить его.

От этой мысли она выдавила слова из глубин своей глотки, несмотря на то, что мир вокруг неё словно закружился.

— Почему?.. Ты не обязан этого делать... Не обязан... Почему?

Её слова прозвучали отрывисто, едва складываясь в вопрос.

Однако Сэйбер постарался уловить её мысль и ответил:

— Да... Полагаю это значит, что я не смог стать одним из рыцарей, которыми восхищался.

Затем он повернулся к полицейским, которые, мягко говоря, были в замешательстве – однако оно и рядом не стояло с замешательством Аяки – и с гордостью заявил:

— Но вы другие. Вы превосходные рыцари.

— Что ты?..

Прервав Веру, Сэйбер, который был королём при жизни, начал восхвалять офицеров, словно превознося достоинства собственных последователей.

— Вы с честью сражались с тем ужасным лучником и выжили! Всё ради того, чтобы спасти девочку, которая не имеет к вам никакого отношения, которую вы даже ни разу не видели! Поэтому вы и впредь должны быть защитниками невинных! Нет, вы *обязаны*! Вы никогда не будете вредить им даже ради защиты других людей или самого общества.

Сэйбер опустил глаза и после секундного молчания, словно глядя на что-то совершенно другое, продолжил:

— Однажды переступив черту, вы потеряете контроль... и поэтому я должен стать тем, кто возьмёт на себя эту ответственность.

— Сэйбер! — вновь закричала Аяка. — Нет! Это неправильно! Ты не такой... Ты всегда улыбаешься и никогда никого не бросаешь!

Аяка не могла понять, почему она кричала так эмоционально.

Но это было нерационально.

У неё было чувство, что если бы она сейчас не закричала, то Сэйбер – Героическая душа, которая до этого могла смеяться вместе с ней – исчез бы прямо у неё на глазах.

Она ничего не знала о Войне за Святой Грааль и подумала, что её слова, наверное, покажутся лишь нытьём опекаемого простака... но всё равно заставила себя высказать то, что поднималось из глубин её груди.

— Ты слишком высокого мнения обо мне, Аяка...

— Это не потому, что я твой временный Мастер. Ты наверняка спас бы даже случайного ребёнка на улице. По крайней мере, в этом я уверена! *Ты не такой, как я!* Не такой! Я не стану говорить, чтобы ты никогда никого не убивал – просить такое эгоистично, и я не имею на это права – но...

В этот момент Аяка на секунду замолкла, не в силах найти нужные слова, но затем стиснула зубы и закричала, выплёскивая чистые эмоции и всё то, что она сдерживала в себе:

— Неважно, если ты в итоге замараешь руки. Это не изменит того факта, что ты спас меня! Но... по крайней мере, не говори, что ты должен стать злодеем...

Наконец она завершила свою страстную речь заявлением, которое пересекло черту.

— Поэтому... если кто-то должен стать злодеем... то это буду я.

— ...

Сэйбер слушал Аяку, которая словно осуждала не его, а саму себя, смотрел на её печальное лицо... и вдруг понял, что видит в ней своих подчинённых.

«Почему, Ваше Величество?! Ричард?!

Вам не нужно было взваливать на себя те грехи! Почему Вы не предоставили всё нам?!

Вы должны были стать героем! Вы могли отдать нам приказ и сделать вид, что ничего не знаете!

Ох, Ваше Величество... Ваше львиное сердце стало чересчур большим. Вы слишком бесстрашны!»

В размышления Сэйбера вклинились слова человека, следовавшего за ним в роли придворного мага.

«Ну надо же. Разумеется, я знал, что до этого дойдёт.

И всё же я пытался тебя остановить. И вот чем всё закончилось.

Опять же, не обернись всё так, здесь, наверное, было бы что упростить.

Тем не менее, даже я, Сен-Жермен, немного потрясён. Даже махатма в шоке.

Да, точно! Именно! Ты удивительно смел! Человек с сердцем льва!

Именно поэтому в тебе нет страха! Ты вообще ничего не боишься!

Ни десятков тысяч врагов, ни генералов, которые тебя превосходят, ни мистического возмездия, ни сверхъестественных тварей...

Ни даже того, чтобы запятнать собственные руки... кровью бесчисленных невинных».

И наконец... словно проклятие из далёкого прошлого, он вспомнил слова своего родного младшего брата.

«Ох, что за беспокойство, брат?

Сколько бы крови ни было на твоих руках, люди этих земель всё равно находятся у тебя в подчинении.

Почему-то мне кажется, что такая уж у меня работа, брать на себя твои грехи и терпеть град брошенных в меня камней.

Что думаешь? Из меня ведь неплохой клоун получился? Давай, смейся, брат!

Смейся... Тебе повезло. Ты национальный герой, не так ли?

Если ты герой... тогда смейся».

— Вот как...

Сэйбер закрыл глаза и на секунду замолк.

Когда он снова их открыл, блеск смирения, похожий на бледный огонь, исчез, вернув ему прежний взгляд.

— Как обычно, ты замечаешь даже мельчайшие детали, Аяка... хотел бы я так сказать, но ведь это не совсем так, верно?

— Разумеется, нет. Встреча с тобой больше не является для меня мелочью.

— Ладно, в этот раз я уступлю. Но предупреждаю, в следующий раз я так просто не сдамся.

— Чего?! Это было состязание?..

Сэйбер притворно проигнорировал смущённую Аяку, которая смотрела на него, широко распахнув глаза, и заявил в своей привычной манере:

— Я едва ли могу заставить Аяку взять на себя грязную работу, а сделать это самому она не позволит... поэтому придётся просто спасти девочку, даже если это будет стоить мне жизни! И тогда мы все спокойно покинем это место!

— Сэйбер?..

Сэйбер ослепительно улыбнулся Аяке, которую его внезапное возвращение к обычному поведению ввергло в замешательство.

— Это не будет проблемой. В этом мире-барьере нашей отправной точкой была церковь. Как насчёт того, чтобы взять под защиту девочку, которая выбыла из игры, вместо священника и присвоить себе лавры Наблюдателя?

— Хорошая идея... Я помогу.

Аяка облегчённо улыбнулась... но затем внезапно возникшее смутное предчувствие вызвало смятение на её лице.

— Церковь... защита...

— В чём дело? — спросила обеспокоенную Аяку молчавшая до сего момента Вера, осознав что беседа девушки и Слуги подошла к концу.

— Кажется, — глубоко задумавшись, нерешительно произнесла Аяка, — я уже где-то видела того парня в золотой броне...

— Что?

— Но... где?..

Аяка пыталась что-то вспомнить.

Её не оставляло чувство, что она узнала ту золотую Героическую душу, которая пыталась убить Ричарда с высоты церковной крыши.

А ключевые слова «церковь» и «взять дитя под защиту» неистово сотрясали её мозг, запертый на изношенный ключ.

Но с каждым импульсом она отчётливо чувствовала присутствие «Красной шапочки» и боялась, что «она не должна больше ничего вспоминать» держало дверь к её воспоминаниям на замке.

«Я знаю, что должна вспомнить...

Тогда почему?..»

Аяка отчаянно пыталась ухватить свои воспоминания.

У неё было чувство, что «Красная шапочка» стояла прямо рядом с ней.

У неё было чувство, что она пыталась что-то ей сказать.

У неё было чувство, что она могла слышать голос «Красной шапочки».

Аяка пыталась пересилить страх и продолжать думать... пока не увидела, как озираются Сэйбер с полицейскими, и поняла, что сотряслся не только её мозг.

— Что?.. — подозрительно пробормотала она и тотчас же ощутила своими ступнями вибрацию земли.

— 3-землетрясение?!
«Нет, не землетрясение.
К нам что-то приближается...»

Дрожь становилась всё сильнее, и затем... из-за здания показалось «оно».

Огромный угольно-чёрный пёс более пятнадцати метров ростом.

Всё его тело испускало похожий на миазмы дым. Языки пламени такого же чёрного, как и шкура, цвета постоянно сочились из челюстей – челюстей трёхголового монстра, благословлённого Аидом.

×

×

Несколько лет назад. Где-то в Европе.

— Значит, ты примешь предложение? Сама я планирую воздержаться.

Маг, чья манера речи создавала впечатление хитрого человека, обладал внешностью юной девушки.

Судя по одежде, она могла быть безбедной молодой леди из хорошей семьи, но несмотря на это, ворон, который сидел у неё на плече, выглядел странно уместным, и создавал впечатление, что она была необычной девушкой.

Она была магессой, которая пусть и была частью Часовой башни, но при этом держалась от неё подальше, поскольку не любила царившую там борьбу за власть.

Несмотря на сладкий голос, её манера речи была свойственна, скорее, пожилому человеку. Поговаривали, что ей на самом деле было более восьмидесяти лет, или же это было результатом унаследования Магических цепей, в которых было полно знаний предыдущих владельцев, однако истина оставалась тайной.

И эта девушка, создававшая впечатление опытного человека, говорила с заклинательницей, чья аура соответствовала юному облику.

— Потому что Вы хотите защитить магическое общество?

— Ха-ха! Если бы одного ритуала было достаточно, чтобы уничтожить наше общество, то оно бы уже давно сгинуло... хотела бы я так сказать... но если верить последним слухам, то этот ритуал далеко на востоке ступил на весьма опасную территорию. Мне показалось странным, что эта «Война за Святой Грааль» не привлекла много внимания, несмотря на то, что в одной из них погиб Лорд десять лет назад... но, похоже, поток информации кто-то выправлял.

Война за Святой Грааль.

Мелкий ритуал на дальнем востоке, на который не обращали особого внимания до проведения «пятого ритуала» несколько месяцев назад.

Им не удалось узнать деталей того, что тогда произошло или что было достигнуто в итоге.

Тем не менее, ходили правдоподобные слухи, что если бы всё обернулось плохо, то это могло бы стать одним из «концов», которые пророчили отшельники из Института Атлас.

— Ни один уважаемый маг не согласился бы на столь абсурдное предложение, как воссоздание этой Войны за Святой Грааль в Америке, особенно без поддержки Ассоциации магов. Они обратились к тебе из-за твоей ненависти к Ассоциации, несмотря на качество твоей родословной... по крайней мере, я так думаю. Я очень уважаю твои таланты, но когда дело касается этого монстра – Франчески – то индивидуальные способности, в лучшем случае, стоят на втором месте.

— Меня это не волнует.

Девушке, которая стояла перед магессой с вороном на плече, не было даже пятнадцати лет от роду.

Несмотря на это, её взгляд был исполнен смирения перед всем миром, а слабый блеск глубоко в её глазах исходил от тёмного пламени ненависти.

По крайней мере, магесса с вороном была в этом убеждена.

— Между нами говоря, однажды, когда я участвовала в аукционе на «Рельсовом цеппелине», мне удалось мельком увидеть Призрака прошлого... одну из Героических душ. Она не была фамильяром – скорее, тенью человеческого порядка, запечатлённого в самой Земле. Не думай, что можешь использовать одну из них для личной вендетты и выйти сухой из воды.

— ...

— Если хочешь уничтожить что-то большое, то за это надо заплатить цену, — продолжила говорить магесса с вороном, обращаясь к девушке, которая слегка сжала кулаки и опустила взгляд. — Уничтожение Ассоциации магов равносильно тому, чтобы стать врагом самого магического общества. Многие готовы к тому, что в итоге их ждёт уничтожение, но не забывай – твой дед, отрёкшийся от человечности, был одним из них... и наоборот. Чем больше то, что ты хочешь уничтожить, тем быстрее ты будешь уничтожена сама. Называй это «предоплатой».

— Взгляни на магов, — сказала хитрая магесса с юной внешностью девушки-заклинательнице, чьим законным опекуном она стала, — они стремятся нарушить законы природы и достичь Истока. И все они сломлены, разве нет?

На губах магессы возникла слегка самоуничижительная улыбка, после чего с её лица исчезли все эмоции, и она спросила девушку, ставшую её подопечной:

— Харли Борзак, ты ломаешься как человек или как маг?

— Ни то, ни другое, мэм, — прямо ответила девушка по имени Харли магессе, которая намного её превосходила. — Я уже давным-давно сломлена. Теми людьми из Часовой башни...

— ...

— Мои отец и мать были обычными магами... однако их заклеями еретиками и лишили всего только ради того, чтобы Часовая башня смогла заполучить результаты исследований, доставшиеся им от дедушки, который отбросил свою человечность!

— Тебя не лишили жизни, не так ли? Благодаря быстрому осознанию, Борзаки пусть лишь частично, но успели передать тебе свою метку и позволили сбежать. Если свяжешься с этим существом – с Франческой – то все их усилия станут тщетными.

Тон магессы слегка помрачнел, но Харли даже бровью не повела.

Увидев это, её опекунша негромко вздохнула и покачала головой.

— Будь ты магом, ты бы смирилась с произволом Часовой башни как с чем-то «само собой разумеющимся»... но ты не была магом, когда пожелала мести за родителей. Ты ещё не сломлена. Ты могла бы начать всё с начала. Могла бы остаться в тени и использовать магию, чтобы сделать жизнь немного проще.

Несмотря на эти слова, она больше никак не попыталась остановить Харли.

Харли была лишь её подопечной, не ученицей, и их отношения не были навязаны магией. Должно быть, она решила, что вмешиваться дальше – не её путь.

У неё был долг перед потомком Борзаков, её знакомых, однако этот долг не сменится состраданием так просто.

Может, она и отдалилась от Часовой башни, но она всё ещё была магом.

— Я думаю, что Лорд, которого я видела на «Рельсовом цеппелине» - Эль-Меллой II, кажется, с готовностью примет к себе даже того, кто не в ладах с магическим обществом, но, полагаю, будет грубо задерживать тебя дольше.

Глаза ворона зловеще сверкнули, когда магесса удалилась, исчезая во мраке.

Она шла как девушка её очевидного возраста, которая заблудилась в ночи, но ворон, сидевший у неё на плече, не сводил своего пугающе острого взгляда с Харли.

— Никогда не забывай, Харли, — раздались слова, когда они растворились во тьме.

Они слетели с губ магессы или же вырвались из клюва ворона?

Девушка, барабанные перепонки и позвоночник которой охватила дрожь, больше не могла сказать наверняка.

— Неважно, насколько ты готова к тому, чтобы сломаться...

Однако последние слова обратились эхом, глубоко засевшим внутри заклинательницы Харли.

— Подготовка ничего не значит перед лицом *того, кто сломлен с самого начала.*

×

×

Настоящее. Сноуфилд. Престижный жилой район.

— Хм-м... — раздался в *настоящем* Сноуфилде женский голос. В нём была какая-то нереальная красота. — Я была уверена, что он сразу же бросится сломя голову выслеживать меня... но Уту высоко в небе, а он по-прежнему не дал о себе знать. Он на удивление осторожен, учитывая, что его лучшего друга только что сокрушили.

Сноверк, престижный жилой район, крупнейший особняк которого принадлежал владельцу казино в центре города.

По крайней мере, публично.

Владелец был всего лишь ширмой, выставленной во время возведения города – бизнесменом, который рано ушёл из жизни в результате болезни и всего лишь выглядел живым.

На самом деле казино управлял один из магов «внутреннего круга», который с помощью магии принял облик умершего бизнесмена, дабы вводить общественность в заблуждение, когда появление владельца на публике было необходимо.

В результате у этого изысканного особняка, который вполне мог бы принадлежать какой-нибудь мелкой голливудской звезде, не было настоящего владельца. Его единственными посетителями были работники, которые поддерживали минимальный уровень обслуживания здания.

И всё же...

В данный момент в этом особняке, как у себя дома, обосновалась одна группа.

На белоснежном диване, который, вероятно, сам по себе стоил как небольшой дом, расположилась женщина. Она просто сидела, но впечатление складывалось такое, будто с неё можно было нарисовать идеальную картину вне зависимости от художника или угла обзора, поскольку она являлась самым олицетворением слова «красота».

— Ну да ладно, неважно. Всё равно я хочу позволить Гугаланне избавиться от этого мусора.

Девушке, у которой этот образ огнём запечатлелся прямо в глазах, ещё даже не было двадцати лет.

Харли Борзак с мрачным видом наблюдала за этой богиней – женщиной по имени Филия, сидевшей на диване – из угла огромной комнаты.

— Почему ты такая подавленная?

— Вы не могли бы назвать своё имя? — ответила Харли на вопрос Филии тоном, в котором смешались осторожность и страх.

— О, ты всё ещё не выкинула это из головы? Я ведь уже говорила: если ты поняла, насколько я очаровательна, то больше тебе знать ни к чему.

— Сейчас... я не только очарована. Ещё я боюсь. Знаю, я сказала, что меня заботит лишь то, что Вы меня спасли... но раз уж мы будем сражаться вместе, то я, по крайней мере, хочу знать, как Вас зовут.

Харли была в ужасе, но всё же смотрела Филии прямо в глаза.

— О? — отозвалась Филия со слегка чарующей улыбкой. — Я гляжу, ты стала пугающе самоуверенной.

— Вы сказали Баздилоту и его Слуге, что Вы богиня. Мне, как магу, сложно в это поверить... но Вы не маг, в этом я уверена. Вы – нечто, стоящее гораздо «выше»... не так ли?

— Этот вопрос настолько очевиден, что я даже не знаю, как на него ответить. То есть всё, что я могу сказать, это «разумеется», а это так скучно.

Пожав плечами, Филия сделала глоток из своего бокала. Даже это движение было настолько прекрасным, что Харли едва не поверила в то, что перед ней находилась идеальная форма отдыха.

— И всё же, полагаю, в чём-то ты права. Я практически прикончила Гильгамеша, и теперь мне в принципе незачем скрывать своё имя... да ведь? И это ведь я сказала тебе убраться от больницы подальше, поскольку иначе ты бы, наверное, угодила туда и погибла.

Подумав немного, Филия неторопливо поднялась с дивана и продолжила:

— Слова, которые я сказала тому Авенджеру и его Мастеру, не были фигурой речи. И нет, я не женщина, которую называют богиней. Я и есть самая настоящая богиня.

— Что?

— Я богиня красоты, покровительствующая обильным урожаям, дарующая удачу, славу и крах воинам сиянием Венеры и защищающая людей... Этих намёков достаточно для мага вроде тебя, верно?

— !..

У Харли перехватило дыхание, когда ей сказали, что слово «богиня» следовало воспринимать буквально.

Однако она отчасти ожидала этого и не поддалась сомнению или замешательству.

Ей хотелось бы ошибаться, но она уже вверила свою жизнь в руки Филии, а отказываться было поздно.

И вот множество обронённых Филией обрывочных намёков навело её на имя.

— Богиня Венеры... Афродита... Венера... Астарта. Нет... Ещё древнее... Инанна?

— Да, это тоже «я», но мне больше по душе моё шумерское имя. Правда, всё зависит от настроения при воплощении.

— Богиня... Иштар.

— Верно. Хорошо, что ты всё правильно поняла, да?

Филия поставила всё ещё наполовину полный бокал на мраморный стол. Непринуждённой походкой она пересекла комнату, взяла пульт от телевизора и нажала кнопку.

Она переключала каналы, пока её внимание не привлёк «магазин на диване», а именно сегмент с ювелирными изделиями.

— Огранка великолепна, — с огромным интересом пробормотала Филия. — Магия пришла в упадок, но если упор на развитие технологий привёл к такому результату, то это, пожалуй, не так уж плохо. Мне, конечно, больше по душе ремесленники Урука, но... Что ж, я буду уважать точности этой эпохи, если придётся.

Филия с радостной улыбкой начала играть с драгоценностями, которые она нашла в этом доме.

— В конце концов, все техники и вкусы сводятся к тому, идут они мне или нет.

Их, вероятно, создали для отвода глаз или в качестве мистических катализаторов для настоящего владельца особняка, но любой из них вполне мог стоить более пятидесяти тысяч долларов в обычном ювелирном магазине.

Однако Харли не могла отделаться от чувства, что цена здесь была не при чём.

Будь это даже дешёвые камушки, стекляшки или мраморные шарики, просто будучи в её руках, они, казалось, сразу же становились гораздо ценнее и превращались в эталон драгоценностей.

— Богиня красоты...

Да, она была настолько прекрасна, что даже прямой взгляд на неё казался неуважением.

В то же время это пугало Харли.

Поистине идеальная красота сама по себе могла стать великой – почти Истинной – магией.

К примеру, до Харли доходили слухи о «Золотой и Серебряной принцессах» семьи Изельма, могущественных магов Вальюэ, факультета созидания Часовой башни. Эти близнецы представляли собой абсолютную красоту, своевольный продукт поколений магических изысканий. Судя по всему, они проецировали идеальную «красоту», которая одним лишь своим существованием лишала сознания всех вокруг. Харли никогда не видела их лиц, но предположила, что эта богиня красоты была чем-то совершенно иным.

Если принцессы Изельма были результатом усилий поколений магов, стремившихся приблизиться к Истоку с точки зрения «красоты» и достигли уровня, на котором их физические тела, казалось, отражали саму вселенную, тогда эту богиню необходимо было относить к совершенно другой категории, которая, так уж получилось, тоже использовала слово «красота».

В конечном итоге «красота» семьи Изельма была средством достижения Истока. Если бы они добились этой цели, то это была бы область, достойная называться «неземной красотой».

Что иронично, эта богиня обладала полной её противоположностью – потусторонней «красотой», подобающей небесам, но применённой к земным формам. Можно было назвать это конечной целью «красоты», поскольку она была близка к человеческой сфере. «Завершённый продукт», рухнувший с недостижимых высот и окрасивший собой всё вокруг.

Самопровозглашённая богиня выглядела так, словно всё её окружение начало подчиняться закону золотого сечения. Её существование нарушало все возможные правила.

Если человеческое чувство прекрасного есть способ избежать кризиса или механизм удовольствия, разработанный для выживания, то её красота была чем-то противоположным.

Её красота была чем-то дарованным людям.

Богиня знала, что обладает идеальной красотой и является её стандартом. Как итог, она должна расценивать красоту как нечто неизбежно принадлежащее ей, а процесс изучения себя – следовательно, как нечто совершенно чуждое.

Девушка невольно думала так, несмотря на то, что богиня просто стояла перед ней. Вот почему Харли восхищалась её свободой и в то же время боялась, что её

уничтожат, стоит ей хотя бы слегка отклониться от эстетических вкусов этого существа, выходящего за рамки человеческого понимания.

Харли переполняло чувство, достойное называться «благоговением». Она поборола желание рухнуть на колени и высказала сомнение, которое внезапно пришло ей в голову.

— Я думала, что призвать божество на Войну за Святой Грааль невозможно...

— Так оно и есть. Святой Грааль, как правило, на такое не способен. Существует несколько едва ли не еретических способов повернуть такое, но призвать божество моего уровня с помощью такого локализованного ритуала не представляется возможным. В особенности с *фальшивым* Святым Граалем, который утратил свою функцию. Но... если ты, например, загадаешь Граалю желание в конце ритуала, то, возможно, заставишь меня, по крайней мере, выслушать тебя.

— Тогда как... — не унималась Харли.

— Я всего лишь воплотилась здесь, — беспечно ответила богиня внутри Филии, — потому что пробудилась сила, которую я оставила в этом мире с самого начала.

— Сила?

— Именно. Моё благословение этому миру.

— ?..

Её пребывание здесь было результатом благословения, дарованного миру.

На лице Харли было ясно написано, что она не поняла сказанного богиней. Филия пожала плечами и продолжила:

— Разумеется, для тех хулителей это, скорее, проклятие.

— То есть... сила богини Иштар находится в этом «сосуде»?

— Не только сила, но и моя личность. Правда, для существ вроде нас это, по сути, одно и то же... Видишь ли, в это тело просто была заложена программа. Переписать её было проще простого. Думаю, она – жертвенная дева, приготовленная в качестве последнего вместилища для силы Грааля. Ну, или что-то в этом роде.

Похоже, богиня не была заинтересована в происхождении своего сосуда. Она вернулась к разговору о себе, радостно глядя на ювелирные изделия.

— Было время, когда мы могли воплотиться в нашей истинной форме, но если бы я поступила так в этот раз, то люди этого города уже давным-давно взорвались бы и погибли.

— Тела современных людей не могут выдержать магическую энергию Эпохи богов...

Харли уже слышала прежде нечто подобное.

Эпоха, когда люди и боги сосуществовали друг с другом, закончилась, и магическая энергия начала исчезать из мира. Человечество приспособилось к новым условиям, их тела изменились и больше не могли выдержать то, что когда-то переносили с лёгкостью.

Харли не знала, была ли это эволюция или же регресс. Люди не могли выжить при слишком высокой концентрации кислорода в воздухе. Точно так же они уже начали расходиться с миром магии. И не только на социальном уровне – за

исключением магов и заклинателей, которые на самом деле продолжали использовать магическую энергию.

— Ну, я не могу воплотиться по другой причине. Даже если воссоздать те же условия и попытаться призвать меня... полагаю, было бы благородно, если я бы я сочла это жертвоприношением, но какой в этом смысл, если не осталось людей, поклоняющихся мне в обмен на защиту?

— Тогда к чему все эти сложности?... Зачем воплощаться в этой эпохе?..

— Сказала же, я просто даровала благословение этому миру. Оно просто успешно пробудилось.

В этот момент богиня прищурилась и сверкнула чарующей улыбкой.

— Едва верится в то, что нечто такое всё-таки произошло... Хочется даже поаплодировать той мне, что всё это затеяла.

— ?

Видишь ли, когда царь-богохульник оскорбил меня, а тот мусор бросил мне потроха моего божественного зверя, я благословила этот мир. Я отдала себя всю и в итоге исчезла, растворилась в человеческом порядке.

Страх есть красота, а красота есть первобытный страх.

Именно так казалось Харли, когда она смотрела в глаза Филии.

При виде острых черт её лица у Харли похолодела кровь. Они были слишком красивыми – если бы она стала объектом её ненависти, то не только не смогла бы противиться, но и испытывала бы самую настоящую благодарность.

Доведённые до идеала ярость и ненависть богини красоты.

Если быть точнее, «осколок» страстей божеств, когда-то правивших этой планетой, разжигал древний гнев в сосуде по имени Филия.

— Если *те двое* когда-либо вернутся на эту планету и воссоединятся...

Представ перед чудом того, что она всё-таки явилась сюда, несмотря на бесконечное множество вероятностей, существо, называвшее себя богиней, улыбалась так красиво, что у любого при виде этого застыло бы сердце.

— Я посвящу свои божественность и душу... *защите людей*.

Затем, словно в ответ на эти слова, во дворе особняка раздался скрипящий звук.

Харли даже не посмотрела в ту сторону.

Она знала, что ничего не увидит.

Во дворе расположился Слуга Харли, ставший невидимым с помощью магии.

Поскольку он вобрал в себя обломки разрушенной им мастерской Баздилота, ему было не так-то просто перейти в призрачную форму, поэтому они обходились магией невидимости и сокращением магической энергии.

Однако женщина, назвавшаяся Иштар, похоже, всё ещё могла отчётливо воспринимать Слугу, поскольку она бросила взгляд во двор сквозь стеклянную стену и произнесла:

— Ты так не считаешь?

В ответ раздался звук, похожий на скрежет гребного винта крупного корабля.

— Ох, серьёзно? Похоже, она думает, что эти высокие каменные башни – это ливанские кедровые леса, — пожав плечами, сказала богиня с кривой улыбкой,

словно разговаривая с домашним любимцем. — Ладно, позже я отведу тебя в настоящий лес. Этот мусор, наверное, там...

— Но теперь, когда Гильгамеш выбыл из игры, он набрался ума и не представляет угрозы.

×

×

Далёкое прошлое. Лес гигантских деревьев.

«Тебе нужно учиться».

«Постигать людей».

«В лесу Энлиля Уту создал “идеального человека”».

«Узри её, поведай о ней и вылепи себя по её образу».

«После Нинурта поделится с тобой силой».

«Прежде чем мы выпустим тебя в леса Урука, тебе нужно провести время с «человеком», возвращённым Уту».

«Закончи себя и стань подобием человека».

«Ибо ты есть глина, имитирующая всё живое».

Воля богов.

Когда этот непреодолимый «долг» оказался запечатлён в куске глины, приятная дрёма закончилась. И последовало пробуждение в этом мире...

— — — — —

Мир объял крик, разорвавший небо и землю.

В нём не было слов.

Это был просто кружащийся вихрь чистой ненаправленной эмоции.

Первым, что «инструмент» по имени Энкиду запечатлел в этом мире, были нескончаемые крики.

Один лишь их звук уничтожал всё вокруг, оставляя лишь пыль.

В «процессе» божьего созидания он был брошен в сердце этого вихря криков.

Однако... «брошен» было всего лишь объективным описанием.

На самом деле было бы честно сказать, что боги вкладывали все свои силы в создание этого абсолютного оружия.

Она Он был божественным гомункулом – инструментом, оружием и независимым механизмом обработки – созданным богами Месопотамии с целью вернуть на путь истинный дитя, выродившееся в человека.

Именно поэтому то, что Энкиду оказался посреди губительного гласа, было необходимым шагом.

Её
Его с любовью... нет, с чем-то сродни любви, словно младенца в первую в его жизни ванну, поместили сюда в качестве последней меры предосторожности.

Спустя восемьдесят дней, проведённых в этом шуме, Энкиду распознал в громоподобном рёве «человеческий голос».

Процессор, брошенный в этот мир в состоянии абсолютной невинности, снабжённый лишь ролью, которую на него возложили боги, и необходимым минимумом информации. Она Он начал впитывать данные, выбирая, что может оказаться необходимым и какие типы знаний лучше накапливать.

Интеллектуально Энкиду уже был дан определённый богами ответ на вопрос, чем был источник криков.

Это было существо, называемое «человеком».

Это был, как заявили боги, апофеоз и идеал человеческого рода, с которым Энкиду должен был встретиться.

В своём изначальном состоянии Энкиду ещё не знал, что такое слова. С его точки зрения могучие слова богов воспринимались как «ощущения».

Но даже так Энкиду не отвернулся от этого «идеального человека» и продолжал впитывать крики.

В результате, дабы ответить голосу, Энкиду преображался в некое подобие огромной глиняной куклы.

Если бы этот автоматон оказался полностью поглощён «криками»... то он не смог бы достичь взаимопонимания с храмовой проституткой Шамхат.

Может быть, Энкиду даже не узнал бы в Шамхат «человека».

Вот как сильно «идеальный человек», с которым он столкнулся по воле богов, отличался от людей, ходивших на двух ногах в Вавилоне.

Тем, что в последний момент свяжет Энкиду с человеческим обществом... был голос девочки, возникший среди бесконечных криков подобно пузырькам воздуха из водорослей.

— Кто это?

Здесь кто-то есть?

Прежде чем Энкиду осознал это, вокруг него начали распускаться небольшие цветы.

Процессор богов научится.

Буря криков успокоилась, словно их и не было вовсе, и раздалась серия нежных звуков, которые, похоже, что-то значили, но лишь на то недолгое время, пока цветы продолжали цвести.

Далеко не сразу Энкиду понял, что означали эти звуки – понял, что такое «слова».

И независимый процессор учился.

Энкиду узнал, что несмотря на то, что у криков, похожих на бесконечный гром, не было какого-либо словесного значения... они продолжали врезаться в этот мир эмоцию под названием «негодование» в форме проклятия.

Им не было конца. Они не достигали цели. «Люди» просто продолжали кричать.

Выкрикивать проклятие, которое никогда не достигнет места, являвшегося для Энкиду началом всего сущего.

Однако Энкиду, осознав это, остался спокоен.

Если это были те самые «люди», о которых говорили боги, то, наверное, такова была их суть. Энкиду бесстрастно записал этот факт и сделал его основой для своих вычислений.

Оказавшись между бесконечными криками и нежным голосом девочки, который то и дело всплывал на поверхность, процессор – который не мог даже различить «нежность» - впитывал знания о людях с полнейшей отрешённостью.

Лишь миссия, возложенная на него ^{неё} богами, продолжала отдаваться эхом в пустой душе Энкиду.

«Общайся с людьми».

«Пронзай и быстро сшивай».

Занятый вычислениями кусок глины ещё даже не был куклой.

Энкиду просто рассудил, что это было необходимо для ^{её} его миссии, и предпринял дальнейшую попытку вступить в контакт с «идеальным человеком».

Пока что Энкиду просто запоминал слова из «её» шёпота и постигал ситуацию.

^{Она} Он ещё не достиг уровня, необходимого для беседы.

В поисках способа исполнить возложенную на него ^{неё} роль Энкиду пробовал различные формы взаимодействия с «идеальным человеком».

Пока однажды в процессе... он не заставил цветы вокруг него расцвести.

В памяти Энкиду не осталось записей по поводу того, почему ^{она} он решил это сделать. Может быть, это было просто совпадение или же вмешался некий фактор, который тогда ещё несовершенный Энкиду не мог распознать.

Но результат, по крайней мере, огнём запечатлелся в цепях Энкиду.

Крики негодования на мгновение утихли, и «она» явила себя.

— Спасибо.

— Красивые... да?

Энкиду не заметил лёгкую дрожь в своей системе при звуках этого голоса.

Позже, однако, оружие поняло.

Это был первый момент, когда ^{она} он преуспел во взаимном обмене «волей».

Время – и слова – текли рекой.

Энкиду запомнил точное количество дней, но не видел в этой информации никакого смысла.

Оружью было всё равно, сколько времени прошло. Важно было лишь то, что он начал понимать «людей».

«Эй».

«Эй».

«Мы твои друзья, Энкиду».

«Но скоро перестанем ими быть».

«Потому что мы больше не можем никуда отправиться».

«Мы больше не сможем видеть то же, что и ты».

«Мы наверняка забудем про тебя».

«Для нас ты был подобен цветку, Энкиду».

«Ты спас нас от одиночества».

«Мы надеемся, что однажды ты тоже встретишь того, кто подобен цветку, Энкиду».

«Того, кто снова расцветёт, даже если его или её будут ждать увядание и смерть».

«Того, кто подобен цветку... который расцветает где угодно».

Прежде чем Энкиду это осознал, она, поднявшись из вихря негодующих голосов, начала образовывать собственное небольшое тело.

Внимание Энкиду привлекли издающее звуки приспособление, а также аудио- и визуальные сенсоры, которыми было снабжено это «маленькое тело».

Череп, лицо, голова.

Энкиду сопоставил предоставленные ему богами образы со словами, которые ^{ей} он узнал от «неё».

Макушку головы, которую Энкиду, казалось, мог бы раздавить, приложив даже малейшее усилие, украшал цветок, который ^{она} он заставил расцвести за несколько дней до этого.

Затем... она сорвала другой цветок.

Это был один из тех, что расцвели, когда она впервые появилась – в день, когда Энкиду впервые столкнулся с ней.

Когда «она» украсила этим цветком голову Энкиду – всего лишь большой кусок глины – её визуальные сенсоры и речевой аппарат на её голове приняли странные очертания.

Гораздо позже Энкиду узнал, что это была «улыбка».

В то время Энкиду больше беспокоило то, что плавало вокруг неё.

Это были семь небольших колец, сиявших подобно радуге после дождя, которые, похоже, защищали «её».

Энкиду рассудил, что эти кольца света были «идеальными созданиями», и запечатлел их сияние в своей душе.

Большой кусок глины, достаточно крупный для того, чтобы вобрать все «их» крики негодования, раздававшиеся, когда у девочки не было формы, и настроивший своё сознание для этой цели, впервые позволил возникнуть в своей душе тому, что люди называют «надеждой».

Даже когда он ^{она} подчинился приказам богом и покинул лес.

Даже если он ^{она} уничтожит людей ради своего долга... он ^{она} должен вновь увидеть это идеальное, прекрасное сияние.

Энкиду запечатлел это желание в своей системе, не проанализировав даже ^{она} причины, по которой он это сделал.

Желание оружия исполнится спустя много-много лет.

Но

в следующий раз, когда Энкиду увидел «её»
это сияние...

×

×

Настоящее. Сноуфилд. «Кристал Хилл». Верхние этажи.

Цветы, что впервые расцвели, когда он встретил «её».
Какого цвета они были?

Верхние этажи «Кристал Хилл».

Прямой лифт к люксу в данный момент использовала лишь избранная группа людей. Официальная причина – повреждение стёкол из-за сильного ветра.

Шагая по красному ковру коридора этажом ниже, Энкиду вдруг осознал, что вспоминает события из своей жизни.

Вспоминает цветы, выросшие в чаще леса, где он проводил время с сущностью по имени Хумбаба.

Он вспомнил окрас цветов, которые заставил расцвести для «неё».

Скопления бледно-синих цветов.

После Энкиду никогда больше такого не повторял, поскольку в этом не было нужды, но если бы кто-нибудь попросил показать их, он бы сделал это с лёгкостью.

Однако в итоге он не смог вспомнить цвет тех цветов, что были с «ней», сущностью, называвшей себя Хумбабой.

Почему Энкиду пытался думать о тех цветах, существовавших в пространстве, которое не было ни записью для его «завершения», ни воспоминанием?

Энкиду проанализировал причину, тотчас же получил два ответа и с лёгкой улыбкой опустил взгляд.

Это была не столько насмешка над самим собой, сколько улыбка чистой ностальгии.

Первая причина заключалась в том, что он узнал о воплощении в этом мире своего родича – Хумбабы.

Вторая же...

— Дело не в личности или цвете их душ... Может быть, они чем-то похожи в своей мимолётности.

Энкиду продолжал идти вперёд, ощущая присутствие девочки во внутренних помещениях верхнего этажа.

— ?

Повернув за угол, он обнаружил несколько мужчин и женщин в чёрном, которые смотрели на него с тревогой и смятением.

— Эй, ты что такой? Стоять!

— Посторонним сюда не... Подождите. Босые ноги...

— Неужели?... Он не маг. Его магическая энергия подобна... самой Земле...

— Слуга?... Только не говорите мне, что это Лансер!

Лишь нескольким членам организации, занимавшей люкс, была известна внешность Энкиду.

Тем, кто через своих фамильяров наблюдал за его битвой с Гильгамешем в первый день.

Им поведали о его отличительных чертах, но никто из них не ожидал, что он просто предстанет перед ними в коридоре среди бела дня.

Магическая энергия, переполнявшая тело Героической души, была аналогична той, что текла по духовным жилам земли, и безмятежна, словно спокойная морская гладь. Многие заклинатели и маги не смогли бы этого засечь даже с близкого расстояния.

Вот почему, заметив это, они поняли.

Они как будто уловили запах морской воды и внезапно осознали, что пред ними появился огромный кит.

Атаковать было слишком поздно. Они сомневались, что смогут причинить ему хоть какой-нибудь вред, даже если нападут первыми.

Они не были связаны контрактом с Героическими душами и поэтому были практически бессильны. Им даже был отдан строгий приказ ни за что не ввязываться в бой с Героической душой при его или её появлении.

Они не на секунду не забывали про своё вооружение, но никто даже не попытался схватиться за огнестрельное оружие в кобурах или атакующие Тайные знаки.

Увидев это, Героическая душа улыбнулась и спокойно произнесла короткую фразу:

- Я прохожу.

Голос нельзя было однозначно назвать мужским или женским, но пол Героической души не имел для охранников в чёрном никакого значения.

Не только его внешняя красота, но и вообще всё, включая магическую энергию, которую он излучал, и то, как он двигался, говорило им, что это было «идеальное тело».

Перед лицом этого факта возраст и пол были мелочью. Проклятия или магия, разнившиеся в зависимости от пола, были бы бессмысленны против этого могучего существа.

— ...

Люди в чёрном, каждый дюйм кожи которых покрывал холодный пот, были не в силах что-либо сделать. Они застыли, как каменные изваяния.

Минуя их, Героическая душа слегка опустила взгляд, словно в раздумьях, остановилась и сказала:

— Расслабьтесь. Я сюда не драться пришёл. На самом деле, если бы вы решили сражаться, то объект, который вы обязаны защищать, мог бы случайно пострадать.

— ?..

Выражение залитых потом лиц охранников говорило о том, что они не поняли, что именно пытался сказать Энкиду. Он же, не переставая улыбаться, бесстрастно изложил им факты без всякого намёка на иронию или одобрение:

— Я хочу сказать, что вы не ошиблись в своём выборе. Поэтому вам не нужно чувствовать ответственность... Надеюсь, вы и впредь будете принимать правильные решения.

«Правильные для кого?» — хотели спросить они, но не смогли выдать из себя ни звука.

У них было такое чувство, словно Слуга, который просто прошёл мимо, постиг само их естество, и это привело их в ужас. И затем эта Героическая душа, обернувшись, произнесла:

— Всё хорошо, Мастер. Я обезвредил все защитные системы в этом коридоре... Это значит, что здесь безопасно.

— ?!..

Мастер.

При этом слове напряжение охранников достигло предела.

Они с изумлением узнали, что Героическая душа обезвредила всю их защитную магию без всяких видимых действий, но причина, по которой он это сделал, встревожила их ещё больше.

Тот факт, что они столкнулись не только со Слугой, но ещё и с Мастером.

Их глава, которую они должны были охранять, в данный момент всё равно что потеряла своего Слугу.

Если этот Мастер пришёл предложить союз, то он вполне может просто устранить её, как только осознает ситуацию, разве нет?

Обеспокоенные охранники обратили своё внимание на угол коридора.

Спустя мгновение... медленными, осторожными шагами, пригнувшись, из-за угла показался покрытый гладкой серебряной шерстью волк.

×

×

«Кристал Хилл». Люкс на верхнем этаже.

— Ты пришёл убить Его Величество?.. — тихо спросила Энкиду девочка – Тина Челк – когда тот открыл дверь.

В помещении находилось более десяти её подчинённых в чёрных костюмах.

Однако, как и охранники в коридоре, они были не в состоянии предпринять неосторожные действия, когда перед ними внезапно предстал Слуга.

От вопроса Тины в комнате возник нервный трепет.

— Для Мастера в Войне за Святой Грааль это правильный вывод, но он не соответствует действительности.

— Тогда... ты здесь, чтобы казнить меня? Я опозорила Его Величество, твоего лучшего друга.

— Тут ты тоже не права, — покачал головой Энкиду, всё ещё улыбаясь, но как-то беспристрастно.

Внимание Тины было сосредоточено на Энкиду, но смотрела она не на него.

Она стояла посреди того, что в каком-то смысле являлось роскошной «мастерской мага», обставленной личными вещами Короля героев, и вливала огромные объёмы магической энергии в существо, которое лежало в её центре.

— Твои Магические цепи... нет, ты сама связана с этими землями, не так ли? — произнёс Энкиду, явно впечатлённый. — Вот оно что. *Неудивительно, что у тебя похожая аура...* Твой народ пытался сделать то же, что и старые боги.

— ?..

Странные слова Энкиду привели Тину в лёгкое замешательство, но у неё, похоже, не было времени задумываться над ними, поскольку она продолжала направлять магическую энергию в центр комнаты, даже не взглянув на него.

— Ты знаешь, кто я?

— Его Величество называет тебя своим другом.

Тина всё ещё не смотрела на Энкиду. Каждый дюйм её тела покрывал пот из-за обращения с огромным количеством магической энергии. Тем не менее, ответила она твёрдым голосом, по всей видимости, решив не проявлять слабость.

— На ум приходит лишь одна Героическая душа, которую Его Величество может назвать своим другом и которая также может сравниться с ним в грубой силе.

— Даже не знаю. Вероятно, так оно и было, когда я был жив, — уклончиво ответил Энкиду.

Облачённые в чёрное подчинённые Тины, стоявшие рядом с ней, постепенно начали двигаться.

— Если ты не намерен сражаться, тогда зачем ты здесь? — настороженно спросил один из них, пожилой мужчина.

Подозрение в его голосе было слегка тронuto надеждой.

Энкиду догадался, что он имел в виду, и с извиняющимся видом покачал головой.

— Если вы полагаете, что я пришёл спасти короля Гильгамеша, то, боюсь, я вас разочарую.

— !..

Слова Героической души обескуражили большую часть тех, кто находился в помещении. Плечи Тины слегка задрожали.

Тем, что находилось в центре комнаты – тем, на что смотрел Энкиду – действительно был «труп» Короля героев.

Гомункула Айнцбернов, которую Гильгамеш назвал Иштар.

Из-за её вмешательства Гильгамеша поразили стрелы Алкида, а затем его пронзило чудовищное «нечто», появившееся сразу после этого.

Несомненно, это был смертельный удар.

Что ещё хуже, его тело начала снедать неведомая сила, а раны продолжали гнить, даже пока он был ещё жив.

Его физическое дело всё ещё существовало лишь благодаря Тине, которая черпала невероятное количество магической энергии из духовных жил, чтобы удерживать его духовную основу в человеческой форме, и предотвращала рассеивание грубой силой.

Глядя на Гильгамеша в таком состоянии, сохранившего лишь форму Слуги, Энкиду бесстрастно выразил своё мнение:

— Тело Ги́ла поразили два яда. Если бы это был только яд гидры, я бы вскрыл его сокровищницу и, вероятно, нашёл противоядие. В конце концов, он говорил, что однажды отправится охотиться на змей на краю света. В дополнение к телам и противоядиям, в его сокровищнице может даже найтись пара кухонных принадлежностей, сделанных специально для них.

Энкиду продолжал говорить как ни в чём не бывало, словно рассказывая повседневные шутки.

Тина скрипнула зубами и с намёком на гнев ответила, по-прежнему не глядя на него:

— Разве ты не... друг Его Величества?.. Как ты можешь говорить так спокойно?!..

Её крик был слишком высокомерным, чтобы соответствовать нраву девочки, которая в некотором роде всё ещё была ребёнком.

Энкиду принял это. Он перестал улыбаться, но когда ответил, выражение его лица оставалось спокойным.

— Потому что я его друг.

— Что?..

— Мы с Гилом провели вместе много незабываемых дней. Мы уже покончили с нашим вечным расставанием и вызванной этим скорбью. «Нынешние» мы – лишь тени, запечатлённые в человеческом порядке. Мы можем радоваться нашему воссоединению, но нам не нужно вновь скорбеть из-за расставания. Не думаю, что Гил пролил бы слезу, если бы здесь на грани смерти лежал я, да и я не стал бы просить его об этом.

— ...

В профиле Тины возникло замешательство.

Она всего один раз взглянула на Энкиду, но ей не хватало жизненного опыта, чтобы рассудить, правду он говорил или нет, по одному лишь выражению его лица.

— Полагаю, тебе будет сложно это понять. И я могу догадаться, почему ты обращаешь свой гнев на меня. Что ж, если тебе станет от этого легче, можешь проклинать меня сколько душе угодно.

— ...

Услышав это, Тина впервые полностью повернула голову, чтобы посмотреть на Энкиду. В её глазах горел целый букет эмоций – гнев, печаль, страх. Затем, после мимолётного взгляда, который будто бы молил о помощи, она опустила голову и разочарованно сказала:

— Нет... Это не... Мне жаль... Мне... очень жаль...

Явное извинение перед Энкиду слетело с губ магессы, которая в чём-то всё ещё была ребёнком.

— Я ненавижу не тебя...

Через Магические цепи Тины текло огромное количество магической энергии. Каждый нерв в её теле начинал протестующе стонать.

Однако, когда она произнесла следующие слова, её лицо было искажено не болью, а сожалением.

— Я... не могла ничего сделать... Я вообще ничего не сделала...

Тина замолкла.

— Ты использовала два командных заклинания, разве нет? — спокойно спросил Энкиду, не утешая её и не обвиняя.

— !..

Энкиду смотрел на тыльную сторону левой ладони Тины.

Большая часть её командных заклинаний, метки Мастера, потускнели. Осталось лишь последнее.

— Одно, чтобы призвать его сюда, и ещё одно, чтобы попытаться исцелить... Для Мастера это было хорошее решение. Если бы не это, то Гильгамеш не смог бы поддерживать форму своей духовной основы.

— Ты сказал, что... его поразили два яда? — спросила Тина, не переставая вкладывать все усилия в поддержание духовной основы Гильгамеша. Она, похоже, начала понимать личность Энкиду, поскольку в выражении её лица стала проступать та её часть, которая была воспитана магом.

— Да. Второй ближе к проклятию, чем к токсину.

Энкиду прищурился, осматривая рану на теле Гильгамеша.

— Думаю, это то, что люди называют «иронией».

— ?

— Тело короля Гильгамеша пронзило, часом, не радужное сияние?

— !.. Ты знаешь, что это было?

Разум Тины воспроизвёл сцену поражения Гильгамеша.

Семицветный ореол, отличный от огромного механического «нечто».

То, как он свернулся, приняв форму бура, и вонзился Гильгамешу в живот.

— Это была защита богов. И также проклятие для человеческой расы... Свет, проникший в Ги́ла, был одним из них, проклятием, снизошедшим от Чумы.

— Чумы?..

— Вероятно, нам стоит радоваться присутствию яда гидры. Он и чума пожирают друг друга... Поэтому болезнь не распространилась. Если бы не яд, то высока вероятность, что все вы – и, возможно, я – уже угодили бы в бездну смерти.

Тина и её подчинённые резко вздохнули от спокойного заявления Энкиду.

— О, способ его лечения менять не нужно. По моим оценкам, яд и проклятие исчезнут вместе с духовной основой тела по имени Гильгамеш. Это больше не «его» духовная основа. Теперь это просто труп древнего человека.

— Что это было за существо?.. Тот металлический гигант? Что ты знаешь?..

— Посмотрим. С чего бы начать?..

Энкиду опустил взгляд, словно погружившись в размышления, и затем постепенно начал рассказывать о своей причине появления здесь.

— Я пришёл, потому что хотел узнать немного больше обо всех вас.

— О нас?

— Вы пытались использовать Ги́ла, но он пощадил вас. Мне стало любопытно, что вы за люди. Гил тоже интересовался моим Мастером, но...

Энкиду улыбнулся Тине и продолжил, не сказав, каково было его собственное суждение.

— Ничто не доставило бы мне большего удовольствия, чем наше сотрудничество. Я также хочу сделать всё, что в моих силах... чтобы убрать это злое божество со сцены.

— Какое божество? Ты про того стального монстра, который ранил Его Величество?

— Нет, я про... Хм?..

В следующее мгновение Энкиду поднял голову, будто что-то заметив.

— Здесь... кто-то есть.

— Что?

Не ответив на вопрос Тины, Энкиду медленно обвёл взглядом окружающее пространство.

— Это... человек? Нет... Похоже на человека, но...

— Хочешь сказать, что в этой комнате кто-то скрывается?

Тина в замешательстве проверила окружающую магическую энергию, но ничего такого не ощутила.

Однако Энкиду явно был уверен в чужом присутствии. Стерев с лица все эмоции, он произнёс:

— Нет... не скрывается... Вероятно, всё с точностью до наоборот.

— ?

— Похоже, что... нечто пытается прощупать это место с обратной стороны мира.

×

×

Закрытый город. «Кристал Хилл». Люкс на верхнем этаже.

— Так я и знал. Похоже, что у этой комнаты «самые тонкие стены».

Сноуфилд, воссозданный внутри загадочного барьера.

В люксе на верхнем этаже местного «Кристал Хилл» находились Флат Эскардос, Берсеркер Джек-Потрошитель и служители Святой Церкви с Ханзой Сервантесом во главе.

— *Вот как... Но что это за место? Мы на верхнем этаже отеля, однако помещения не похожи на гостевые. Напоминает мне мастерскую мага, но убранство излишне экстравагантное.*

Флат ответил на вопрос Джека, с растущим возбуждением окинув взглядом комнату:

— Тебе не кажется, что тут как в музее?! Красивые драгоценные камни, золотые тарелки и целая куча потрясных вещей!

Помещение, которое должно было представлять собой самый роскошный номер в отеле, был украшен бесчисленными сверкающими сокровищами, на вид совершенно новыми, несмотря на античный стиль. Их было столько, что это действительно можно было назвать своего рода выставкой.

— Я видел такие на лекциях профессора. Наверняка это сокровища откуда-то из Месопотамии, но... хм-м... Они сделаны так, что в них должна храниться магическая энергия, но я ничего не ощущаю... На фальшивки не похожи, но они словно пустые оболочки. Странно, — высказал своё мнение Флат, пристально глядя на украшения.

— Но если здесь стены тоньше всего, — вклинился Ханза, стоявший за его спиной, — то это значит, что ключом является высота?

— Нет, не думаю... У меня такое чувство, что это место находится в уникальной гармонии с миром за пределами барьера. Словно обе стороны связаны, или...

В этот момент Флат сместил своё внимание на точку в центре номера.

В середину самой большой комнаты.

Там на полу был начерчен магический круг неизвестной в Часовой башне системы, но цель магии отсутствовала.

— Что это? Думаю, это круг для стабилизации... но в нём ничего нет.

— Похоже, это всё-таки чья-то мастерская.

— Технически я нейтрален. Я могу предположить, чья она, но отказываюсь комментировать.

Пожав плечами, Ханза высказал то, что вполне можно было и не говорить.

Поддерживая необходимый минимум настороженного внимания по отношению к Ханзе и монахиням, изучавшим номер, Джек продолжил:

— Может в круге пусто, потому что ритуал ещё не начался?

— Нет... Это странно. Мне кажется, что здесь уже что-то происходит, но... Этот круг неактивен... но место точно то самое.

Флат в замешательстве помахал рукой над центром пустого круга.

— Причина, по которой это место сильнее всего связано с миром «за пределами» барьера, с настоящим городом...

×

×

Сноуфилд. «Кристал Хилл». Верхний этаж.

— Да, здесь точно что-то есть, но я чувствую лишь присутствие, — раздался голос Энкиду за пределами барьера, на верхнем этаже «настоящего» отеля «Кристал Хилл».

Услышав это, подчинённые Тины выхватили оружие или Тайные знаки и поспешно осмотрели помещение.

На их лицах читалось замешательство. Похоже, что они не нашли даже следов магической энергии.

Однако благодаря высокому уровню навыка «Обнаружение присутствия» Энкиду уверенно фиксировал некое «колебание».

И, обнаружив его центр, он с лёгким удивлением посмотрел на лицо своего полумёртвого друга.

— Это... я подозреваю, не было учтено.

На его лице тихо расцвела ухмылка, и было в ней нечто человеческое в отличие от его обычной невыразительной улыбки... но никто в комнате её не увидел.

— И всё же... ты и вправду не изменился, Гил.

Догадываясь, что случилось с охваченным ядом и проклятием Гильгамешем, Энкиду спокойно принял его «курс».

Позволив при этом лучу надежды, неподобающей для арифметико-логической единицы, блеснуть в его сердце.

— Я поражён, что ты всё ещё тянешь на себе судьбу целого мира даже после остановки всех твоих функций.

Из-под полы его облачения возникли бесчисленные мерцающие золотые цепи, которые мгновенно расплзлись по всей комнате.

— Что ты?!.. — вскричала Тина, и её охранники напряглись.

Однако Энкиду заверительно распростёр руки, изображая беззащитность, и произнёс:

— Прошу, не тревожьтесь. Это нужно не для нападения на вас. Правда, и не для защиты.

Подмигнув, словно озорное дитя, Энкиду возвёл несколько слоёв защитных мер вокруг лежавшего у его ног серебряного волка – его Мастера – и с тоской вспомнил свои «дни приключений».

— Я просто *стану чужим инструментом*, как и всегда.

— В данном случае... выражаясь вашими терминами, я буду «усилителем».

×

×

Закрытый город. «Кристал Хилл». Верхний этаж.

— Чего?! — удивлённо выкрикнул Флат, чем привлёк к себе внимание окружающих.

— В чём дело? Какие-то проблемы?

— Нет, я бы так не сказал, — ответил Ханзе Флат с выражением замешательства на лице. — Больше похоже на то, что проблема решена...

Управляя магической энергией кончиками пальцев обеих рук, Флат начал переписывать начертанный на полу магический круг.

— *Что ты намереваешься делать?*

— Поскольку с асфальтом, который разворотило в реальном мире, здесь всё нормально, — ответил Флат на вопрос Джека, не прерывая работу, — я думаю, что создатель барьера, наверное, может игнорировать крупный урон и решил не *копипастить* его. Но присутствие вражеского магического круга говорит о том, что диапазон «вещей, которые было бы неудобно копировать», должен быть довольно узким.

— Воссоздание настоящего города внутри барьера – это копипаст? Я смотрю, молодёжь в Часовой башне современная даже в своих выражениях, — пожал плечами Ханза, с интересом наблюдая за Флатом.

— Большое спасибо! По мне, может, и не скажешь, но я с факультета современной магии! Благодаря профессору я современный по самые уши!

Дав несколько необычный ответ, Флат продолжил осматривать окружение.

— Так я и знал. Ближе всего к этому месту, наверное, Зеркало души... Но всё же... Нет, лучше профессора это вряд ли кто-то объяснит. Да и видел я такое лишь однажды. На лекциях мы это не проходили.

— Что именно видел?

— Нечто подобное было в Уэльсе. На кладбище... Но если там был «мир-барьер, воссоздающий прошлое», то это, должно быть, «мир-барьер, воссоздающий настоящее».

— В Уэльсе?... Только не говори мне, что ты про кладбище Блэкмор, основанное кланом, который сильно связан с Мёртвыми Апостолами? Один мой знакомый

священник и монахиня, с которой я никогда не ладил, чуть там не погибли... но я даже не думал, что ты там тоже был.

В голосе Ханзы чувствовалось удивление. По какой-то причине глаза Флата восторженно засияли.

— О, Вы знаете об этом! Да, этот мир внутри барьера похож на огромную сцену, изображающую целый фальшивый город... Как сеттинг в некоторых играх. Кажется, был ещё фильм такой с Джимом Керри.

— Я очень даже уверен, что там был город, построенный с нуля, а не копия... Впрочем, последняя сцена была отличная. Хороший фильм.

— Ещё бы! Я хочу научить мою подругу из жидкой ртути приветствию из него при следующей встрече!

— *Хватит болтать. Никакой встречи с этим Тайным знаком не будет, если ты не выберешься из этого мира.*

— Ой. П-прости...

Выдернутый Джеком обратно в реальность Флат удручённо вернулся к теме.

— Слот-машины не работают, автомобили стоят на месте. Исходя из этого, я думаю, что реальный мир не зеркалится постоянно, просто регулярно происходит выделение и копирование «миров» по одному моменту за раз. Есть также припаркованные машины, так что я полагаю, что объекты, данные о местоположении которых сильно меняются в «конкретный момент», не отражаются.

— Вот как... В таком случае в этом номере в реальном мире происходит что-то, связанное с этим магическим кругом. Или кто-то пытается открыть проход сюда?

— Хм-м. Не похоже было, судя по тому, как до сих пор искажалась магическая энергия... но это только что изменилось. Как бы лучше выразиться... Как будто мой телефон внезапно начал ловить связь на целых три деления, несмотря на то, что мы находимся в подземном тоннеле, или... Точно! Мой телефон!

Флат торопливо достал свой мобильный телефон, положил его на стоявший рядом мраморный стол и начал копаться в окружающих предметах.

— Посмотрим. Я одолжу это... и вот это...

Он выбрал несколько исторических артефактов, по всей видимости, месопотамского происхождения, которыми была украшена комната, и начал насыщать их магической энергией, вновь превращая в ритуальные приспособления.

— *Что ты задумал?*

— Ну, похоже, из некоторых украшений получатся вполне годные Тайные знаки, вот я и решил попробовать возвести с их помощью простой алтарь. Затем... Как бы лучше выразиться? Это всё равно что постучать по стене и получить ответ. Если повезёт, я смогу соединить свой телефон с «внешним» миром.

— *Понятно... Нет, стоп, понятно-то оно понятно, но это вообще возможно?*

— Не волнуйся, я уже кучу раз проделывал нечто подобное. Мы с моим одноклассником Каулесом то и дело перегоняли магическую энергию в радиоволны и обратно, так что, думаю, всё прокатит, — беспечно произнёс Флат.

Джеку стало не по себе после столь грубого объяснения, но он лично становился свидетелем того, как Флат с аналогичным подходом совершал весьма продвинутые

магические трюки, и поэтому решил подождать и посмотреть, что из этого получится.

«Когда из-за силы того Кастера мои мысли смешались с мыслями Мастера... я каким-то образом постиг природу его магии».

«Она похожа на восточные идеи. Он не ограничивает свою магию какой-то одной системой, определяя границы самого себя... или, скорее, не может».

«Он создаёт и совершает большую часть своей магии на месте с помощью одного только чувства. Если попросить его вновь создать ту же магию, то Флат, наверное, повторит её лишь примерно».

«Он не ломает стереотипы, потому что у него их никогда и не было. Я удивлён, что этот маг, Эль-Меллой II, смог вырастить такого enfant terrible, (**Фр. букв. «ужасный ребёнок» - несносный ребёнок, крылатое выражение.**) как он».

Наблюдая за Флатом, Джек подумал, что с таким учеником любой обычный маг либо сломается сам, либо попытается сломать Флата.

Он обладал базовыми познаниями в магии благодаря историям о том, что Джек-Потрошитель был магом, но даже с этой точки зрения и даже с точки зрения уникального Слуги, который отчасти смешался со своим Мастером, Флат был аномалией.

«Я знаю, что это странный вопрос из уст того, кто сам не знает, кем является... но кто же такой мой эксцентричный, но при этом надёжный Мастер?»

Пока Мастер и Слуга общались друг с другом, Ханза осматривал город с высоты верхнего этажа.

— Отсюда выглядит как самый обычный город... Тем не менее, похоже, мы действительно оказались в закрытом мире.

Глядя вдаль с высоты небоскрёба, он мог разглядеть нечто, похожее на густой туман, поднимавшееся на значительном расстоянии от города.

Ханза сомневался в том, что за этим туманом что-нибудь существовало. Воссоздание целого мира выходило за рамки обычной магии.

— Тогда это скорее не воссоздание мира, а перемещение в параллельную реальность... Впрочем, ситуация и так безумнее некуда.

Обозревая городской пейзаж, Ханза пожал плечами. К нему быстрым шагом подошла одна из монахинь.

— Ханза.

— Что?

— Там что-то странное.

Ханза повернулся в том направлении, куда она бесстрастно указывала. Остальные три монахини тоже собрались у окон на той же стороне здания.

— Что-то произошло?

— Была замечена активность, отец Ханза. Вон там.

Проследив за пальцем вежливой монахини с повязкой на глазу, Ханза увидел нечто, похожее на поднимающееся облако пыли.

— Это...

Внутри облака периодически вспыхивали огни и языки пламени.

Это очень сильно походило на битву перед больницей, за которой они наблюдали из церкви минувшей ночью.

Вскоре возник особенно сильный всплеск света... и они увидели огромные очертания.

— Цербер. Мы видели его вчера... но разве он был таким большим?

Трёхголовый монстр был крупнее среднего дома.

Увидев его, Ханза исполнился подозрений даже быстрее, чем насторожился.

— Тот Арчер с тканью на голове тоже здесь? Нет... Если бы он мог так увеличить его в размерах, то, наверное, сделал бы это ещё прошлой ночью...

В голове Ханзы пронеслись несколько теорий.

«Я уверен, что тело того демонического зверя осталось лежать на дороге».

«Значит, его просто затащило сюда, как и всех нас?»

«Это Слуга, создавший этот мир, придал ему сил?..»

По крайней мере, предполагаемый Мастер Слуги, Куруока Цубаки, такой магии не знала.

Это сужало возможности.

Это сделал либо Слуга, либо один из тех, кто пытались воспользоваться ситуацией в городе, либо опасное существо, которое хотело лишь нести хаос вне зависимости от обстоятельств.

— Каков план, Ханза? Если мы в деле, то я пошла переодеваться.

Услышав вопрос монахини со светлыми волосами, Ханза на секунду задумался.

Затем, бросив через плечо взгляд на Флата и Джека, он снял со своего глаза повязку и сказал:

— Нет, это наш шанс. Отсюда открывается наилучший обзор.

Под повязкой скрывался искусственный глаз с множеством Тайных знаков – биологических, механических и даже электронных – внутри мистически обработанного кристалла.

Линзы в кристалле с жужжащим звуком перестроились, словно у робота из фантастического фильма.

Затем с помощью улучшенного в десятки раз зрения Ханза начал наблюдать, но не за битвой, а за окружающими зданиями.

— Если Цербера использует Слуга, то он может быть где-то рядом, следит за боем. Если мне удастся найти хотя бы следы магической энергии...

Тут Ханза замолк.

Он заметил небольшую человеческую фигуру на крыше здания неподалёку от битвы.

— Это же...

Фигура... была ему знакома.

Ханза сразу же выудил нужное воспоминание из своего моря памяти.

В коридоре отеля, в который он запрыгнул, преследуя кровососа после инцидента в полицейском участке.

Там он столкнулся с «ним».

Это был мальчик, на которого, как предполагалось, мимоходом напал тот монстр, кровосос Джестер Картур.

— Да он провёл меня.

Взгляд Ханзы был полон гнева, но уголки его губ поползли вверх.

Если бы он использовал магию дальновидения, направленную прямо на цель, то мальчик заметил бы, что за ним наблюдают.

Однако сейчас Ханза лишь улучшил своё зрение с помощью искусственного глаза.

Можно сказать, что он будто смотрел в бинокль... глядя на существо в обличье мальчика, с радостью следящего за развернувшейся в городе битвой.

Ханза не мог сказать, управлял ли он огромным зверем или нет.

Но в одном священник был уверен точно: кровосос был как-то вовлечён в сложившуюся ситуацию.

— Способность превращаться?.. Должно быть, она у него на впечатляющем уровне, раз он даже своё присутствие сделал полностью человеческим.

Не только Ханза, но и большинство экзекуторов могли видеть насквозь маскировку и превращения, которые полагались на обычную магию или особенности кровососов.

Но при виде этого превращения, с помощью которого существо как будто изменило саму свою душу, Ханза вновь убедился в том, что Джестер был «врагом», которого нельзя недооценивать.

— Снаряжайтесь. Убьём этого кровососа, пока мы здесь.

— Это дитя... тот самый кровосос?

— Может, он просто находится под его контролем.

Монахини отнеслись к приказу скептически, но Ханза слегка покачал головой, глядя на выражение лица мальчика вдалеке.

— Может, он и смог изменить цвет своей души... но эту извращённую улыбку ему не изменить никогда.

В этот момент позади них раздался весёлый голос:

— Я пробился!

Ханза с монахинями обернулись и увидели Флата с улыбкой от уха до уха, радостно приплясывавшего перед причудливым алтарём, который он возвёл, с телефоном в руке.

Сигнал его телефона и магическая энергия, которую Флат использовал для его передачи, только что соединились с «внешним миром» - настоящим Сноуфилдом.

Другими словами, для прохождения этой энергии и сигнала в стенах барьера была проделана пусть и маленькая, но дыра.

Для Флата и остальных это был лишь первый шаг на пути «наружу»...

Но маленькая перемена обернулась крупными изменениями в Сноуфилде.

Это был один муравьиный тоннель в огромной дамбе.

В каком-то смысле можно было сказать, что эта незначительная перемена стала импульсом, который положил конец тупиковой ситуации между фракциями, борющимися за контроль над Сноуфилдом... правда, никто об этом ещё не знал.

Но вне зависимости от этого судьба города начала неумолимо меняться.

Словно показывая, что даже малейшая трещина может рано или поздно положить конец всему.

×

×

В небе над Сноуфилдом. Воздушная мастерская.

— Нашла.

Высоко над настоящим городом.

Находясь внутри большого воздушного корабля, парившего над землёй так высоко, что его даже не воспроизвели внутри барьера, Франческа восторженно ухмыльнулась и прошептала:

— Ура! Наконец-то появилась «дыра». Не знаю, кто её проделал, но мне хочется выдать ему или ей Нобелевскую премию! Да, Нобелевскую премию меня!

— Чего?

Сидя на кровати и болтая ногами в воздухе, Франческа радостно ответила своей тени – Кастеру:

— Я отдаю деньги с Нобелевской премии любому, кто помог мне! Уверена, они будут рады их получить, да и я буду рада, поскольку мне не придётся платить из своего кармана. Фонд Нобеля оказывается в минусе, но выигрывают всё равно две стороны. Plusов больше, чем минусов, так что в этом плане всё хорошо! Так мир становится приятнее!

— Нет, я спрашивал, что это за премия такая.

— А? Разве ты не получил эти знания от «Грааля»?

— Ну, судя по всему с Войной за Грааль это никак не связано. Разумеется, тут частный случай, так что я не знаю, как это работало бы в нормальной Войне за Святой Грааль.

Франческа с интересом посмотрела на мальчика Прелати, который набивал рот дорогими шоколадными трюфелями.

— Хм-м. Заставляет задуматься, верно? По-твоему, как много знали ребята в Фуюки? Они действовали в Японии, так что у них в головах, наверное, была как минимум информация о местных законах и политической системе. Эй, ты знаешь, кто сейчас президент США?

— Нет. Но я вроде как знаю, что такое президентство. Ещё я в курсе, как работает телевизор, да и мобильником могу пользоваться без проблем. Правда, я не могу назвать ни одного производителя телефонов.

— Вот как. Хм-м. Интересно, у других Героических душ то же самое? Ты это я, так что ты, должно быть, подключился к моим знаниям, когда мы заключили контракт и связали себя каналом магической энергии.

— Разве это так важно? Что бы мне ни раздали, я могу просто взять любую другую необходимую мне карту позже. Поставить всё на мою текущую руку и погореть тоже было бы довольно весело. Тебе так не кажется?

Прелати прижался к спине Франческа и мягко коснулся её губ кончиком пальца, покрытым растопленным шоколадом.

Франческа ухмыльнулась, кокетливо провела языком по пальцу... затем сверкнула зловещей улыбкой и прижалась головой к щеке Прелати.

— Да, да. Знаешь ли, бесполезно пытаться развратить самого себя. Я уже развращена.

— А это точно не ты пытаешься меня искусить? Я правильно думаю, если приравниваю это к нарциссизму?

— Кто знает. Я бы с радостью призвала Нарцисса и спросила у него. Разумеется, окажись у меня столь эксцентричный катализатор.

Франческа попыталась сменить тему, бросив пару небрежных замечаний о мальчишке-греке, чьё имя стало в итоге нарицательным, но Прелати – её собственная тень – не смутился и вернул разговор на прежние рельсы.

— Но ты же трудишься ради того, чтобы сделать мир веселее, верно?

— Ну, лишь оставляя всё на других и срезая как можно больше углов.

— Жду не дожусь. Как сильно, по-твоему, нам удастся обнажить мир, когда Грааль разберётся с тем «великим лабиринтом» - искать даже вход в который уже слишком рискованно – и мы заполучим «микрокосм мира» в его глубинах?

— Ну, обо всё по порядку; только что появилась дверь в «малый лабиринт» этого города – странный мир, созданный странным Слугой!

Хихикая, Франческа начертила в воздухе пальцами несколько линий, в результате чего к ним воспарило несколько зеркал.

— Из всех, кто там заперт, меня больше всего интересует... Львиное Сердце, наверное. Правда, мне до сих пор непонятно, почему появился этот фан-бой, а не малышка Артурия.

Франческа, которая, как и офицеры полиции, уже была уверена в личности Сэйбера, пристально посмотрела в одно из зеркал, показывавшее, как он произносит речь с крыши полицейской машины, и облизнула губы.

— Да, он чудесен. Настоящий *король*, озарённый светом легенды прошлого, который сам сияет в несколько раз ярче.

— У тебя внутри всё зудит? — ухмыльнулся Прелати. Франческа невинно улыбнулась в ответ.

— Конечно! От этого Сэйбера у меня в животе будто бабочки порхают всё это время! Я невольно становлюсь фанаткой! Не такой сильной, как Жанны или Жилия, но где-то рядом. Ты понимаешь? Конечно же, да!

Франческа оживлённо жестикулировала, словно школьница, рассказывающая о своей любимой поп-звезде.

Глядя на неё, Прелати спокойно продолжил:

— Да, понимаю. Ведь ты это я, в конце концов. Поэтому я знаю, что ты хочешь сделать с этим чудесным королём, который стал твоим кумиром.

— Пойдёшь со мной? Сейчас я не могу создавать иллюзии так же хорошо, как ты.

— Разумеется. Сделаем это внутри барьера?

— Ага. Фалдеуса будет не заткнуть, если мы провернём это здесь!

Мальчик и девочка начали заговорщицки болтать.

Внешне они казались детьми, но внутри этих сосудов извивалось нечто настолько тёмное, что их можно было назвать лишь монстрами.

Парившие вокруг них зеркала показывали события прошлого.

Остаточные образы, которые несли в себе факты, но не отражали истину.

Думая, какую истину стоит в них добавить, чтобы ударить по Львиному Сердцу, Франческа рассеянно смотрела на образ более чем десятилетней давности.

Образ владельца святого меча в синем платье и серебряных доспехах... которая однажды преодолела все трудности, но всё потеряла.

×

×

Во сне.

Город был каким-то шумным.

Ветер был каким-то влажным.

Куруока Цубаки была ещё слишком юна, чтобы выразить свои опасения словами.

Она вообще не должна была даже почувствовать изменение... но благодаря Магическим цепям и влиянию Бледного всадника, связанного с магической энергией, которую они производили, изменения в «мире» вокруг неё и в Героической душе, им правившей, отдавались внутри неё ярким эхом.

Девочка ощутила это во время полуполуденного сна. Она лежала на семейном диване во сне внутри сна – беспокойном сне, который принадлежал только ей.

Мне страшно, папа.

Мне страшно, мама.

Я не совсем понимаю, но, кажется, приближается что-то страшное.

— Девочка.

Где мистер Черныш?

Джестер тоже не пришёл сегодня поиграть.

Все опять меня бросают?

— *Девочка.*

Я снова буду одна?
Потому что у меня не получается.
Все опять будут на меня злиться?

— *Ты меня слышишь?*

Как мне стать хорошей девочкой?
Папа и мама улыбаются мне.

— *Ты меня слышишь?*

— *Чжэн сразу же заметил...*

— *Но, возможно, люди изменились за две тысячи лет.*

Что мне сделать, чтобы они улыбались вечно?
Они останутся со мной?

— *Может, ты не понимаешь мой язык?*

Мне страшно.
Мне страшно.

— *Hello, girl.*

— *Zaoshanghao, nǚhai.*

— *Ohayō? Musume-san?*

— *Bonjour?*

— *Chào buổi sáng.*

?..

— *У тебя. Всё. Окей?*

— *Что такое «Окей»?..*

— *Вот я дура.*

— *Есть предел языкам, которым я могу обучиться по документам в этой комнате.*

— *«Он» отвлёкся, так что это мой единственный шанс, но...*

Кто здесь?..
Мистер Черныш?..

— *!*

— *Ты заметила меня!*

— Спасибо, юная леди!

— ?..

Девочка проснулась.

Пробудившись в мире снов, она огляделась, лёжа на ненастоящем диване в ненастоящем доме, но вокруг никого не было.

Она видела родителей, разговаривающих в саду, но не более. Даже мистера Черныша нигде не было видно.

Несмотря на возраст, девочка подумала, что ей всё это приснилось, и она уже готова была побежать к родителям, чтобы избавиться от тревоги, но...

«Здравствуй, девочка, блуждающая во снах».

— ?

Отчётливо услышав голос, Цубаки замерла на месте.

«Не бойся. Я не причиню тебе вреда. И злиться на тебя тоже не буду».

Голос кого-то, кого она не видела.

Обычная девочка в такой ситуации легко завопила бы в ужасе, но Цубаки, что странно, голос совсем не пугал.

Как и при первой встрече с «мистером Чернышом»... она была странно уверена, что голос был на её стороне.

В случае с «мистером Чернышом» - Бледным всадником – дремлющие инстинкты мага подсказали Цубаки, что Героическая душа была «связана с ней».

В этот раз нечто вроде тепла, которое она чувствовала в самом голосе, заставило её человеческие инстинкты принять его владельца как «кого-то, с кем она может чувствовать себя в безопасности».

— Кто ты? Я Куруока Цубаки, — спросила Цубаки, как и при первой встрече с Бледным всадником, и существо с красивым андрогинным голосом ответило:

«Спасибо, девочка. У меня нет имени. Было когда-то, но я его лишилась».

— ?

Цубаки была в замешательстве, не понимая смысла этих слов. «Владелец голоса» спокойно поведал о себе:

«Меня... когда-то называли “божеством” в одном месте».

«Теперь же, однако... я лишь отголосок прошлого. Эм-м, “пережиток”, если угодно».

Интерлюдия

「Наёмник – свободный человек I」

Мир-барьер. Дом семьи Куруока.

Немногим ранее.

— Ох... прямо гора с плеч. Похоже, с моей дочерью всё в порядке. Она мирно спит, — сказал Куруока Юоаку, глядя на девочку из двора через окно.

Сигма, который вернулся вместе с ним, обдумал ситуацию.

В данный момент Ассасин действовала независимо. Она заявила, что хочет взглянуть поближе на огромного трёхголового пса.

Сигма последовал за отцом Цубаки в надежде узнать больше, но крайне важная Цубаки, судя по всему, решила вздремнуть, и у него не получилось узнать ничего конкретного.

«В таком случае почему бы мне не попробовать докопаться до сути магии Куруока? Должно быть, всё крутится вокруг Цубаки».

— Какого рода магию Вы изучаете?

С лица Куруока исчезли все намёки на эмоции.

— Вы ожидаете, что я расскажу это незнакомцу?

Так сказал бы любой маг.

В Часовой башне принадлежность к той или иной школе могла подсказать, какие интересы преследует маг. Некоторые в открытую говорили о своей работе, дабы обрести влияние. Но даже так немногие стали бы раскрывать подробности своей магии. Подобная практика не ограничивалась одним лишь миром магии. В сфере бизнеса или различного рода исследований поступали точно так же.

Как бы то ни было, Сигма намеренно решил надавить, чтобы подтвердить свою догадку.

— Я хочу знать, потому что это поможет мне *защитить Цубаки*.

Он не врал.

Текущей целью Сигмы был побег из мира-барьера, но перед этим он должен был помочь Ассасин и обеспечить безопасность Куруока Цубаки.

Он не знал, какими способностями обладал тот угольно-чёрный Слуга, но если он мог почуять ложь или враждебность, то попытка обмануть Юоаку обернулась бы смертельной опасностью.

Что более важно, он задал свой вопрос с целью убедиться кое в чём.

Глаза Куруока на мгновение потускнели, после чего на его лице возникла безмятежная улыбка.

— Вот как. Если ради Цубаки, то у меня, похоже, нет выбора.

Эти слова подтвердили догадку Сигмы.

«Как я и думал, этот мир, включая личности подконтрольных людей, существует для защиты его Мастера. Куруока помедлил с ответом, видимо, потому, что Слуга, управляющий его разумом, принял решение за него».

«И он, вероятно, не станет сомневаться в моих словах, пока я говорю правду».

«Он сказал, что это, скорее всего, концептуальная сущность, связанная со смертью и болезнью, но...»

Думая о Слуге, создавшем этот мир, Сигма вспомнил Тайные знаки с псевдоличностями.

Он как сражался против них, так и работал вместе с ними для завершения миссий.

Тайный знак из жидкой ртути в облике женщины, которым владела наследница семьи Эль-Меллой был особенно известен среди магов. По сути своей они напоминали послушных роботов и беспрекословно подчинялись своим хозяевам, но многие были способны на более адаптивное автономное мышление, чем это позволял нынешний уровень развития ИИ.

«И всё же у нас здесь Слуга. Может, стоит предположить, что он думает больше как человек, чем ртутный Тайный знак Эль-Меллоев».

«Надеюсь, он думает не как маг...»

Пока Сигма размышлял, то сам своим лицом больше походил на безэмоционального андроида.

Не ведая об этом, он продолжил с серьёзным видом расспрашивать Юоаку.

— На чём специализируется магия Вашей семьи? Я хотел бы знать, используете ли Вы её для какого-либо особого ухода за Цубаки.

— А, ухода... Ухода?... Ну да. Разумеется.

Отец девочки сразу же это признал. Не успел Сигма задать очередной вопрос, как он начал объяснять.

— Я... Да, я обнаружил ориентир.

В выражении лица Юоаку промелькнул экстаз, несмотря на промывку мозгов.

В его словах бурлили эмоции, словно он гордился тем, что совершил.

— Из-за своей порядочности я не мог обойти *Макири*. Сейчас их родословная – по сути рой... Их идеальное использование насекомых прекрасно... Но моей целью был симбиоз с магией, которую я использую. Более естественная форма сосуществования, чем паразиты... Я знаю – сколько бактерий в человеческом теле, как считаете? Более нескольких сотен различных типов бактерий вместе с человеческими клетками образуют разумную форму жизни. В сравнении с бактериями человеческих клеток, в лучшем случае, в два раза меньше.

Сигма знал про *Макири*.

Это была семья магов на Дальнем Востоке и одна из трёх, создавших изначальную Войну за Святой Грааль.

Франческа говорила, что они использовали эффективную, но еретическую технику внедрения магических червей и других насекомых в свои тела, сливая из с внутренними органами и образуя псевдо-Магические цепи.

Сигме самому ещё в детские годы многое внедрили. Хотя это и не были насекомые, но он решил, что случай похожий.

Оба метода объединяло одно: с точки зрения обычного человека они были негуманны.

Маг продолжал рассказывать о своих свершениях, несмотря на то, что его слушатель мыслями вернулся в прошлое.

Будучи магом, он не заявил о них во всеуслышание, но у него, по крайней мере, было желание показать миру свои достижения.

— Когда я увидел микроорганизмы, которые собрал возле руин в Южной Америке, меня охватила дрожь. Я не предполагал, что бактерии могут быть настолько совместимы с людьми. Не знаю, пережиток ли это эволюции, происходившей в Эпоху богов, или же эти микроорганизмы совершенно иного, неземного происхождения... Я не смог вырастить их с нуля, но мне удалось изменить их и адаптировать под нашу магию.

Звучало так, словно он смешал магию семьи Макири со странными микроорганизмами, обнаруженными в Южной Америке, и создал нечто, что можно было назвать «бактериальным фамильяром».

Ещё это мог быть вирус, даже меньше, чем бактерия, но эффекты от такого различия выходили за рамки знаний Сигмы, поэтому он решил пока об этом не думать.

— Я заставил изменённые магией микроорганизмы войти в симбиотические отношения с Магическими цепями Цубаки. Я не ожидал, что они поразят её мозг, но изменения в Магических цепях были слишком разительными для одного поколения. Вы осознаёте, какая это ценность в магии?!

— Согласен.

Магические цепи, источник силы магов, словно кровеносные сосуды для магической энергии, развивались, как правило, много поколений. Количество Магических цепей, которыми обладал маг, было неизменно – можно было открыть спящие цепи, но только не добавить новые.

За исключением методов вроде техники Макири по внедрению насекомых в качестве замены цепям.

Но Куруока заявил, что ему это удалось.

«Невозможно».

— Да, так оно и есть.

Юкаку словно прочёл мысли Сигмы.

— Я не могу дать ей больше Магических цепей. Я изменил их качество и вместимость. Мои микроорганизмы сами пробудили цепи и используют их самым эффективным образом. Всё для того, чтобы сделать свою среду обитания максимально комфортной.

— ...

— Преимущество в том, что теперь Цубаки может управлять потоками магической энергии в своём теле гораздо более эффективно, чем любой другой маг с аналогичным количеством Магических цепей. Благодаря этим оживлённым цепям,

Цубаки в будущем станет превосходной матерью. В поколении её детей количество Магических цепей, вероятно, сильно увеличится.

Юаку говорил больше как маг, чем как «отец» ранее, но Сигму это по большей части не тронуло. Он был заклинателем, родившимся в результате правительственных экспериментов.

С самого детства Сигму подвергали множеству процедур, не особо заботясь о его жизни. Концепция прав человека была ему неведома до самого падения его страны.

И поэтому, когда Сигма услышал, что родители Цубаки использовали её как подопытную, он не испытал ни жалости к ней, ни гнева по отношению к Юаку.

Но несмотря на это, он продолжал думать и задавать вопросы.

— Эти бактерии и в ваших телах?

— Да, но только в начальной фазе. Их последняя версия, которой мы заразили Цубаки, приживается только в младенцах, чьи органы ещё не до конца сформированы. На настройку ушла куча времени и сил. Мы запаниковали, когда она впала в кому, но испытали облегчение, услышав, что её детородные органы не пострадали... Хм-м... Нет, Цубаки очнулась... Лучшего и пожелать нельзя, не так ли? Кому какое дело до её детей?.. Да, Цубаки идеальна...

Постепенно Юаку начал бормотать, разговаривая сам с собой. Сигма решил, что это, наверное, замешательство, вызванное противоречием между его действиями в прошлом и нынешним умственным состоянием.

Если Юаку отделался только этим, то он, вероятно, действительно не жалел о том, что экспериментировал с телом собственной дочери.

Эти мысли внезапно напомнили Сигме о собственных родителях.

Он никогда не видел их лиц.

Отец был неизвестен, а мать, как сказала Франческа, погибла в далёкой стране.

Тогда у Франчески было тело мальчика, и назвалась она Франсуа. Однако почему Франческа уже знала про его мать, если они только встретились?

Он спросил её, но...

«Н-не пойми неправильно! Мой интерес к твоему происхождению ещё не значит, что мне интересен ты!.. Такие слова тебя устроили бы? Тебе всё равно? А, тогда ладно. Больше мне сказать нечего!»

...получил лишь такой ответ, который показался ему совершенно бессмысленным.

Сигма не знал, как выглядели его родители, не знал, как вести себя перед Цубаки, росшей с матерью и отцом, но из разговора с Юаку он смог уяснить одну вещь: жизнь с родителями необязательно была большим «счастьем», чем детство под надзором правительственного агентства, как было у него.

Вероятно, разница в процентах имелась, но маги изначально были далеки от человеческих чувств.

Поставив себя на место Цубаки, Сигма подумал: стал бы он терпеть отсутствие свободы или то, что он стал «фабрикой» для Магических цепей, постоянно пребывающий во сне и неспособный даже исполнять приказы?

Незадолго до этого он пришёл к смутному выводу, что «вряд ли всё было бы иначе».

В этом отношении Куруока Цубаки была, вероятно, похожа на него.

В этом фальшивом мире она могла найти «спокойный сон», которого желала.

Победа над Слугой Цубаки означала уничтожение её покоя.

«Что мне тогда делать?»

У него не было приказов касательно данной ситуации, и он не получит ни одного, пока не покинет этот мир.

Он вспомнил, что сказала ему Франческа перед самым началом Войны за Святой Грааль.

«Как только призовёшь Героическую душу, делай, что хочешь».

«Что хочу, значит?»

Отрезанный от Франчески с Фальдеусом и вынужденный думать самостоятельно, Сигма уставился на свои ладони и всерьёз задумался.

Больше в этот момент ему не оставалось ничего, кроме как думать.

«Что мне делать?»

×

×

Пока Сигма был занят мыслями, Ассасин активировала один из своих Благородных Фантазмов.

— Погрузись в мрачную темницу... Медитативная чувствительность.

Благородный Фантазм восприимчивого типа, который настраивал её на окружающее пространство, как если бы она была тенью мира, и позволял чувствовать ближайшие потоки магической энергии и ветра.

С помощью этих потоков она попыталась найти либо «огромную чёрную тень», которая, судя по всему, управляла гигантским трёхголовым псом, либо кровососа, должно быть, связанного с этим миром.

— ?..

Но обнаружила она другой поток.

Он был странным и словно нарушал баланс магической энергии во всём городе.

Это был бесконечно малый поток. Без своего Благородного Фантазма она бы ни за что его не заметила.

«Это... утечка магической энергии?»

«Нет, не утечка, наоборот? Или же...»

Будто весь мир дышал магической энергией через одну эту продушину.

Ассасин на секунду замерла, раздумывая, отправиться ли за огромным псом, но в конечном итоге решила проследить течение магической энергии.

Она думала, что то, куда оно вело, было слишком уж похоже на знак и, может быть, могло даже подсказать, как выбраться из этого мира.

Она направилась к источнику странного потока магической энергии в этом сбалансированном мире.

К вершине «Кристал Хилл».

Глава 19

「Что грёзы, что реальность есть лишь иллюзия II」

Аяка Садзё.

Почему она приехала в этот город именно тогда, когда началась «Фальшивая Война за Святой Грааль»?

Было кое-что... *чего даже она не знала наверняка.*

Блуждая по своему родному городу Фуюки, она наткнулась в лесу на странное здание, похожее на замок.

Там её схватила прекрасная женщина с белоснежными волосами и что-то сделала с ней.

Вспоминая об этом, она подумала, что, возможно, это была какая-то магия управления разумом, но Аяка мало что знала о магии и поэтому не могла сказать с уверенностью.

Однако она сама не поняла, как оказалась на корабле, идущем в Соединённые Штаты, а в голове у неё звучал лишь один приказ – «принять участие в американской Войне за Святой Грааль».

Она не была уверена, почему ей пришлось отправиться на корабле, но, поскольку паспорта у неё не было, она почти наверняка прибыла в страну нелегально.

Вообще-то на корабле ей выдали фальшивые паспорт и визу, но через общепринятые процедуры она не проходила.

Её воспоминания о путешествии были слишком расплывчатыми. Она сама не поняла, как научилась говорить по-английски. Вероятно, причиной этому тоже была магия.

В таком состоянии Аяка оказалась на западном побережье Соединённых Штатов и была вынуждена потратить ту небольшую сумму, которую ей дали, чтобы добраться до Сноуфилда.

Слова «я сотру эту “Маленькую Красную шапочку” из твоей головы».

Должно быть, это была некая форма внушения, которая заставила её увидеть надежду в чём-то столь неопределённом и проделать весь этот путь.

Или, возможно, её просто испугала слишком уж простая – для проклятия – угроза: «Если сбежишь, твою жизнь поглотит проклятие».

«Аяка».

«Я Садзё... Аяка».

Она напонила себе, что по-английски правильно будет «Аяка Садзё», снова и снова повторяя «Аяка».

«Я училась в университете... жила в многоквартирном доме Семина и...»

«Университете?...»

«Каком?»

Её память расплывалась.

Она не могла избавиться от чувства, что все её воспоминания, начиная с рождения, тонули в густом тумане.

Нет, это было не просто чувство.

Её воспоминания на самом деле понемногу расплывались.

«Аяка».

«Садзё... Аяка».

«Я Аяка».

Её личность растворялась подобно звезде на фоне луны. Для неё... это имя было ключевым словом, за которое она цеплялась, как за соломинку.

×

×

Настоящее. Город в мире-барьере.

Ветер приближался.

Становился всё ближе.

Ветер смерти, угрожавший сдуть жизнь Аяки вместе с воспоминаниями, которые колебались, словно туман.

— Ох...

Она была не в состоянии среагировать.

Огромный пёс – больше, чем дом – стремительно взмахнул лапой, словно ковшем экскаватора, породив на улице неистовый порыв ветра.

Сколько времени минуло с тех пор, как гигантский трёхголовый пёс Цербер напал на полицейских?

Какой-то её частице казалось, что прошло всего несколько минут, в то время как другая часть говорила, что это случилось более получаса назад.

Аяка последовала указаниям Сэйбера и укрылась в ближайшем здании, но внутри всё начало рушиться в результате атак огромного зверя.

Едва выбежав наружу, она увидела, что путь ей преградил Цербер, который словно поджидал её.

Каждый из когтей Цербера напоминал ей острый клинок.

Если они коснутся её, она умрёт.

К тому времени, как этот факт укоренился в сознании Аяки, когти уже находились всего в нескольких метрах от неё.

Что бы она ни предприняла, уворачиваться было слишком поздно.

«А?»

«Что я?..»

Может, она вспомнила, что её зовут Садзё Аяка... потому что жизнь промелькнула перед её глазами из-за приближающейся гибели?

Но из-за расплывчатости воспоминаний промелькнуло лишь её имя, а не вся жизнь целиком.

— ...

Тело Аяки напряглось.

Однако перед ней возникло... не воспоминание из прошлого, а неоспоримое настоящее, которое одним взмахом отвратило приближающееся отчаяние.

Раздался громкий треск, и в воздух взмыло отсечённое острое когтя.

— Сэйбер!

— Ты в порядке, Аяка?

В руках Сэйбер сжимал некое подобие алебарды.

От неё исходил странный свет. Даже дилетант вроде Аяки сразу понял бы, что это было необычное оружие.

Но это был и не меч, которым изначально владел Сэйбер.

Тот украшенный клинок конфисковала полиция, а меч из особняка он потерял в схватке с золотой Героической душой.

— Эй... это моё! — крикнул стоявший неподалёку офицер с коротким афро.

Широко распахнув глаза, он смотрел то на свои ладони, то на оружие Сэйбера. Аяка поняла, что Слуга, должно быть, выхватил алебарду из его рук.

— Прости! Одолжил! Ситуация аховая, так что буду рад, если ты закроешь на это глаза!

Сэйбер бросил оружие полицейскому. Тот торопливо поймал алебарду и бросил на Сэйбера сердитый взгляд. Но, увидев, что Аяка не пострадала, он вновь приготовился к бою.

— Прощаю. Но в следующий раз арестую за кражу!

— Как страшно! Я не хочу висеть в петле! — Сэйбер рассмеялся, как ни в чём не бывало поднимая с земли отсечённый коготь демонического зверя.

— А? Что ты?..

Аяка едва успела открыть рот, но Сэйбер крепко ухватился за острое когтя и взмахнул им, словно бейсбольной битой.

— Экс... калибур!..

Коготь на секунду ярко вспыхнул и высвободил полосу света.

Она устремила по главной улице к перекрёстку, где удерживал позицию демонический зверь.

Свет врезался зверю в бок, и тот покачнулся, разбрызгивая чёрную кровь.

— Получилось?!

— Нет, похоже, это не нанесло ему особого урона, — спокойно ответила Джону Вера.

Дело было не только в размере.

Стойкость зверя, острота когтей и окутывавшая его аура смерти значительно превосходили то, с чем они столкнулись перед больницей.

Сила демонического зверя будто доказывала, что этот мир был для него родной территорией.

Аяка и стоявшие рядом полицейские ожидали, что за первым ударом Сэйбера последует другой, но он, не выпуская из рук, поставил коготь огромного зверя на землю и отчётливым голосом *задал чудищу вопрос*.

— О сторожевой пёс, хранитель бездонной ямы! Коли есть у тебя разум, внемли мне! И ответь на вопрос!

— Чего? — озадаченно воскликнула Аяка.

— ?!.. — Вера, Джон и остальные офицеры уставились на Сэйбера широко распахнутыми глазами.

Не обратив на них внимания, Сэйбер взревел, словно обращаясь к вражескому полководцу на поле боя:

— Мы не души, которые отвернулись от преисподней и сражаются против справедливости и покоя! Мы живые люди, которые однажды встретят смерть, следуя праведному пути! Можешь судить меня, Героическую душу, сбежавшую от смерти, если хочешь! Остальные же, однако, несомненно живы! Если ты верный спутник владыки подземного мира, то я прошу тебя честно исполнять свой долг! Что скажешь?!

Сэйбер принял невероятно величественную позу.

Даже сбита с толку Аяка на мгновение почти прониклась его выступлением.

Его манера держаться была просто царственной. Он показал себя с другой стороны и не походил на того Сэйбера, который обсуждал, убивать ли маленькую девочку, или который поклялся защищать Аяку.

Если сравнивать, то это, скорее, был Сэйбер, обращавшийся к людям с крыши полицейской машины. Но тот факт, что он произнёс такую речь в столь опасной ситуации, обращаясь к огромному зверю, который, возможно, его даже не понимал, всё портил.

Несмотря на это, поведение Сэйбера было настолько достойным, что Аяка с полицейскими чуть не уверились в естественности этого поступка.

— ...

Цербер с подозрением уставился на Сэйбера и медленно приблизил к нему свои морды.

— Эй, он перестал атаковать.

— Только не говорите мне, что он действительно понимает человеческую речь...

Джон и другие офицеры начали перешёптываться, наблюдая за разворачивающейся ситуацией. Цербер поднёс три свои морды вплотную к Сэйберу и начал обнюхивать его.

Даже когда его с трёх сторон окружили огромные пасти, в которых, казалось, могла целиком уместиться корова, Сэйбер даже не дрогнул, продолжая спокойно стоять.

Вскоре головы Цербера повернулись. Они обменялись взглядами... и огромная туша отступила. Подняв морды к небу, зверь издал громкий вой.

— Гр-р-р-р-а-а-ау-у-у-у-у...

Из трёх пастей вырвался такой жар, будто они дышали огнём.

Аяка невольно вздрогнула. Но, что странно, убежать ей не хотелось.

Возможно, она инстинктивно ощутила, что самым безопасным местом в мире-барьере... был этот перекрёсток, где собралась впечатляющая «боевая мощь».

Но ей никак не удавалось избавиться от тревоги.

На самом деле то, что произошло спустя мгновение, угрожало повергнуть её в чистейший ужас.

Одновременно с воем пространство вокруг них содрогнулось.

Затем, словно в такт этим вибрациям, по всему городу начали возникать «тени».

В мрачных подворотнях, под припаркованными машинами, в подземных пространствах, простиравшихся под канализационными люками...

Поднимавшееся отовсюду нечто, похожее на чёрный туман, начало твердеть и принимать форму бесчисленных сгустков по всему перекрёстку.

Вскоре они кое-где собрались воедино. В каждом из таких мест, к всеобщему изумлению, они образовали существ, идентичных Церберу, который уже довлел над перекрёстком.

— Что за...

Озирающийся Джон покрылся холодным потом.

Секунду назад перед ними стоял всего лишь один огромный трёхголовый зверь. Теперь же их было не счесть. Они возвышались на крышах домов и над улицами, полностью окружив полицейских, Сэйбера и Аяку.

Город, в котором несколько минут назад было тихо, внезапно окутало присутствие смерти.

Стая огромных зверей не стала впадать в неистовство. Они лишь тихо наблюдали своими глазами, полными глубокой тьмы.

И это было не всё. «Тени», возникшие у ног зверей, также начали корчиться и стали новым чёрным туманом, накрывшим местность подобно туче мух.

«....З... р... ...»

«... ...З...»

«... ... - З. ...г...»

Воздух вибрировал от шума, похожего на жужжание насекомых.

Вкупе с этим звуком чёрный туман напоминал рой мух, отчего атмосфера смерти в этом мире стала ещё гуще.

В следующий миг... шум превратился в «голос», который ударил по ушам окружённой группы.

«Живые». «Вы, что жили».

«Внимание».

«В вас» «нет жизни».

Затем.

«Тени» начали расползаться по всему городу.
Словно открывая истинную форму этого мира.
Или будто скрывая его истину от «кого-то».

×

×

— О, хорошо. Как здорово всё завертелось, — с выражением экстаза на лице пробормотала фигура – Джестер Картур в облике мальчика - наблюдавшая за событиями с крыши здания неподалёку от перекрёстка, где находилась группа Сэйбера, при виде меняющегося пейзажа.

— Сторожевой пёс Аида меня удивил. Молодец, Райдер Цубаки, вот так находка.

Он обратил все свои чувства на состояние города. В голосе Джестера звучала детская непорочность, но на его лице красовалась извращённая улыбка, в которой не было ничего невинного.

— Хм. Так вот куда ты направляешься, мисс Ассасин.

Чувствуя своей спиной, как магическая энергия Ассасин движется в сторону здания в центре города, Джестер изогнул уголки губ, слегка обнажая острые собачьи зубы.

— Похоже, ты ещё не потеряла надежду.

— Пожалуй, стоит ещё немного подтолкнуть тебя к этому.

×

×

Город внутри барьера. Дом семьи Куруока.

— Кто здесь? Где ты?

Цубаки услышала андрогинный голос откуда-то из дома.

«Хе-хе-хе. Попробуй найти меня, юная леди».

Словно маняемая этим голосом, Цубаки неловко побрела по дому.

«Вообще-то мне нужно, чтобы ты меня нашла».

— ?

«Что происходит сейчас в мире? Тот факт, что моё сознание, которое должно было раствориться в мире, появилось вновь, означает, что творится нечто необычное. Чжэн... Неужели ни в подземном царстве, ни в землях бессмертных не осталось никого, кто меня знает?»

Похоже, голос говорил не с Цубаки, а, скорее, сам с собой, анализируя ситуацию.

«Нет... Я ощущаю присутствие тех, в ком ещё чувствуется Эпоха богов. В небе... о, воплощение «наблюдателя». Предок и чужак, который зависит от меня. А другой... восточный бог? Божество природы... нет, всего лишь часть?.. Ещё я чувствую вдалеке огромное количество воды, приближающееся с востока, но это просто совпадение или же неизбежность?»

— ?..

«Хочешь испытать меня? Что ж, мир, смешанный с человеческим порядком, очень хорошо. О мир человека, несовершенный, но не ведающий изъянов, я принимаю вызов! Подожди, я, не торопись, держи себя в руках! Всё сущее на земле и в небесах, будь изящно и утончённо, словно журчащий ручей...»

— Эм-м... Прости, я не понимаю.

Услышанное смутило Цубаки. «Голос» на мгновение замолк, явно озадаченный её непониманием, но затем продолжил:

«О, прошу прощения. Я в затруднительном положении. Ты мне поможешь?»

— Как?

«Сыграем в прятки! Если найдёшь меня, то победишь. Хорошо?»

— Прятки!

«Ладно. Один, два, три, четыре... Я готова. Найди меня и получишь сладкий сироп, договорились?»

— !.. Ага!

Нормальный человек сказал бы, что так говорят только похитители.

Может, Цубаки мало что знала о жизни, но даже она испугалась бы и побежала звать родителей. Однако по какой-то причине она подчинилась «голосу».

Цубаки по-прежнему была уверена, что голос принадлежал «другу».

Это был ласковый голос, который словно обволакивал её.

Подобно голосам родителей, чьей любви она жаждала всё это время.

Слушая голос, Цубаки бродила по дому, пока не оказалась перед стеной.

— Что?.. Но твой голос доносится отсюда...

Цубаки воспринимала «присутствие» обладателя голоса, ошибочно полагая, что просто слышала его отсюда. Она замерла в замешательстве, но...

«Да, хорошо... Попробуй попросить стену пропустить тебя».

— Что? Э-э-э...

«Не волнуйся. Твои мама и папа ведь владеют магией, да? Ты тоже можешь ей пользоваться».

— Ага!

Уверенно кивнув, Цубаки посмотрела на стену и озвучила своё желание:

— Эм-м... Пожалуйста, сезам, откройся!

Это были слова из одной восточной сказки, которую она читала несколько дней назад.

Затем Цубаки ощутила, как по её телу начал разливаться жар.

Он прошёлся вдоль её спины – там она давным-давно ощущала сильную боль, когда её родители провели с ней, как они сами сказали, «эксперимент». Цубаки на секунду удивилась, но боли не было, лишь мягкое тепло, будто от солнечных лучей, бесшумно струившееся по её телу.

Магическая энергия начала покидать Цубаки и проникать в стену. Она даже не поняла, что это ощущение было результатом отклика её Магических цепей. В

следующий миг стена закорчилась, словно живое существо, и распахнулась, открывая взору Цубаки лестницу, ведущую в подвал.

— Ого...

От загадочности увиденного у Цубаки заблестели глаза.

«А теперь ты сможешь меня найти, принцесса?»

Вновь ведомая голосом, Цубаки начала спускаться по лестнице.

Затем, миновав ещё несколько барьеров, которые пропустили её аналогичным образом, она обнаружила... мастерскую мага, украшенную многочисленными книгами, Тайными знаками и различными аппаратами для экспериментов.

— А...

Цубаки содрогнулась от удивления.

«Нет».

Она помнила это место.

«Здесь...»

Именно сюда она всегда приходила «помогать».

«Нет. Нет».

Помогать матери и отцу с «экспериментами».

Воспоминания о боли вновь вспыхнули в её голове.

— У-у-у...

«Я должна держаться».

«Я должна быть хорошей девочкой. Должна держаться... иначе мама с папой перестанут мне улыбаться».

Это было похоже на ответную реакцию.

Последние несколько дней она проживала «счастливые времена», о которых по-детски продолжала мечтать.

И теперь боль, которую девочка смогла забыть лишь благодаря этим счастливым моментам, вернулась вновь.

Плохие воспоминания и эмоции Цубаки хлынули мощным потоком, словно сквозь прорванную дамбу, и из её глаз потекли слёзы, но...

— Привет.

Голос.

В комнате, где её уже была готова поглотить травма из прошлого, раздался голос.

Всего лишь одно слово.

Но именно его хватило, чтобы страх в сердце Цубаки рассеялся подобно туману.

Это был тот самый голос, который Цубаки до этого слышала лишь в своей голове.

Но теперь он звучал иначе.

При звуках этого отчётливого голоса воздух в комнате явно вибрировал.

— Похоже, ты нашла меня. Вот, держи обещанный сироп.

Изящная рука протянула Цубаки нечто, похожее на мёд, в двустворчатой раковине.

Рука принадлежала... прекрасному существу.

У него была андрогинная внешность, отчего Цубаки не могла понять, был ли это мужчина или женщина.

При виде Энкиду у неё бы сложилось похожее впечатление.

Но, в отличие от скромного одетого Энкиду, это существо окутывала аура роскоши, которую создавали отличный макияж и эффектное красное облачение. Едва увидев их, Цубаки подумала, что это, наверное, был король или королева какой-нибудь далёкой страны.

— А, эм-м... Ты какой-то важный человек? — невольно спросила Цубаки перед лицом существа, которое выглядело совершенно неуместным в этой комнате.

— Не совсем, — ответило прекрасное создание. — Я была важной давным-давно, и я не человек. Видишь ли, место, в котором я была, не ведало таких понятий, как социальный статус и....

— ?

— О, я опять начинаю говорить на отвлечённые темы. Прости. Я не разговаривала с человеком вот уже два тысячелетия и несколько столетий. На самом деле я нечто вроде эха, так что это не совсем так. Ах, я опять сказала то, что ты, наверное, не понимаешь! Вот почему я никогда не могла поладить с людьми, и в итоге меня выдворили как из снов, так и из воды. И я угасла!

Прекрасное существо, картинно рухнуло на пол и зарыдало.

— Э-эй, ты в порядке?

Забыв про страх, Цубаки подбежало к существу и похлопало его по спине.

— Спасибо, человеческое дитя. Ты очень добра.

Красота во плоти взяла себя в руки и, выровняв дыхание, обратилась к Цубаки:

— Тебе не стоит так переживать. Я могу говорить с тобой совсем недолго. И всё же лишь с тобой, хозяйкой этого мира, мне по силам наладить связь...

— Что значит «хозяйка этого мира»?

— Это... что-то вроде главной героини в сказке... О нет, так не пойдёт. Сгустки «смерти» оживились...

Цубаки обеспокоенно уставилась на гримасу агонии на лице создания, продолжая хлопать его по спине.

Существо заставило себя улыбнуться девочке и указало на конкретное место в комнате.

— Не волнуйся. Тебе лишь нужно принести это.

Увидев предмет, на который указывал палец, Цубаки смутилась.

Она не знала, что это было.

Оно очень походило на «лук», которым пользовались герои в детских книгах с рисунками.

Но у этого предмета была более сложная форма. Похоже, что у охотника, победившего волка в конце её книги о «Маленькой Красной шапочке», был такой же.

— Это арбалет, который зовётся «Убийцей богов». Очень страшное оружие, принадлежавшее одному причудливому человеку, который когда-то был важным правителем. На самом деле он был первым, кто стал королём среди королей, «императором».

— Оружие... Им он побеждал плохих людей?

— Им он победил меня... но, наверное, ты права, если вспомнить про ценности людей того времени, — смущённо ответило прекрасное существо и отвело взгляд от Цубаки, которая горящим взором смотрела на арбалет.

— Но это неважно, — продолжило оно, словно замалчивая суть. — Если он будет у тебя, то я смогу помогать тебе какое-то время, пока не исчезну. Мне просто хочется знать, что происходит. Вынеси меня наружу, и в благодарность я исполню твоё желание.

— Хорошо!..

Почти всё, что сказала существо, было для Цубаки полной бессмыслицей, но она поняла, что это странное создание, рядом с которым она чувствовала себя в безопасности, словно с членом семьи, пообещало исполнить её желание.

Воспоминания о книжках с рисунками вроде «Золушки» танцевали в голове Цубаки, пока та пыталась поднять арбалет... но он оказался тяжелее, чем могло показаться, из-за чего девочка покачнулась и упала на свою пятую точку.

— О, у тебя почти получилось! Ты в порядке?

— Да, — ответила Цубаки с небольшим усилием.

Девочка попыталась подняться на ноги, но Цубаки была слишком маленькой даже для своего возраста, поэтому всё, что ей было по силам – это тащить арбалет за собой по полу.

— Ты не можешь идти с ним в руках?.. Ох... Я не учла, насколько люди слабые существа... Будь проклят этот Чжэн! Он напихал в него слишком много Тайных знаков и украшений, чтобы подстрелить меня! Это явно перебор! Арбалет, Великая стена, дворец Эпан, который он построил... Неужели он считал, что всё должно быть таким большим и показным? Поверить не могу...

Красивое создание продолжило критиковать кого-то, как вдруг ей, похоже, пришла в голову идея.

— Подожди. Ты же в этом мире «хозяйка»... так что, если ты согласишься, что он лёгкий, то сможешь с лёгкостью поднять его... Неужели эта девочка до сих пор не поняла, что находится во сне?..

Последние слова были произнесены шёпотом, чтобы Цубаки не услышала.

— Я знаю, что делать. Позови кого-нибудь на помощь. Маму или папу. Уверен, они помогут, если ты попросишь.

— Точно?..

— Смотри, здесь уже кто-то есть. Вот кого можно попросить, — предложило существо, услышав шаги со стороны лестницы.

— Хорошо... А...

Цубаки ожидала увидеть маму или папу, которые были к ней очень добры в последние несколько дней, и уже собиралась попросить... но человек, появившийся на лестнице, не был её родителем.

— Так вот где ты была... Это мастерская твоей семьи?.. — спросил наёмник в чёрном, Сигма, увидев сначала Цубаки...

— !.. Кто ты?!

...после чего заметил за её спиной прекрасное существо, встал в защитную стойку и принялся наблюдать в ожидании враждебных действий. Однако, бросив взгляд на роскошные красные одеяния незнакомого создания, юноша с сомнением пробормотал:

— Инквизиция?..

×

×

Город внутри барьера. «Кристал Хилл». Верхний этаж.

— А, здравствуйте, Профессор! Это я! Он самый!

На импровизированном «алтаре» лежал мобильный телефон в режиме громкой связи.

Из его динамика раздался мужской голос, в котором чувствовались одновременно облегчение и замешательство:

— Флат?! Что не так с сигналом... Какого чёрта происходит?! Откуда ты звонишь?!

— Сэр! Простите, что так долго не выходил на связь. Я, э-э-э, не совсем уверен. Я как будто во сне или...

— Что?.. Только не говори мне что ты на самом деле проспал и забыл позвонить мне!

— Чего?! Нет! О чём это Вы?! Я не это имел в виду! Я, э-э-э, вроде как в барьере. Да, внутри барьера! Это нечто вроде «повторения прошлого», в котором Вы с Грэй застряли на том кладбище в Уэльсе, только этот «повторяет настоящее»...

— ?.. Так, минуточку! Успокойся и объясни мне всё с самого начала.

На лице Флата возникла довольная улыбка, когда он услышал, как голосу мужчины – Лорда Эль-Меллоя II – вернулся привычный тон, с которым он отчитывал учеников.

Он улыбнулся, потому что знал, что, несмотря на сложившуюся ситуацию – или же по её причине – он услышит первую лекцию класса Эль-Меллоев.

Также он улыбнулся, потому что верил, что эта лекция поможет ему выбраться из текущего положения.

Разумеется, то, удастся ему это или нет, будет зависеть только от него самого.

Услышав историю целиком, Лорд Часовой башни загадочно произнёс:

— *Скорее всего... преисподняя.*

Флата слова Эль-Меллоя II явно смутили.

— П-подождите, сэр! Это значит, что мы уже мертвы?!

— *Помолчи, Флат. И... полагаю, ради спасения Вы будете сотрудничать, Наблюдатель?*

— Ага, только я не буду вмешиваться во фракционные конфликты. Кроме того, Святая Церковь у Вас в долгу. Вы спасли сестру Иллюмию, с которой я, кажется застрял здесь, и...

— *Нет, раз уж речь зашла про личные долги, то отец Карабо тоже спас мою шкуру. Но для нас обоих будет неподобающе считать всё это обязательствами между нашими организациями. В данном случае я буду рад, если Вы, насколько это позволит роль Наблюдателя, окажете содействие моему ученику. Я не намерен просить Вас рисковать жизнью.*

Покачав головой и криво улыбнувшись, Ханза ответил:

— Слухи о твоём учителе не врал, Флат. В его поведении действительно нет почти ничего от мага. Поверить не могу, что ему удалось выжить в том логове демонов, которое вы зовёте Часовой башней.

— *Просто повезло с удачей и связями. Мне не нужно слышать от кого бы то ни было, насколько я второсортен.*

— Прошу прощения, я не хотел Вас оскорбить. Это был комплимент. Возможно, именно это Ваше поведение убедило некоторых моих коллег и предшественников протянуть Вам руку помощи. Долг есть долг, как бы Вы это ни отрицали. Я отплачу, чем смогу. Если Вы когда-нибудь вдруг превратитесь в кровососа, я буду стараться найти другой выход. Разумеется, до тех пор, пока Вы кому-нибудь не навредите.

— *Я смотрю, Вы и сами несколько атипичны для священника Святой Церкви. Разумеется, должен сказать, что у меня нет ни склонностей, ни способностей к превращению в кровососа,* — с явным раздражением ответил Эль-Меллой II, прежде чем вернуться к объяснениям.

— *Сказав «преисподняя», я, конечно же, не имел в виду, что вы мертвы. Я просто описывал природу пространства внутри этого барьера.*

— В смысле? По мне, так на рай или ад это не очень-то похоже.

— *Я в курсе, что ты не слушал лекции, Флат. А теперь выкинь из головы эти банальные предубеждения. Не забывай, что это отчасти догадка, но я полагаю, что источником этого пространства являются Магические цепи и разум девочки Куруока Цубаки. Если демонический – или, возможно, божественный – зверь, которого отец Сервантес видел вдалеке, тот Цербер, смог возродиться в этом мире, тогда причиной этому, вероятно, является «природа» преисподней.*

— Хотите сказать, что они сочетаются друг с другом?

— Сказав, что он «как будто во сне», Флат угодил в самую суть. Есть случаи, в которых сны воспринимаются как загробная жизнь... в мистическом смысле. Слуга пребывающей в коме Куруока Цубаки создал искусственную преисподнюю, используя её сны в качестве катализатора. Разумеется, есть и другие возможные объяснения, но если добавить к вашему рассказу ту информацию, которую я собрал сам, то, наверное, будет справедливо сказать, что это наиболее вероятно.

Ханза, который до этого момента сохранял молчание, спросил:

— Хм-м... Учитывая моё положение, я не могу обсуждать множественность «загробных жизней»... но Вы хотите сказать, что это преисподняя, которая зеркально отражает настоящий город?

— Существует огромное количество преисподней, похожих на мир живых. Гробницы фараонов, императоров и им подобные сами по себе являются ритуалами, цель которых – забрать частицу мира живых с собой в преисподнюю. Есть немало случаев, когда люди видели своих умерших предков, которые занимались теми же повседневными делами в тех же местах, что и при жизни. Тот факт, что создатель этого мира-барьера сотворил точную копию места, населённого живыми, намекает на то, что это крайне систематичная сущность даже для Слуги. Этому существу удалось перенести сюда Цербера, а это предполагает, что оно, возможно, даже сейчас продолжает развиваться.

— Развиваться? Что Вы имеете в виду, Профессор?

— Что эта Героическая душа, скорее всего, является концепцией самой смерти. Воплощением преисподней. Божеством подземного мира вроде Аида, Хель, Нергала или Эрешкигаль... Нет, призвать духовную основу такого размаха невозможно... по крайней мере, не должно быть возможно. Кроме того, владыка подземного мира сделал бы этот мир похожим на свои владения. Так что эта Героическая душа связана не с преисподней... а, скорее, с концепцией самой смерти.

Эль-Меллой II продолжил препарировать мир-барьер, который он никогда не видел, с такой плавностью, будто читал уже готовый вывод, написанный на классной доске.

— Личность этого Слуги, скорее всего, обучалась с самого призыва, приспособляясь к откликам его Мастера Куруока Цубаки. Возможно, каждый раз, когда его призывают, он может становиться совершенно другой сущностью. Однако, учитывая, что призыв Призрака прошлого – событие очень редкое, нам не с чем сравнивать. Но теперь, когда в его мире оказались вы – новые, чужеродные существа – он может начать обучаться как-то иначе.

— Но почему нам не промыли мозги, сэр? — вклинился Флат.

На пути к зданию они миновали людей с явно промытыми мозгами.

Флат и Ханза насторожились и приготовили защитные меры, но пока не было никаких намёков на магию разума, которая была бы направлена на них.

— Должно быть, есть какая-то разница. Методы, которыми можно промыть мозги, невозможно сосчитать, но мы можем отбросить лишние, сосредоточившись на вопросе, почему вы сохранили здравомыслие.

— Да! «Whydunnit», верно? Ваше коронное словечко!

— А, «Whydunnit». Согласен, «whodunnit» нам уже известно, а думать над «howdunnit», пока здесь замешана магия, нет никакого смысла. Тем не менее, если это Ваше коронное слово, то Вы больше похожи на детектива, чем на мага.

Эль-Меллой II запнулся, услышав замечание Ханзы, кашлянул и продолжил:

— *Нет. Я просто использую приобретённые знания для анализа. Будь у меня проницательность или вдохновение детектива, моя жизнь была бы совершенно иной. В любом случае, полагаю, что причина, по которой вам не промыли мозги, заключается в том, почему вас перенесли в этот мир.*

Эль-Меллой II начал рассказывать про феномен, когда люди, покинувшие город, возвращались и при этом вели себя странно, про загадочную болезнь, поражающую животных, и про другие странные происшествия.

Согласно информации от Флю, знакомого мага, несмотря на индивидуальные различия, среди как людей, так и животных наблюдались симптомы, похожие на внутреннее кровотечение.

Основываясь на этой информации, Эль-Меллой II выдвинул теорию, что существовала «разница между пострадавшими от похожего на болезнь проклятия, у которых в этот мир перенесли лишь разум, и теми, кого сюда затащили насильно и целиком».

— *Крайне вероятно, что последнее – результат того, что вас считают врагами. Первое тоже можно назвать враждебным действием... но поражённые болезнью никак не пострадали физически. К тому же нет никаких намёков на то, что их как-то используют в Войне за Грааль. Возможно, Героическая душа просто использует необычные методы и не настроена враждебно.*

— А, в Часовой башне такое повсюду. Есть те, кто считает, что поступает правильно, в то время как другим это доставляет кучу неприятностей.

— *Мне хочется сейчас закричать «Кто бы говорил!», но я пока что воздержусь. Как бы то ни было, есть несколько возможных способов покинуть этот мир... но, думаю, ждать, пока не кончится магическая энергия, нереально. Исходя из обстоятельств, быстрее всего будет одолеть Слугу и Мастера. Но раз уж ты заключил союз с полицейскими и тем самым взял девочку-Мастера под свою защиту, тебе нельзя предпринимать ничего, что поставит её жизнь под угрозу.*

«Даже если бы никакого союза не было, разве он не нашёл бы оправдания, чтобы исключить этот вариант?» — одновременно подумали Джек и Ханза. Однако они были уверены, что даже если указать на это, то Эль-Меллой II попросту уклонится от ответа. Поэтому они просто отмахнулись от этой мысли и продолжили слушать. Часть монахинь, с другой стороны, мыслили гораздо более логично, чем Эль-Меллой II, и задавались вопросом, почему бы им просто не устранить Мастера.

— *Вступить в переговоры с Цубаки, не причиняя ей вреда, и убедить её добровольно открыть путь в реальность... возможно, но встаёт вопрос: она вообще знает, что является Мастером? Если попробовать принудить её внушением или каким-то иным способом, то её Слуга может воспринять это как враждебное действие и предпринять более активную попытку избавиться от вас.*

— Может, тогда попробовать вступить в переговоры со Слугой?

— Я ведь уже сказал, что он представляет из себя скорее систему, нежели существо с выраженной личностью. Чем бы он ни был, лучше не вступать с ним в контакт, пока мы не будем уверены в результате. Разумеется, это также касается боевого столкновения. Прошлой ночью вы прекрасно видели, насколько страшен может быть этот Слуга.

Эль-Меллой II призвал их к благоразумию, поскольку больше всех опасался существа, управлявшего пространством, в котором оказались Флат и все остальные.

В конце концов, он лично побывал в Зеркале души Слуги, с которым они когда-то сражались бок о бок, и это потрясающее зрелище навсегда запечатлелось в его памяти.

— Если этот мир соответствует преисподней, а Слуга имеет к ней какое-то отношение, то бежать вам некуда, по крайней мере, в пределах этого барьера. Смерть повсюду, не только в землях мёртвых. Выражаясь с мистической точки зрения, концепция смерти существует даже в воздухе, воде, камне и земле. Эта комната не исключение.

Закончив это мрачное заявление, Эль-Меллой II подчеркнул сказанное, призвав их к осторожности.

— Другими словами, это место находится в теле Героической души. Вы словно Пиноккио внутри кита.

— Внутри кита? Это же здорово!

— Что именно здесь «здорово»?! — закричал Эль-Меллой II в ответ на дикие слова Флата, но тот с сияющим взглядом продолжил:

— Разве Вы не рассказывали нам в классе о том, что герой, избежав неминуемой смерти, словно рождается заново? И о ритуале смерти и перерождения, который проходит каждый, кто достигает ранга Прайд. И о ком-то, кого съела огромная рыба и выплюнула, после чего он уверовал, стал супергероем и спас город...

— Только не говори мне, что ты про пророка Иону и Левиафана. Да, героические сказания про всякие рыбины, лабиринты и земли мёртвых часто связывали с возвращением в утробу... но я надеюсь, ты не закончишь доклад таким неказистым пониманием материала! Впрочем, ладно, дополнительная лекция на эту тему может и подождать.

Явно раздражённый Лорд Эль-Меллой II сменил тему, вернувшись к конкретным примерам побега.

— Тот факт, что вам удалось связаться со мной из этой комнаты, вероятно, означает, что здесь же в реальности есть некий объект, который гармонирует с этим миром. Скорее всего, это мёртвое тело, но вряд ли влияние обычного трупа проникло бы внутрь барьера. Должно быть, тело находится под неким мистическим воздействием... или же есть определённые условия, из-за которых оно лучше гармонирует со Слугой, создавшим этот мир. Ты сказал, что комната похожа на мастерскую. Можешь мне её описать?

— Ну, она украшена всякой всячиной. На вид месопотамской.

— !.. Вот как. Если эта комната принадлежит фракции той Героической души, значит, просить начальника полиции наведаться туда – всё равно что отправить

его на смерть... В таком случае нам стоит провести расследование Героической души изнутри. Мне не нравится идея использовать их в качестве отвлечения, но если, по твоим словам, герой из другой фракции сражается сейчас с Цербером, тогда я предлагаю воспользоваться этой возможностью и проникнуть в больничную палату девочки или же посетить дом магов Куруо...

В этот момент одна из монахинь, следившая за всем вокруг, крикнула:

— Ханза!

— В чём дело?

— К нам что-то взбирается! Думаю, это Слуга!

Спустя мгновение...

Одна из стеклянных стен разлетелась на маленькие кусочки, и в комнату проникла фигура.

— Ого-го!

— *Что такое, Флат?! Что произошло?!* — донёсся из динамика телефона встревоженный крик.

Молниеносными ударами рук Ханза аккуратно избавился от летящих кусков стекла, после чего обратился к появившейся из окна фигуре:

— Ну и ну... Значит, и тебя сюда занесло.

— Я видела тебя в зале стражи... Ты чужеземный священник?

Бросив взгляд на Ханзу, Ассасин осмотрелась, словно говоря, что разберётся с ним позже. Её внимание остановилось на Флате, на руке которого виднелся узор, похожий на командные заклинания.

— Ответь мне...

— Ой, э-э-э, привет! Ого, ты Слуга? Круто!

— ...ты из тех магов, что стремятся заполучить Святой Грааль?..

Вопрос на секунду озадачил Флата. Подумав, он ответил:

— Хм-м. Я не уверен. Сначала мне хотелось, потому что это было бы клёво, но теперь... мой Слуга в беде, так что было бы здорово использовать Грааль, чтобы помочь ему. А потом даже не знаю. Грааль же, наверное, ценная штука, так что, может, отдать его в музей, как думаешь?

Услышав вопрос вместо ответа, Ассасин прищурилась и внимательно изучила Флата.

— ...

Видимо, он не врал и не пытался её спровоцировать.

В это было сложно поверить, но, похоже, он искренне думал над тем, чтобы пожертвовать Грааль музею.

— Ты... маг?

В пристальном взгляде Ассасин читалось, что она не могла решить, избавляться от Флата или нет.

Словно желая помочь Флату выбраться из этой ситуации, Ханза громко хлопнул в ладони и привлёк её внимание к себе.

— Полагаю, нас с тобой ведёт разная вера. Я здесь с целью наблюдения за этой Войной за Святой Грааль, но не похоже, что этот парень со своим Слугой намерены в ней участвовать. По крайней мере, пока мы не выберемся из этого мира-барьера. Я Наблюдатель и быть посредником моя роль, но тебя это, разумеется, не волнует, — пожав плечами, сказал Ханза.

Если Ассасин всерьёз явилась сюда, чтобы отнять его жизнь, то Ханза, вероятно, был обречён. Он мог справиться с кровососами, поскольку постоянно охотился на них. Но против Героической души, специализирующейся на рукопашном бое, шансов у него было немного.

Тем не менее, он не съёжился и даже не попытался спрятаться. Он смело обратился к Ассасин, дабы выполнить приказ того, кто был для него как отец, и исполнить свой долг Наблюдателя.

— ...

Ассасин настороженно смотрела на Ханзу, но в её взгляде не было враждебности.

К счастью для Флата и Ханзы, она была призвана с помощью магической энергии «чудовища» и заключила союз с чужаком – и не с кем-нибудь, а с самим «Львиным Седрцем». Видимо, эти обстоятельства вынудили её пересмотреть свои взгляды и относиться к другим с большей терпимостью.

Но даже так была черта, которую она не желала пересекать.

— Один вопрос: как вы собираетесь открыть путь наружу?

Тон её был мрачен.

Даже Флат это ощутил. «О, наверное, это один из тех самых вопросов. Выберешь неправильный ответ – и всё, геймовер». Он задумался на секунду, не решаясь ответить...

Но ответ пришёл от мобильного телефона, который лежал на алтаре в режиме громкой связи.

— *Мы только что договорились по возможности избегать насилия. Если ты желаешь сбежать, даже если для этого придётся навредить девочке, то нам тебя не остановить. Но есть другой способ.*

— Кто ты такой?..

— *Скажем так, я опекун этого мальчишки. Понимаю, эгоистично с моей стороны просить тебя поверить незнакомцу, которого ты даже не видишь, но...*

— ...

Подумав какое-то время, Ассасин всё ещё с настороженностью спросила:

— Если есть способ спасти её жизнь, значит, на то воля Господа. Я выслушаю твоё предложение.

Флат и Берсеркер, который пребывал в форме наручных часов, испытали облегчение при виде того, что Ассасин была готова слушать.

Но, словно разрушая эту атмосферу, в комнату вместе с ветром проник детский голос.

— Бесполезно, мисс.

— !

Все, кто находился в комнате, повернулись и увидели облако дыма, похожее на чёрный туман. Обретая цвета, оно начало принимать человеческие очертания.

— В этом мире, который создала малышка Цубаки, такого «способа» не существует.

Это был мальчик.

Однако окружавшая его тело зловещая магическая энергия говорила о том, что он был не тем, кем казался.

Увидев это, Ханза притворно щёлкнул языком. Уголки его губ приподнялись.

— Кто это у нас здесь? Уверен, что не хочешь спрятать свою магическую энергию, как тогда в отеле? Похоже, уверенности тебе не занимать, раз ты решил заявиться сюда лично и раскрыть свой обман.

— У меня было чувство, что за мной наблюдают. Больше ты не застанешь меня врасплох, экзекутор. Сомневаюсь, что этот мой трюк сработает ещё раз. К тому же...

Поддавив зловещий смешок, мальчик перевёл взгляд на Ассасин и с выражением экстаза на лице продолжил:

— ...мне хотелось как можно скорее узреть всю гамму эмоций на лице мисс Ассасин... Видите?

Не успел он закончить, как Ассасин пришла в движение.

Одного взгляда на выражение его лица и окружавшую его магическую энергию ей хватило, чтобы понять, что это был кровосос, призвавший её – Джестер Картур.

Её чёрный покров скользнул по полу. Из его складок возникла подобная кинжалу ладонь, которая нацелилась на шею мальчика.

Но когда её пальцы пронзили тело Джестера, она не ощутила сопротивления.

— ?!

Тело мальчика рассеялось подобно туману и вновь возникло неподалёку.

Однако это уже был не мальчик, а молодой мужчина, который был в полицейском участке и перед больницей.

— Ха-ха-ха! Ты действительно думала, что я, как дурак, лично заявлюсь к своим врагам? Какая же ты милая, Ассасин. Всё верно! Разумеется, я хотел прийти лично! Можно даже сказать, что наши сердца бьются в унисон. Прости, что подвёл тебя, дорогая Ассасин! Но ты только представь, какой мигрени мне стоило послать фальшивое тело, чтобы увидеть тебя!

Джестер продолжил что-то нарциссично бормотать со смесью экстаза и горечи.

Ханза подумал, что это была не просто провокация – вероятно, он всё это говорил всерьёз. За его спиной из динамика телефона раздался обеспокоенный голос Эль-Меллоя II.

— Эй, Флат, что я сейчас слышу?!

— Я не совсем уверен... но это, видимо, признание в любви!

Похоже, Джестер не услышал, как учитель и ученик обменялись словами. Его внимание было целиком сосредоточено на Ассасин. Стоя напротив разбитого окна, он возбуждённо развёл руки в стороны.

Джестер отвесил низкий поклон, словно дирижёр, приветствующий публику перед представлением, и затем...

Мир за его спиной *искажился*.

×

×

Мир внутри барьера. Перекрёсток.

— Что произошло?!

Сэйбер и полицейские, окружённые Цербером и чёрными гротесками, оказались в безвыходном положении.

Они держали оборону против существ, которые, повторяя некое подобие зловещей песни, то приближались, то отступали. Однако с тех пор, как Сэйбер задал свои вопросы, они перестали активно нападать и сосредоточились на том, чтобы не дать группе покинуть перекрёсток.

Однако менее чем минуту назад ситуация изменилась.

Не только их окружение – весь мир, похоже, начинал меняться.

Из всех щелей хлынули орды крыс. В порывах ветра между зданиями стали видны облака чёрного тумана.

В небе летали стаи ворон. Символы смерти заполонили собой не только перекрёсток, но и весь городской пейзаж.

В то же время атаки демонических зверей усилились... а слова песнопения, звучавшие из каждой тени в городе, перерастали в оглушающий рёв, нещадно ударявший по ушам Аяки и всех остальных.

Словно весь мир кричал от боли.

Или будто новорождённый издал свой первый плач.

«Это» «путь смерти».

«Преисподняя». «Дорога в Аид».

«Его суд», «Его проповедь»,

«есть вечный покой». «страдание».

×

×

Мир внутри барьера. В небе.

Мир-барьер, связанный с Куруока Цубаки.

Изолированное, ограниченное пространство размером с город. Граница была даже в небе.

Его синева была лишь проекцией реального мира на границу барьера. Любого, кто попытался бы сбежать на самолёте или вертолёте, развернуло бы назад то же самое искажение, которое не давало покинуть город по земле.

Но в это «небо» кто-то пытался безмолвно вторгнуться.

Словно пятно, расплзавшееся по потолку старого дома с протекающей крышей, эта аномалия продолжала медленно, но верно расширяться.

Вскоре кусочек неба исчез, будто его вырезали ножницами... и из дыры, держась за руки, возникли мальчик и девочка.

Они тотчас же начали свободное падение.

— Ой! Мы слегка опоздали? Поторопимся!

— Ага! Похоже, вечеринка уже в самом разгаре!

Две новые фигуры – Истинный Кастер Франсуа и Франческа, держась за руки, словно возлюбленные, продолжали камнем падать вниз.

Под ними раскинулась идеальная, будто зеркальная копия города.

Но этот мир уже готовился полностью отделиться от Сноуфилда.

Начиная с центра города, он постепенно терял цвета, на смену которым пришла расплзающаяся угольно-чёрная тьма.

Чёрные тени, возникавшие из земли, превращались в облака, которые начали закрывать собой город.

Два Прелати, не переставая смеяться, нырнули в самую гущу чёрных, как смоль, поднимающихся ливневых облаков.

Однако там вместо грома они услышали крики самого мира-барьера.

«Обретите покой».

«Снесите муки».

«С дорогой в Аид в моём подчинении».

«Я буду защищать своего хозяина».

«Святой Грааль».

«Святой Грааль».

«Преподнесу его своему хозяину».

«Своему другу».

«Святой Грааль».

— Разве это не чудесно?! Похоже, этот мир стоит того, чтобы с ним поиграться! — прокричала Франческа среди облаков. В глазах её горел огонь.

Вскоре их падение резко замедлилось, и они наконец-то начали с лёгкостью парить в воздухе.

С помощью иллюзии высочайшего уровня, создать которую могла только Героическая душа, они проделали почти нарушающий все правила трюк, обманув физически законы мира.

— Ха-ха-ха! Обдурить этот мир оказалось проще простого! Я так и знал, что он выстроен на сне!

— Лучше не расслабляйся, — ухмыльнувшись предупредила Прелати Франческа. — Если в его основе лежит сон, значит, он может стать чем угодно в зависимости от девочки, которой этот сон снится.

Они вырвались из облаков, и Франческа рассмеялась с выражением детского предвкушения на лице при виде чёрного, словно ночь, мира внизу.

— Надеюсь, Львиное Сердце, этот большой фанат короля Артура, ещё жив и брыкается!

Последние слова они произнесли в унисон:

— Просто ли ты отчаешься, или же ярость поглотит тебя?.. Нам не терпится узнать!

×

×

Мир внутри барьера. «Кристал Хилл». Верхний этаж.

«Я – меч». «Я – звери земные». «Я - жажда». «Я - голод».

«Я – несущий смерть». «Я – игрок смерти». «Я - смерть». «Я - смерть». «Смерть». «Смерть». «Смерть».

Крики, в которых не было ни капли эмоций, полностью заполнили пространство вокруг верхнего этажа.

Сам мир кричал, будто живой организм, окрашивая город в чёрное.

Ассасин широко распахнула глаза. Глаза же Флата сияли, пока он громко беседовал с наручными часами и телефоном. Ханза жестами построил монахинь и мрачно пробормотал:

— Эта манера речи... Не могу в это поверить, но...

Учитывая своё положение, Ханза не мог не вспомнить одну главу из «Откровения».

Он также подумал, что это могла быть историческая личность, связанная с похожим эпизодом, но в его голове промелькнули недавние слова Эль-Меллоя II о «концепциях», и он пришёл к предположению.

— Воплощение смерти... Неужели это Бледный всадник, один из четырёх всадников Апокалипсиса?..

Тем временем Ассасин закричала, обращаясь к двойнику Джестера, который продолжал радостно смеяться:

— Что ты сделал?..

— Хм? О, это не я. Ты уже должна была это понять. Не я создал этот мир. Поэтому ответственность за это прекрасное изменение несёт...

— Я спрашивала не это!

Ассасин уже знала, к чему вёл Джестер.

Тот факт, что он находился здесь, естественно, означал, что он понял и хотел её спровоцировать.

Но даже зная про провокацию, она невольно направила на него всю свою ярость:

— Что ты сделал с девочкой?!

Услышав её гневный рёв, Джестер коснулся ладонью груди и уважительно поклонился. Его глаза горели вождением.

— О, благодарю... Я искренне рад! В этом крике были твои эмоции, твои истинные человеческие чувства. И неважно, что это была ярость. Сейчас, вне всякого сомнения, твой взор обращён на меня. Похоже, ты всё ещё бросаешь взгляд на Куруока Цубаки, но я уверен, что долго это не продлится.

— Я спрашиваю, что ты сделал!

— Ничего такого, — с неприятной улыбкой ответил Джестер.

Он дал свой ответ со всеми эмоциями признания в любви. При этом Джестер не переставал следить за каждым её движением.

— Я лишь немного воодушевил её.

— Чтобы она последовала за великой мечтой, как и подобает дитя.

Интерлюдия

「Красавица и море; Девочка и наёмник」

Десятью минутами ранее. Закрытый город. Дом семьи Куруока.

Сигма был в замешательстве.

Он отправился искать Цубаки в надежде поговорить с ней, прежде чем что-либо предпринимать. Однако она, похоже, проснулась, поскольку в гостиной её не было.

Сигма осматривал первый этаж, пока её отец Юоаку обыскивал второй... как вдруг ему на глаза попала открытая настежь дверь, которая явно была скрыта с помощью магии.

Пройдя через эту дверь, Сигма заметил Цубаки в подземной мастерской, но там же вместе с ней находилось какое-то странное существо.

Оно было облачено в красный наряд, который явно выглядел не к месту в современных Соединённых Штатах.

— Инквизиция?..

Сигма подумал, что это могла быть настоящая форма «Мистера Черныша», однако существо производило совершенно другое впечатление, и поэтому он сказал первое, что пришло на ум при виде красных одеяний.

Юноша тотчас же вспомнил лицо одного из своих товарищей из детства.

«Лямбда».

Сигма вспомнил, что смотрел эту комедию с инквизицией после того, как убил Лямбду, который называл его «лучшим другом». Испытывая странную тревогу, словно в его сердце попал песок, Сигма провёл ладонью по Тайному знаку, висевшему на правом бедре.

— Кто ты?..

— О, похоже, что ты не «захвачен». Скажи-ка мне, кто ты для этой девочки? Друг или враг? Естественно, эти две крайности нельзя аккуратно разделить на инь и ян, и твой ответ может измениться в зависимости от обстоятельств... Но если, скажем, я впаду в неистовство, ты станешь защищать это дитя или нет?

— В данный момент я намерен защищать её, — честно ответил Сигма, не теряя при этом бдительности.

Он мысленно закрепил тот факт, что его целью было поддерживать стабильный союз с Ассасин, и медленно занял позицию, из которой он мог защитить Цубаки.

Услышав это, прекрасное создание в красном с облегчением произнесло:

— О, вот и славно! Поначалу я занервничала, потому что, скажем так, у тебя глаза человека, который скорее убьёт правителя, нежели станет оберегать его, но ты развеял мои опасения! Не бойся, я тоже её друг. Что ж, отныне плавание будет спокойным. Честно говоря, меня больше связывают с *потоплением* кораблей, но не переживай! Некоторые затонувшие суда достигают храма морского бога. Или сейчас больше на слуху «дворец дракона»?

Манера речи существа была быстрой и энергичной, как у комедианта, из-за чего Сигма почувствовал в ней родственную душу.

«Будь это обычное задание, я бы либо просто устранил это невесть что на всякий случай, либо уже бежал бы со всех ног», — подумал Сигма. «Но сейчас моя миссия – действовать по своему усмотрению».

Он решил выслушать прекрасное создание, но полностью расслабляться не стал.

— Я слушаю. Кто ты?

— О, мудрое решение, это радует! Однако, к несчастью, сейчас мне придётся вновь *скрыться под водой*.

— ?

— Сюда направляется монстр. Когда он окажется здесь, воплощение болезни автоматически сосредоточит внимание на Цубаки. И тогда я не смогу полностью скрыть своё присутствие.

Сигма начал, было, расспрашивать существо о том, что означали все эти странные заявления... как вдруг заметил, что оно начало исчезать подобно миражу, и затаил дыхание.

— В чём дело?!

— О, я в порядке, — заверило существо изумлённую Цубаки с утешительной улыбкой. — Мы просто ещё немного поиграем в прятки.

Успокоив Цубаки, прекрасное создание повернулось к Сигме, указало на арбалет в руках Цубаки и продолжило:

— Либо возьми этот арбалет сам, либо пусть это сделает кто-нибудь ещё. Главное, чтобы он всё время был рядом с Цубаки. Это важно. Что же касается меня, то... да, можешь называть меня «Цзяо». Пока этот арбалет будет с девочкой, я смогу прийти на её защиту, если что-то будет угрожать ей в этом мире.

— Я не понимаю. Что ты за существо?

— Это длинная история, но если вкратце... Хм? Почему я чувствую в тебе следы *его* присутствия? Ты, часом, не связан с тем *созданием*, которое парит в небесах внешнего мира?

— !

Сигма вновь затаил дыхание.

«Оно знает про Уотчера?..»

— О нет, я уже на пределе. Попробуй показать этот арбалет разумному магу. И тогда... ты... Ах да, я рассчитываю на тебя! Исполни мою просьбу, защити Цубаки и...

Не успев договорить, Цзяо исчезла без следа.

Цубаки с озадаченным видом окинула взглядом комнату, но Сигма встревоженно подумал:

«Что это было за существо? Оно, похоже, что-то знает про Уотчера, но...»

Сигма решил, что ему удастся заполучить важную информацию о его Слуге, которого даже он не понимал, однако горевать по упущенной возможности было бессмысленно.

«Пожалуй, придержу пока этот арбалет при себе...»

Натянуто улыбнувшись Цубаки, Сигма предложил взять арбалет вместо неё и забрал его из рук девочки.

Он не знал, что это был катализатор, который Куруока подготовили для Войны за Святой Грааль... как не знал и того, что он отчасти послужил причиной призыва Героической души Цубаки крайне неожиданным для магов образом.

Теперь Сноуфилд был битком набит самыми разными сущностями. Их судьбы были сложны и порой переплетались друг с другом.

— Это ещё что?

Как хорошие судьбы, так и плохие.

— Кто этот парень, Цубаки? — раздался со стороны лестницы невинный голос. Сигма повернулся и увидел мальчика.

«?»

«Кто это? Не похоже, что его разумом управляют...»

Сигма с настороженностью изучил мальчика.

Присутствие в этом мире того, кто не находился под контролем, было достаточной причиной для проявления осторожности.

Цубаки же, напротив, с облегчением произнесла:

— О, Джестер! Ты пришёл в гости!

Дрожь.

Весь накопленный опыт наёмника-заклинателя послал дрожь по телу Сигмы, прежде чем память подсказала ему, кто это был.

Спустя мгновение в голове Сигмы эхом разнёсся голос.

Голос, который он слышал минувшей ночью, перед тем, как его затянуло в этот мир-барьер.

«Меня зовут Джестер, Джестер Картур!»

Само звучание голоса, да и внешность были другими, но Сигма был не настолько оптимистичен, чтобы счесть это совпадением.

Когда Сигма вспомнил имя, которое прозвучало во время стычки кровососа с Ассасин, мальчик уже стоял рядом с ним.

— Тебе повезло. Я не могу убить тебя на глазах у Цубаки, — прошептал Джестер, чтобы его мог слышать только Сигма. Его улыбка даже не дрогнула. — Держи язык за зубами, ладно? Я «друг» этой девочки. Если нападёшь на меня, «Мистер Черныш» избавится от тебя в мгновение ока, и кто знает, что я тогда сделаю, — с улыбкой предупредил его юный Джестер, слушая при этом, как Цубаки представляет Сигму и рассказывает о том, что произошло.

— ...

Сигма молчал. Всё его тело покрылось холодным потом.

От Уотчера он знал заранее, что Джестер может принимать облик мальчика.

Теперь же, увидев это воочию, он понял, что трансформация была совершеннее, чем он ожидал. Если бы Цубаки не назвала его по имени, Сигма далеко не сразу сложил бы два и два.

Одного этого было достаточно, чтобы понять, насколько мальчик превосходил его.

«Что он задумал?»

Сигма не знал намерений юного Джестера. Мальчик же со свежей улыбкой изучал мастерскую.

— Ого, здесь здорово. Прямо секретная база.

— Д-да, это комната мамы и папы, — застенчиво ответила Цубаки.

Это озадачило Сигму.

Разве ей с помощью внушения не запретили говорить про мастерскую?

Может оно перестало работать, потому что она впала в кому? Или же есть какая-то другая причина?

Он чувствовал, что его мысли блуждали из стороны в сторону, но при этом негодовал из-за того, что ему больше ничего не оставалось, кроме как думать.

Эта ситуация не скажется на исходе его миссии, но существенно повлияет на его шансы выжить.

Сигма жаждал крепкого сна и хорошей еды – словом, приятного существования. Он хотел избежать жестокой смерти от руки кровососа. Но даже так он был убеждён, что не сможет позволить себе что-либо предпринять, не будучи уверенным в том, чего хотел Джестер.

Однако действия кровососа были крайне просты.

Он говорил с Цубаки.

Чисто с точки зрения результатов, это всё, что он делал.

И итоги столь простого действия привели этот мир к концу.

×

×

Почему мистер Сигма замолчал?

Куда спряталось то красивое существо?

Знаю! Я поищу её потом вместе с Джестером!

— Эй, Цубаки.

— Да, Джестер?

— Папа сказал мне, что твои родители очень важные маги.

— !

Что мне делать?

Как правильно поступить?

А, «магия» должна держаться в тайне, так ведь?

— Не волнуйся. Я знаю, что про это нельзя говорить. Это будет наш с тобой секрет, Цубаки!

— Правда?..

— Да, правда. Насчёт него тоже не переживай. Он знает про магию.

— Здорово!

Мистер Сигма сказал «да».

Конечно. Похоже, они с папой хорошие друзья.

Должно быть, мистер Сигма тоже «маг».

И всё же я знала, что Джестер хороший.

Он мой самый первый друг.

Интересно, Джестер тоже «маг»?

— Эй, Цубаки.

— Что?

— Ты ведь хочешь помочь маме с папой, да?

— Ага!

— Как думаешь, что порадует их больше всего?

— !

— Ты заставила их хорошо относиться к тебе, так что тебе тоже нужно стать хорошей девочкой для них.

Верно.

Я должна помочь маме с папой.

Я спала очень-очень долго. Они ведь не против?

Они читали мне сказки и пекли всякие вкусности.

Я должна быть хорошей. Очень хорошей. Я... я...

— Давай подумаем вместе, ладно? Что они всегда говорили?

— Эм-м...

«Однажды мы станем _____».

«Да, Цубаки. Это наша главная цель, величайшая мечта».

«Вот именно. Как и старик с самоцветами, мы станем _____...»

«Подобное вряд ли возможно. Общепринятая теория ведь заключается в том, что для этого не осталось никаких лазеек?»

«Перестать. Слова имеют вес. Пусть это невозможная цель, но к ней стоит стремиться».

«Например, с помощью внушения?»

«Да, именно. Цубаки, это первое внушение, которому мы собираемся тебя подвергнуть».

«Твои мама и папа оба желают, чтобы семья Куруока создала _____».

Что это было?

Мама с папой говорили сложные слова.

Но...

Да! Вспомнила!

Кто-то очень поразительный, даже больше, чем «маг».

Одна из них ещё превратила Золушку в принцессу!

— А! Я знаю!

— Что, уже сообразила? Ты просто нечто, Цубаки.

— Ага. Видишь ли...

— Я хочу стать «волшебницей» ради мамы с папой!

— Правда? Замечательная идея. Я уверен, что всем это понравится.

Ого. Джестер, похоже, рад.

Здорово. Значит, я угадала!

— Я очень постараюсь и стану «волшебницей»!

— Да. У тебя точно получится. «Мистер Черныш» тебе поможет.

— Ага!

А?..

Что не так?

У мистера Сигмы страшное лицо.

×

×

Это была система, не обладавшая собственной волей.

Машина, которая попросту использовала свои возможности на благо Мастера, не обладая при этом собственными желаниями.

Это была Героическая душа, которая вела себя так, как и подобало инструменту. Мнение о ней как о фамильяре разделились бы.

Но именно по причине отсутствия собственной воли, именно из-за того, что она воплощала собой часть логики самого мира, эта система обладала невероятной силой. И она только что формально получила желание от своего Мастера.

Я хочу стать волшебницей.

Героическая душа, защищавшая Цубаки, зафиксировала это.

Долгосрочное желание её Мастера, Куруока Цубаки.

Хочу жить счастливо со своими родителями.

Хочу играть с животными.

Хочу, чтобы никто не покидал этот город.

Хочу помочь людям сбежать от огня.

Героическая душа была в состоянии исполнить подобные «краткосрочные» желания с помощью своей силы.

Однако желание «стать волшебницей» выходило за рамки возможностей её систем.

Магия была бы реализуема, но Истинная магия – совсем другое дело.

Обычный фамилляр, каким бы разумным он ни был, ответил бы: «Это невозможно».

Но Героическая душа, которая стала Слугой Цубаки и её опекуном – Бледный всадник – была другой.

Как Героическая душа, она получила знания и поэтому обладала одной возможностью.

Возможностью под названием «Святой Грааль».

Это едва ли был надёжный метод.

Однако, какой бы низкой ни была вероятность, Бледный всадник, Слуга концепции смерти, представит этот метод.

Третья магия, исчезнувшая из этого мира с сотворением Великого Грааля.

Истинная магия находилась вне закона природы, и поэтому в его рамках воспроизвести её с помощью исполнителя желаний было невозможно.

Но в случае с Третьей магией, которая была связана с Граалем, и только в этом случае... вероятность существовала.

Если он внедрит Святой Грааль в Цубаки через себя, то это вызовет перемену в законе природы.

Если ему удастся воссоздать Магические цепи «сосуда», ставшего основой для Великого Грааля, тогда, возможно...

Шансы были исчезающе малы.

Эта мечта была практически неосуществима.

Но Бледный всадник всё равно её зафиксировал.

Как «несбыточную мечту» Куруока Цубаки.

И с этого момента... Бледный всадник использовал все ресурсы в своём распоряжении, чтобы воссоздать мир основанный на «желании Цубаки», которое слилось с ним в единое целое.

Для достижения цели.

Победить в войне и заполучить Великий Грааль.

Таким образом первая Героическая душа, снизошедшая на земли Сноуфилда... наконец возвестила о том, что вступает в битву.

Окутывая при этом весь мир присутствием Смерти.

Глава 20

「Фантазия становится реальностью」

Франческа Прелати впервые столкнулась с Войной за Святой Грааль, когда американская организация поручила ей проанализировать этот ритуал в самый разгар Второй мировой войны.

Член семьи Диоланд, которая уже успела внедриться в Часовую башню, вступил в войну, и несмотря на его поражение в итоговом докладе было заключено, что Война за Святой Грааль была слишком уникальна, чтобы оставаться всего лишь местным ритуалом на Дальнем Востоке. На тот момент на территории Соединённых Штатов разрабатывался план по постройке города на реквизированном участке земли с целью мистического развития нации. После доклада о Третьей Войне за Святой Грааль этот план изменился, и теперь его целью стало воссоздание ритуала.

Для того, чтобы провести тщательные исследования, была сформирована группа опытных магов, не имевших никаких связей с Часовой башней. Франческа в итоге начала работать с ними из-за рекомендации от одного человека, с которым она никак не могла разорвать отношения.

— Вы бомбили Фуюки с воздуха ради своего исследования. По-моему, это перебор. Вы действительно готовы зайти так далеко?

Поначалу Франческа ворчала. Она не испытывала энтузиазма. Но когда она – «он» в то время – собственными глазами увидела Войну за Святой Грааль в Фуюки, её отношение полностью изменилось.

Четвёртая Война за Святой Грааль.

Событие с сомнительной историей, в ходе которого произошли жестокое убийство Лорда Часовой башни и потеря активов, не связанных с миром магии, вроде самолётов-истребителей. Святой Церкви пришлось приложить недюжинные усилия, чтобы всё это замаять.

«Увлечением» Франчески было наблюдение за местами, где с большой долей вероятности могли произойти интересные вещи, с помощью своей обширной информационной сети и последующее использование полученной информации в других местах, чтобы сеять хаос. Но даже среди всех данных, которые она (или «он» в зависимости от тела) скопила за долгие годы, этот дальневосточный ритуал выделялся своей исключительной неординарностью.

Призраки прошлого, появлявшиеся один за другим.

Заговоры, планы и интриги, в которые были вовлечены маги, заклинатели и даже Святая Церковь.

А также двое существ со «знакомыми» лицами.

Одно представляло собой фигуру короля, которого направлял наставник её учителей, инкуб, заинтересовавший духов, обучивших её магии. Франческа никогда

не имела с ней ничего общего, но видела её на глади воды, подчинявшейся шёпотам учителей.

Однако король не особо интересовал Франческу.

Да, она удивилась тому, что ритуал смог призвать даже обладателя Святого меча планеты. Учитывая, что она исчезла по окончании ритуала, Франческа не смогла убедиться в том, воссоздал ли ритуал также и её личность.

Но когда она заметила *другое* знакомое лицо – «благородного рыцаря Британи» Жилия де Ре – с помощью заклинания дальновидения, это совершенно сбило Франческу с толку, и она отправилась в путешествие из Антарктиды в Японию, взяв с собой лишь одежду.

Она бросила ради этого все свои проекты... и заплатила за свою неподготовленность. Грааль, по всей видимости, был уничтожен прежде, чем у неё появился шанс вмешаться. В итоге Франческе так и не удалось встретиться со своим заклятым другом лицом к лицу.

Одной из причин также можно было назвать то, что она недооценила силу главы клана Макири и его насекомых.

Вероятно, на её фамильяров умышленно не обращали внимания. На её пути было множество насекомых, и в конечном итоге Франческе пришлось бросить своё тело после того, как её перехватил монстр в обличье старика.

«Иллюзии не очень-то хорошо действуют на жуков».

«Если бы только у меня было время подготовиться, мне бы удалось обдурить весь регион и проскользнуть...»

«О Жиль, надеюсь, тебе удалось насладиться войной».

За ворчанием на неё обратил внимание Фалдеус, прежде чем ему удалось попасть в Часовую башню.

Она была полна решимости вмешаться в Пятую Войну за Святой Грааль, но ей помешало стечение нескольких факторов.

Во-первых, Мато Зокен, вставший у неё на пути в прошлый раз, усилил защиту от чужаков, лишив её тем самым возможности вообще наблюдать за войной.

Во-вторых, священник Церкви крайне хорошо умел справляться с внешними угрозами.

В-третьих, когда она попыталась изучить Фуюки во время подготовительного периода, то ощутила жуткое присутствие как минимум семи Мистических глаз, сосредоточенных на одной духовной жиле, и не смогла позволить себе беспечно приблизиться к городу.

Последней каплей стало то, что её тела постоянно уничтожала магесса-Гранд по имени Аозаки Токо.

В результате Франческа не знала, чем закончилась Пятая Война за Святой Грааль.

До неё доходили слухи, но она так и не смогла выяснить, какого рода «война» разразилась тогда в Фуюки или какая участь ждала вовлечённые фракции.

Но этого было достаточно.

Франческа терпеливо наблюдала за работой Грааля, собрала вместе множество компонентов - вроде фрагмента магической энергии Великого Грааля, который ей едва удалось заполучить до начала пятой войны, или «грязи», которую она извлекла из руин, оставшихся после пожара в Фуюки в конце четвёртого ритуала – и создала фальшивый Святой Грааль в Сноуфилде.

Но фальшивка была лишь фальшивкой.

Без полных, неповреждённых Магических цепей Юстиции, основательницы Войны за Святой Грааль, идеальное воссоздание Великого Святого Грааля не представлялось возможным. Неважно, насколько близко Франческа подобралась бы к этой цели, у неё всё равно получилась бы всего лишь фальшивка.

И всё же... Героические души, Слуги, Призраки прошлого.

Каким-то чудом или же по некой прихоти земля, которая стала основой для Фальшивой Войны за Святой Грааль достигла точки воплощения нескольких подобных «сил», известных под множеством имён.

В таком случае, подумала Франческа, остальное будет простым методом проб и ошибок, полагающимся на чистую случайность.

Если она будет повторять это тысячи, десятки тысяч раз, пока не вымрет вся человеческая раса, у неё в конечном итоге может получиться достичь результатов, на которые надеялись её наниматели, в дополнение к собственному желанию – а именно устранению Истинной магии путём развития человеческих технологий.

Можно было сказать, что Франческа Прелати была скорее демоном, нежели магом, совершенно не руководствующимся логикой.

Именно поэтому у неё возникла идея.

Раз уж она собиралась призвать Героические души, то ей лучше сполна с ними повеселиться.

И прямо сейчас она была в восторге.

Она слышала, что по какой-то причине легендарный обладатель Святого меча воплощался в Фуюки как минимум несколько раз.

В этой же фальшивой войне вместо неё появился король, который её боготворил.

Поэтому Франческе Прелати очень хотелось запятнать его обожание.

Когда она украдёт свет у лучезарного создания, что в итоге останется?

Чтобы выяснить это, Прелати продолжали падать в сон.

Неважно, насколько уродливым, жалким и извращённым будет результат... они, по крайней мере, были полны решимости полюбить это как некую форму человечности.

×

×

Прошлое. 1189 год. Западная Франция.

— О, так ты один из этих. Очень любишь короля Артура, да? — спросил мужчина в причудливом наряде, с шумом ковыряясь в нутре странной безлошадной повозки, под которой он лежал.

Ричард с мальчишечьей улыбкой ответил:

— Ты не прав, Сен-Жермен! Я люблю не только короля Артура, но и рыцарей Круглого стола. Я обожаю легенды о Карле Великом! Беовульф, сразивший Гренделя, порастил меня до глубины души, а отправиться на тренировки в Земли теней мне хотелось далеко не раз!

— Не забывай про Александра Великого. Готов поспорить, он бы сошёлся с тобой в смертном бою на поле брани с улыбкой на лице.

— Серьёзно?! Для меня это было бы честью! И всё же это правда, что если бы я посвятил себя легенде, то это были бы песни об Артуре, первом короле в моём сердце.

— Несмотря на то, что его предала собственная родня, а сам он в итоге был свержен? — саркастически поинтересовался Сен-Жермен, высунув голову из-под повозки.

— Разумеется, — беспечно ответил Ричард. — Сэра Мордред я кстати тоже обожаю. Он великий рыцарь, убивший великого короля. Тот, кто положил конец легенде, по праву заслуживает называться легендой.

— А, понятно. Полагаю, ты прав, — осмотревшись, согласился Сен-Жермен с кривой усмешкой.

В окружении грамотно выстроенных рядов рыцарей и пехоты шарлатан, чьё положение было сродни придворному магу, мягко пробормотал, чтобы его услышал только Ричард:

— Из-за того, что ты именно такой... ты сейчас на пути к тому, чтобы убить собственного отца.

Свою жизнь Ричард I «Львиное Сердце» провёл в восхищении королём Артуром.

Эпизодов, демонстрировавших его привязанность к легендам, было не счесть, и, если оставить в стороне его дикий нрав, можно было без преувеличения сказать, что среди этих бесчисленных легенд и был взращён эталон под названием «рыцарство».

Зачастую он лично отправлялся на поиски реликвий ушедших героев. Невозможно было сказать, был ли Экскалибур, которым он, как предполагалось, обладал, обнаружен в Гластонбери, или же это был лишь мираж, сотворённый его одержимостью легендами.

Он, по крайней мере, нашёл ножны... каким бы ни был клинок, который в них хранился. Как минимум так кто-то поведал знати и аристократам при французском дворе несколько веков спустя.

Если верить этим словам, Ричард проявил уважение к этим великим ножнам, оберегавшим святой меч от грязи мира, поместив их под сильнейшие из печатей и собственноручно восстановив на месте, связанном с королём Артуром.

Эта история ушла в мир как всего лишь очередной слух, и по прошествии ещё нескольких столетий...

×

×

Настоящее. Закрытый город. Центральный перекрёсток.

— Эй... Какой-то у них нехороший взгляд, — произнёс один из офицеров, обливаясь холодным потом.

— Спокойно. Это не меняет наш план. Мы будем искать лазейку, пока держим оборону.

Вера не позволяла отряду удариться в панику и рассыпаться. Её лицо было спокойным, но даже она осознавала ужас сложившейся ситуации.

— Лазейку? Легко сказать... — озвучил тревоги Веры другой офицер. — Нам вообще есть куда бежать?

Все участки города вокруг них уже накрыл чёрный туман. По земле ползали полчища крыс, а небеса закрывали собой стаи чёрных ворон.

Церберы же, которые до сего момента лишь оборонялись, перешли в наступление.

Несмотря на яростный натиск, полицейские были всё ещё живы. Видимо, за это им следовало благодарить Джона, который по-прежнему мог использовать дарованную Кастером «силу» и сдерживал противников. Также на руку играл тот факт, что Церберы и прочие демонические звери на самом деле не особо ими интересовались.

Все их атаки, казалось, были сосредоточены на Героической душе Сэйбере. До сих пор они нападали машинально, но теперь некоторые из демонических зверей начали проявлять очевидную враждебность.

— Должно быть, что-то произошло! Надеюсь, та девочка в порядке!

Сэйбер отбивался от нападавших со всех сторон гротескных тварей с помощью когтя Цербера.

Пасти огромных зверей неумолимо приближались, выжидая момент.

Челюсти, в которых Сэйбер мог легко исчезнуть целиком, смыкались с невероятной скоростью, но Слуга умудрялся уклоняться в самый последний момент.

Однако у Цербера было три головы.

Три смертоносных гильотины.

Оттолкнувшись ногой от толстого, словно бревно, клыка в одной пасти, Сэйбер увернулся от второй и изменил направление в воздухе, чтобы ускользнуть от третьей.

Но другой Цербер, воспользовавшись шансом, приблизился к Сэйберу со спины и отправил его тело в полёт взмахом лапы.

— !..

Сэйбер врезался в стену здания, окутанного чёрным туманом. Во все стороны полетели осколки стекла и куски бетона.

— Сэйбер! — закричала Аяка.

«Это неправильно».

«Сэйбер движется медленнее, чем обычно!»

«Я так и знала! Ему всё ещё мешают раны, полученные прошлой ночью!»

Аяка проклинала собственную беспечность.

Она знала, что Сэйбер мог уклоняться от Благородных Фантазмов, которыми, будто пулемётной очередью, его атаквала та золотая Героическая душа, но его движения были очевидно не такими быстрыми, как прежде.

Он сказал, что излечился с помощью магии, но ему, должно быть, не удалось полностью восстановиться после практически смертельных ран.

Аяка не была знакома с магией. Она не совсем понимала, но предположила, что магия полностью его исцелила.

Если подумать, то Сэйбер словно был сам не свой, когда предложил сделать всю грязную работу, если придётся.

Может, он знал, что ему недолго осталось?

Обуреваемая мрачными мыслями, она побежала сквозь вихрящуюся пыль к зданию, куда Сэйбера отбросило ударом.

Но после Сэйбера следующей целью Церберов – или этого «мира» – стал его источник энергии. Другими словами, Аяка.

— Что?..

Один из огромных зверей устремился к Аяке.

Однако его челюсти остановили вовремя подросшие полицейские с помощью Фантазмов в форме щита и алебарды.

— Не останавливайся!

— Почему?..

Несмотря на перемирие, она всё ещё была для них врагом. Почему они спасли её?

— Работа у нас такая, — ответил один из офицеров, увидев вопрошающий взгляд Аяки.

— Спасибо!.. — в последнюю секунду выдавила из себя Аяка и побежала дальше.

Она бросила взгляд через плечо... и увидела, как монстры накинулись на полицейских.

Одни получили серьёзные травмы, другие же просто лежали на земле.

За несколько секунд отсутствия Сэйбера на поле боя баланс был нарушен.

Джон и Вера давали отпор, но такими темпами они все погибнут через несколько минут.

Увидев это, Аяка со слезами на глазах взбежала по лестнице в тёмные помещения здания и направилась на этаж, где как ей казалось, должен был лежать Сэйбер.

«Почему я?..»

«Я ничего не могу сделать».

«Я даже не одна из этих “Мастеров”, или как их там звать».

«Я никогда бы не смогла...»

«Нет. Нет, нет, нет».

«Дело не в том, что мне не удалось бы стать одной из них. Я сама решила не делать этого».

«Я снова сбежала».

«Но мне больше некуда податься!»

Взбешённая собственной трусостью, Аяка просто продолжала бежать, невзирая на боль в мускулах.

Аяка знала, что она была в разы слабее Героических душ или магов.

Она также знала, что была слабее даже обычных людей. И она знала, почему.

Пол и возраст были здесь не при чём.

Аяка понимала, что подобные отличия не имели отношения к тому, что здесь считалось силой.

Причина её слабости была проста.

«Я никогда не пыталась стать сильной... Я никогда *не хотела* стать сильной...»

«Ведь гораздо, гораздо проще было сбежать».

И вот... когда Аяка почти достигла этажа, на котором, как она думала, должен был находиться Сэйбер, её глаза заметили красную фигуру на лестнице.

Аяка ахнула.

Это было обычное здание.

Разумеется, *с лифтом*.

Аяка задрожала каждым дюймом своего тела, представ перед «Маленькой Красной шапочкой». Это была галлюцинация? Призрак? Аяка не знала.

«Мне страшно».

«Страшно, страшно, страшно, страшно, страшно, страшно. Нет, нет, нет, нет, нет».

Её кости затрещали. Внутренности скрутило, будто их объяло пламя. К горлу подступила тошнота.

Но...

Она не остановилась.

— Шевелись...

Ноги Аяке были на пределе, но она заставила себя двигаться дальше, чувствуя, как ноют суставы и мышцы.

Она рыдала, глядя вверх на «Маленькую Красную шапочку».

— Можешь убить меня или проклясть, если хочешь. Уверена, у тебя есть на это полное право.

Этот мир внутри барьера в мгновение ока наполнился всевозможной смертью.

Как итог, его давящая атмосфера, должно быть, притупила страх, заставивший Аяку бежать.

— Я боюсь тебя, но...

— ----

Рот Красной шапочки - единственная часть лица, которая едва виднелась под тенью капюшона – открылся, пытаясь что-то сказать Аяке.

Но несмотря на это Аяка продолжала двигаться и попыталась обойти Красную шапочку.

— ...сейчас мне гораздо страшнее убежать от Сэйбера.

В следующее мгновение...

...губы Красной шапочки шевельнулись и раздался шёпот, который могла услышать лишь Аяка.

— -----...

— Что?..

Аяка невольно повернулась, но Красная шапочка уже исчезла.

Помедлив секунду, Аяка хлопнула себя ладонями по лицу и направилась к разрушенной стене в поисках Сэйбера.

— О... Ты добралась сюда, Аяка?

Сэйбер был там.

Он величественно стоял, как и при первой их встрече в оперном театре.

Правда, теперь он был весь покрыт кровью.

Он не рухнул лицом вниз, как это было в церкви, но его доспех частично раскололся, вероятно, от удара когтей Цербера, а из глубокой раны капала свежая кровь.

— Сэйбер!..

— Пожалуйста, не смотри на меня так. Это всего лишь царапина...

— Мы это уже обсуждали раза три или четыре. Я всё решила, так что заткнись и слушай!

— Хорошо.

У Аяки был настолько страшный вид, что Сэйбер забыл про свои раны и невольно кивнул.

— Сэйбер... ты сдерживаешься, не решаясь использовать мою магическую энергию, не так ли?

— ...

— Я больше не стану бежать от тебя или от этой Войны за Святой Грааль. Я решила сражаться вместе с тобой! Решила, правда, только сейчас! Прости меня!

- А, да... конечно.

Аяке каким-то образом удалось чистосердечно извиниться, будучи при этом исполненной гнева, а Сэйбер ответил ещё одним инстинктивным кивком.

Последние несколько дней Аяка думала об этом снова и снова, но поняла только сейчас.

Поняла, что в страхе убегала от всего, и к чему это может её привести.

В ситуации, в которой она оказалась, этот вопрос был бессмысленным. Ведь убежала она именно сюда.

Если она собиралась найти что-нибудь в конце своего побега, то ей придётся найти это здесь.

— Я даже не буду против, если ты заберёшь всю мою магическую энергию и убьёшь меня! То есть я, конечно, буду против, но лучше уж так, чем умереть с тобой здесь, не понимая даже, что происходит! И поэтому я собираюсь приложить все свои усилия!

Аяка схватила ладонь Сэйбера и прижала её к одной из похожих на командные заклинания меток на своём теле, вслушиваясь в звуки битвы снаружи.

— Если ты готов дать мне что-нибудь в обмен на магическую энергию... то научи меня сражаться. Хоть камни кидать, мне всё равно. Если считаешь, что я буду только мешаться, то покажи хотя бы, как производить больше магической энергии или как ей пользоваться!

Сэйбер на мгновение отвёл взгляд от серьёзного лица Аяки, после чего с такой же серьёзностью ответил:

— Я ценю твою отношение, и да, ты сильная. Однако... в этот раз мне не удастся дать тебе ответ.

— ?

— Ты решила сражаться за меня, но я всё ещё не решил, стоит ли Грааль того, чтобы ради него рисковать своей жизнью и рыцарской честью, попирая желания других. Поэтому я здесь не для того, чтобы выиграть эту войну. Нет, я должен посвятить дарованную мне вторую жизнь тому, чтобы защищать тебя. До вчерашнего дня я считал, что смогу уравновесить это своим любопытством... но тот стилига преподавал мне урок.

«Так я и знала», — подумала Аяка. «Он ранен. И не только физически. Сражение с золотой Героической душой вбило клин в его сердце».

Сэйбер не боялся других. Поражение и возможная смерть от руки того золотого героя его тоже явно не пугали.

Даже Аяка могла это понять и сомневалась, что это хоть как-то изменилось.

Пусть он не боялся, но без желания для Грааля у него не было причины посвящать своё львиное сердце этой войне.

Иначе он не сможет сражаться со всей своей страстью.

Аяка знала Сэйбера всего несколько дней, но ей пришлось узнать больше, чем хотелось бы, о его темпераменте.

— Поэтому мне всё равно, если я исчезну. Я втянул тебя во всё это, и твоё выживание – моя главная цель. В идеале, конечно, обеспечив твою безопасность, я хотел бы ещё раз бросить вызов тому золотому королю и потратить на битву всю магическую энергию, что у меня останется.

— Да плевать, какое у тебя желание! Даже если бы ты захотел продать Грааль ради денег, я бы и слова не сказала! Ты же хотел взять музыку с собой в рай, в этот «Трон» или как его там, разве нет? Такой детской причуды более чем достаточно!

— Ладно Трон... но в раю мне места нет.

— ?

— Я Героическая душа – всего лишь тень, запечатлённая в мире – и не знаю правды, но если рай существует, то моя душа... должна гореть в чистилище вплоть до заката человечества.

— ?..

Она уже собиралась спросить, что он имел в виду, когда рухнула очередная секция стены.

— !

Повернувшись, они увидели три огромные звериные пасти.

За время их отсутствия Цербер стал ещё больше. Внешностью он напоминал трёхголового зверя из фильма про кайдзю, гигантских монстров.

Там, куда капала его слюна, прорастали ядовитые растения.

— ^{Умри} Усни, — в унисон произнесли головы монстра. Они, похоже, готовились откусить от здания всю комнату целиком вместе с Сэйбером и Аякой. Однако не успели головы пошевелиться, как прямо перед ними упало что-то маленькое.

— ?

Аяка была в замешательстве.

Все три головы Цербера внезапно застыли.

Взгляд шести глаз монстра замер на небольшом предмете, лежавшем на полу.

Когда Аяка поняла, что это, у неё невольно вырвалось:

— Печенька?..

Она была настолько не к месту в этой смертельной ситуации.

Это было обычное печенье, сладко пахнущее мёдом, которое можно было найти по скидке в любом супермаркете.

Всё затихло, даже Цербер.

— Заграбастать Цербера... ход, конечно, классный, но неудачный.

— Ведь про его слабость знают все!

Эти радостные голоса тоже были здесь определённо не к месту.

Мальчик и девочка, которым эти голоса принадлежали, будто веселились вовсю, словно зрители на сеансе второсортного слэшера с участием Аяки и остальных.

При своём появлении они действительно уплетали купленные в магазине печенье и шоколад, словно попкорн.

В потолке открылась зияющая дыра, и из неё спустились две фигуры с раскрытым зонтиком, будто персонажи из фильма.

— Приветик. Или лучше сказать «приятно познакомиться»? Мистер Львиное Сердце и... знать не знаю, кто ты, но твоя магическая энергия впечатляет.

Девочка в наряде готической лолиты лучезарно улыбнулась, крутя в руках зонтик.

Стоявший рядом мальчик с похожими чертами лица вежливо поклонился.

— У меня полно вопросов, — сказал Сэйбер, словно озвучивая мысли сбитой с толку Аяки, — но скажите мне, зачем вам зонтик в помещении?

— Это действительно так важно? — нахмурилась Аяка, у которой на языке явно вертелись совсем другие вопросы.

Однако девочка гордо надулась и с блеском в глазах произнесла:

— Рада, что спросил! Ты действительно настоящая находка! Люблю людей, которые так реагируют!

— Ответ прост, — продолжил вместо неё мальчик, широко разведя руки в стороны.

— Потому что сейчас польётся!

В следующий миг *внутри здания* начался ливень из печенья и конфет, окрашивая серый пол потоком ярких цветов.

Это было невероятное зрелище, сошедшее со страниц сказки или какого-нибудь комикса.

Аяка лишилась дара речи, оказавшись посреди сцены, которая, как и пронизывающая атмосфера смерти до этого, тоже была оторвана от реальности, но в совершенно ином ключе.

Конфеты, падавшие вместо капель воды, начали увеличиваться в размерах. Горы сладостей поднимались к самому потолку, словно кучи сломанных машин на свалке.

А самым удивительным было то, что неподвижный Цербер громко принялся и тут же начал с жадностью пожирать ставшие огромными сладости.

— Кто вы?.. — спросила Аяка мальчика и девочку, стоя рядом с Сэйбером и не в силах постичь происходящее.

— Знаешь, мы бы хотели задать тебе тот же вопрос, — ответила девочка, укрываясь от дождя из сладостей под своим зонтиком. — Мы тут гадали, где Филия умудрилась откопать кого-то вроде тебя.

— Вы её знаете?! Где она сейчас?!

«Белоснежка», которая привела Аяку в этот город против её воли.

Аяка насторожилась, узнав, что эти двое как-то с ней связаны. Однако их ответ показался ей бессмысленным.

— А-ха-ха! Не думаю, что она вообще сейчас где-то. Её тело, правда, всё ещё разгуливает где-то здесь! Смотри не заговори с ней по ошибке. А то превратит в драгоценный камень за наглость, растрёпанность или ещё за что-нибудь!

— ?

— А, не бери в голову. Я Франческа. Это Франсуа. В этой Войне за Святой Грааль мы – фракция Истинного Кастера, зачинщики, букмекеры и баламуты одновременно... Этого тебе хватит? Ведь хватит, да?

— ?

Это ещё сильнее сбilo Аяку с толку, но Сэйбер кивнул.

— Вот как. Я ничего не понимаю, но спасибо, что спасли нас. Я слышал, что Цербер обожает мёд и печенье, но ничего такого у меня под рукой не оказалось.

— Безумие, да? Люди рассказывают байки про сторожевого пса, который всё это время пропускал преступников за печеньки, — расхохотавшись, Франческа выглянула наружу.

Аяка вздрогнула и повернулась, чтобы посмотреть, что происходило на улице, продолжая при этом следить за уминающим сладости Цербером.

Снаружи тоже шёл аналогичный дождь, и каждый Цербер был прикован к горе из конфет и печенья.

— Ох, чуть не забыла. Можешь нас не благодарить.

— Ведь мы здесь для того, чтобы осквернить тебя.

На лицах загадочной парочки сияла радостная улыбка.

— Что?

Аяка нахмурилась, глядя на них и не понимая, что они задумали.

— О? — протянула Франческа, уставившись на Аяку в ответ. — Ты стала гораздо смелее с тех пор, как Кашура чуть не убил тебя в первый день.

— Кашура... Ты знакома с тем парнем, что был в оперном театре?!

— В точку. Тогда у тебя на лице застыло такое выражение, будто тебе было плевать даже на собственную жизнь. Неужели компания героя в лице мистера Львиное Сердце придала тебе сил? Или же ты просто маленькая хитрая лисица, мегера, которая стала слишком самоуверенной, когда подружилась с кем-то сильным? Что из этого правда?

— Чего?..

Аяка запнулась из-за внезапной смены темы разговора. Она не была уверена в том, что второй вариант никак к ней не относился.

Однако Сэйбер высказал своё честное, ничем не приукрашенное мнение вместо неё.

— В смысле? Аяка с самого начала была сильной. И нет ничего странного в том, чтобы набраться уверенности рядом с тем, кому можно довериться, независимо от того, сильный ты или слабый. К тому же, пусть у Аяки действительно внушительные глаза, как у лисы, она не пакостит в садах и на фермах и не обманывает людей, притворяясь кошкой.

— И ты говоришь это от всего сердца? Отлично! Я знала, что ты просто нечто!

Сарказм Франчески явно не угодил в цель, но парочка по какой-то причине явно была удовлетворена.

Они вновь обратили своё внимание на Аяку и произнесли, кружась, словно в танце:

— Повезло тебе. Завидую. Аяка, верно?

— Ты умудрилась наткнуться на хорошего короля! Неудивительно, что в тебе прибавилось смелости! Неудивительно, что ты можешь ему доверять!

— Поэтому, пока ещё не поздно, мы приносим свои извинения. Простите!

— Мы, конечно, не против, если вы затаите обиду. Если же нет, тогда будем друзьями! Ах да, ваши тела не пострадают, так что можете не переживать на этот счёт. Ура!

Аяку этот поток провокаций невольно начал раздражать, поэтому она открыла рот, чтобы высказаться в свою очередь:

— Эй, о чём это вы, чёрт побе...

Однако, спустя мгновение...

— Мы просто немного потопчемся на объекте обожания Его Величества.
Франческа взмахнула зонтиком, и мир вывернуло наизнанку.

Это был прекрасный замок.

Не отчищенный до блеска, как туристическая достопримечательность, но за теми дверьми и садами, что можно было увидеть, явно хорошо ухаживали. Тронутые временем каменные стены придавали замку торжественное величие и фантастически гармонировали с его расположением посреди леса.

— Ч-что?!

Крик Аяки был пронзительным и дрожащим.

Она знала, что ещё несколько секунд назад они находились в здании.

Однако теперь холодный бетон, осколки стекла и, что самое главное, горы сладостей с монстрами, которые их пожирали, исчезли без следа.

Словно всего этого вообще не существовало.

Но громкий вопль Аяки был обусловлен не тем, что всё вокруг изменилось.

В конце концов, она только что видела, как мир вывернуло наизнанку.

Почему же её пульс подскочил до небес, а тело покрылось потом?

Потому что она узнала это место.

— Не может быть. Это... замок в Фуюки?..

— Где?

Аяка испугалась, услышав рядом голос, и повернулась.

Сэйбер стоял там же, где и был до сего момента.

— Слава богу! Ты в порядке?!

— Да, но я удивлён. Это... даже более невероятно, чем «проекция местности» прохвоста Сен-Жермена. Это иллюзия. При этом идеально обманывающая наше восприятие. Мы можем не только видеть всё это, но и чувствовать аромат ветра и даже ощущать температуру почвы.

— Иллюзия? Не телепортация или что-нибудь ещё в этом духе?

— Нет, физически мы вряд ли сдвинулись с места. Полицейских я здесь не вижу, так что они, должно быть, обманывают наши чувства, а не само пространство. Мой спутник-маг много о таком знает.

— О, правда? Мне интересно, что это за спутник у тебя такой.

Услышав голос мальчика, назвавшегося Франсуа, Аяка огляделась.

Но несмотря на то, что Аяка слышала голос, поблизости его нигде не было. Далее последовала насмешка от Франчески.

— Блин. Я хотела заставить вас принять это за телепортацию и немного повеселиться. Вот облом.

— О, я очень даже впечатлён. При жизни мне никогда не приходилось видеть иллюзию такого уровня. Сразу вижу руку мастера. Может, станешь моим придворным магом? Им должен быть Сен-Жермен, но я звал его и не получил ответа. Так что, думаю, вполне можно взять тебя на замену.

— Эй, наверное, уши обманывают меня, но я то и дело слышу имя, которое мне не нравится.

— Я тоже. Знаешь, этот король как раз из тех, к кому может заявиться ни на что не годный шарлатан-извращенец.

Радости у Франчески и Франсуа явно поубавилось.

— О, я бы так не сказал, — как ни в чём не бывало произнёс Сэйбер. — В худшем случае он самый странный из мелких аристократов-бездельников.

— Разве это не ещё хуже?

Аяка, которая видела «Сен-Жермена» в своих снах, не стала развивать тему, но это помогло ей достаточно успокоиться, чтобы начать мыслить трезво.

— Вот как... Зачем вы показываете мне образ моего родного города?

— Чего? А, так ты из Фуюки.

— А?

Поскольку они явно знали Филию, Аяка предположила, что иллюзия была направлена на неё, но это, видимо, было не так.

В таком случае почему Фуюки?

Пока Аяка гадала, за её спиной что-то изменилось.

Не успела она услышать звуки приближения чего-то большого, как «это» пронеслось мимо них, сминая деревья под раскаты грома.

Тем, что на огромной скорости устремилось прямо к большим воротам, ведущим в замок, была повозка, которую тянули за собой крупные быки.

Аяка могла описать это лишь как «повозку», но Ричард всё понял с первого взгляда.

— Это... колесница? Быки, окружённые молниями... Неужели это божественные быки?! Значит, это был царь Гордий! Нет...

Сэйбер, который был без ума от героических легенд и мифов, тотчас же осознал, что это была за колесница и кто её управлял.

Лишь двое мужчин вели её в бой на древних полях сражений.

— Поверить не могу... Сен-Жермен говорил, что он был гораздо крупнее, чем говорится в легендах, но я думал, что это преувеличение...

— Ты знаешь, кто это?

— Да... Если не ошибаюсь... это завоеватель, который начал свой поход в Македонии с целью покорить весь континент... *Александр Великий!*..

«Александр Великий? Кажется, я слышала о нём...»

Аяка мало что знала о легендарных героях. Просто имя Александра, как и Ричарда Львиное Сердце, она уже где-то слышала прежде. Однако детская радость, которой лучился Сэйбер, говорила о том, что он был исторической фигурой и героем, который жил даже раньше, чем Ричард.

«Значит, он тоже Слуга?..»

Рыжеволосый мужчина излучал необычайную ауру присутствия, но при виде вопящего юноши рядом с ним Аяке немного полегчало.

Наверное, причиной тому было чувство некого родства, потому что по ощущениям этот черноволосый юноша с детским лицом, как и она, был «немагом».

Закрытый город. «Кристал Хилл». Верхний этаж.

— Ты сказал «дождь из сладостей»?.. — эхом разнёсся прозвучавший из динамиков смущённый голос Эль-Меллоя II.

Он услышал о происходящем от Флата, но быстро всё понял и озвучил своё мнение:

— Понятно... Цербер – чужеродный элемент в этой безликой преисподней. Кем бы ни был этот маг, должно быть, он сыграл на характеристиках этого зверя. Однако... к какой бы школе магии он ни принадлежал, столь необычный феномен, затрагивающий такую большую площадь – магия весьма высокого порядка... Есть большая вероятность, что мы имеем дело со Слугой.

— Иллюзионисты! Чёрт бы их побрал! Лезут не в своё дело! — гневно прокричал гримасничающий двойник Джестера, что резко контрастировало со спокойным анализом Эль-Меллоя II.

«Этот божественный зверь должен вернуть себе былую силу, если поглотит достаточно мертвецов», — подумал про себя Джестер. «Конечно, всё зависит от количества магической энергии, но если мне повезёт, то в силе он сравняется с могущественным Слугой...»

Уголки его губ вновь поползли вверх.

— На сервировку стола ушло столько усилий, так что я, пожалуй, помогу. Совсем немного.

— Что ты задумал, мерзавец?! — взревела Ассасин, уничтожая гротесков, которые проникли внутрь через окна.

— Ничего такого. Для начала я просто убью всех полицейских на перекрёстке, после чего запихаю их в брюхо Цербера вместо всех этих конфет.

— Я не позволю... ох...

Ассасин бросилась на Джестера, но путь ей преградили бесчисленные чёрные гротески.

— О, похоже, этих существ – весь этот мир, точнее – в первую очередь интересуют Слуги. Будь осторожна. То же касается знаменитого убийцы, — добавил Джестер, глядя на наручные часы Флата. В его голосе промелькнул намёк на уважение, но это заметил лишь сам Джек.

— Спасибо за предупреждение.

«Что дальше, Флат? Ты справишься?» — телепатически обратился Джек к Флату и цокнул языком про себя, расстроенный тем, что его обнаружили.

«Хм-м. Я почти закончил».

Джестер, который понятия не имел, о чём с помощью телепатии переговаривались Джек и Флат, продолжал дразнить Ассасин с выражением экстаза на лице.

— Хи-хи. Тебе не понравится, если я убью тех копов? Ты же сама с ними сражалась в полицейском участке, разве нет? Дай порезвиться немного с их жизнями, зачем тебе меня останавливать? Похоже, тебя не волнует то, что я собираюсь усилить Цербера.

— Я не позволю тебе делать всё, что вздумается. Вот и всё.

— Нет, я так не думаю! Ты узнала, что они пытаются защитить Куруока Цубаки, и теперь проявляешь к ним уважение, пусть вы и враги. Я ведь прав. Да, я знаю. Знаю всё про тебя. Однако ты пока совсем не понимаешь магов.

— Молчать!

Она метнула спрятанный кинжал, но оружие лишь вновь пролетело сквозь тело Джестера и лишний раз подтвердило, что его настоящее тело находилось не здесь.

— Маги – прагматики до мозга костей. В конечном итоге они решат убить Куруока Цубаки. Но это правильный выбор, Ассасин. Этот мир вышел из-под контроля и вскоре проникнет за пределы барьера... в настоящий Сноуфилд! Любой герой на стороне человечества должен сделать выбор в пользу наименьшего числа жертв и как можно быстрее! Смерть одной девочки может спасти восемьсот тысяч людей... может даже весь человеческий род! — произнёс двойник Джестера и с радостью продолжил: — Да, тот наёмник на которого ты положила глаз, может убить малышку Цубаки прежде, чем до неё доберётся кто-нибудь ещё! В этом что-то есть! Очень хочу увидеть твои гнев и отчаяние после того, как тебя предаст человек, которому ты доверяла!

— ...

«Как тебе такой гнев?» — будто бы говорил убийственный взгляд Ассасин, когда она вышвырнула последних цеплявшихся к ней гротесков в разбитое окно.

Яростная и безмолвная Ассасин встретила лицом к лицу с весёлым и болтливым кровососом. Каждый, казалось пребывал в собственном мире.

Однако Ханза нарушил молчание, не обратив внимания на напряжённую атмосферу.

— Эй, мертвяк.

— Чего тебе, экзекутор? Не лезь. Мы только начали веселиться.

— В полицейском участке ты сказал, что отвергаешь человеческий порядок, — продолжил Ханза, несмотря на очевидное раздражение Джестера. — Что Мёртвые Апостолы существуют для того, чтобы осквернять человеческую историю.

— Ну и? Экзекутор вроде тебя должен знать такие очевидные вещи.

— Эта Ассасин – часть человеческой истории. Её тоже отвергнешь? Ты оскверняешь её, но это презрение произрастает не из отрицания. Ты пытаешься испортить её своей извращённой похотью, потому что очарован ею, потому что не можешь её отринуть. Я ведь прав?

— К чему ты клонишь?..

Все следы эмоций стёрлись с лица Джестера. Ханза пропустил его вопрос мимо ушей и спокойно сменил тему.

— Кстати, я говорил тебе, что сильных Мёртвых Апостолов можно сразить с помощью освящённого оружия, Мистических глаз или первоклассного мага... Помнишь такое?

— Ну и что? Пытаешься выиграть время? Зря, потому что у вас его почти не оста...

Сквозь двойника Джестера пролетел Чёрный ключ.

Когда он вонзился в стену позади него, Ханза произнёс:

— Моему освящённому оружию не достать твое тело, если его здесь нет...

— ?

— Но к счастью... у меня как раз есть первоклассный маг, который с этим поможет, *Доротея*.

— ...

На мгновение время для Джестера будто остановилось.

Флат воспользовался этим секундным промедлением и сотворил свою магию.

— Начать вмешательство!

В следующий миг магическая энергия разлетелась по комнате во всех направлениях, отразилась от Тайных знаков монахинь, рассредоточившихся по укрытиям, и превратилась в упрощённый поток.

Он устремился к Чёрному ключу, который метнул Ханза, и заклинание начало действовать.

— Гха?!.. Что... А-а-а-а!

Джестер в мгновение ока задрожал всем телом. Пусть это был лишь двойник, но он стонал с выражением агонии на лице.

— ?!

Ассасин была в замешательстве.

Причиной тому было не само заклинание и не его способность нанести вред Джестеру.

Как только священник назвал Джестера «Доротеей», явно изумлённый кровосос полностью потерял к ней интерес.

Джестер рухнул на колени и посмотрел на Ханзу налитыми кровью глазами.

— Будь ты проклят... Что ты?..

— О... Флат, давай вкратце.

— Лады! Ты двойник, так что я просто проследил потоки магической энергии и атаковал настоящего тебя!

— Невозможно, — выплюнул Джестер, глядя на беспечного Флата. Его лицо всё ещё было искажено болью. — Мои двойники не какие-то там обычные...

— Ну да, я в курсе! Ты подготовил душу – или, наверное, лучше сказать «ядро» - для каждого и превращаешься, надевая их на своё настоящее тело, как Тайные знаки, верно? Значит, ты также заставляешь каждого двойника мыслить и

действовать независимо, да? Затем ты переключаешься между ними, при этом врубая по сути помехи – или что-то вроде помех, чтобы нас запутать, и... Блин, мне едва удалось нащупать шаблон! На это ушла куча времени, но было очень весело!

— Ты... всё это понял? Так быстро?..

Боль на лице Джестера вытеснил страх.

— Кто ты такой, чёрт побери? Ни одному магу такое... Проклятье. Сперва этот наёмник, который откуда-то знал про мои превращения, теперь это... Пожалуй, не стоило ожидать, что Война за Святой Грааль будет лёгкой...

«Если его двойник действительно испытывает такую боль, значит, настоящее тело, возможно, в данный момент обездвижено», — решил Ханза.

Ему хотелось узнать, какое заклинание Флат направил к главному телу, но времени на вопросы не было. Сохранив невозмутимый вид, он продолжил наблюдать. Джестер тем временем обратил своё внимание на него.

— Но сейчас важно не это... а ты, священник.

— Что я такого сделал? Для меня честь получить такую изумлённую реакцию, всего лишь назвав твоё имя. А, можешь больше не скрывать этого: ты ведь просто слишком высокого мнения о себе, верно?

— Не прикидывайся дураком! — взревел Джестер, голос которого был пропитан ненавистью и смятением. — Сволочь... Как ты узнал?!..

— Значит, информация верна, — вздохнув, ответил Ханза. — Мне нужно официально благодарить за это?.. Будет плохо, если кто-нибудь узнает, учитывая моё положение.

— ?..

Джестера это, похоже, смутило. Однако спустя мгновение в комнате раздался ещё один голос:

— *Нам не нужна твоя благодарность, заклятый наш враг.*

Голос прозвучал из кармана рясы Ханзы.

Сунув туда руку, он достал мобильный телефон.

Не тот, что был на связи с Лордом Часовой башни. Этот принадлежал Ханзе.

Должно быть, он всё это время был на громкой связи, а звонивший, которому принадлежал голос, попросту хранил молчание.

Обладатель голоса, элегантного, но при этом обладавшего невероятной глубиной, озвучил свои причины сотрудничества с Ханзой:

— *Я всего лишь помог потомку старого друга, не тебе.*

— Этот голос...

На лице Джестера промелькнуло головокружительное множество эмоций.

Замешательство, возбуждение, гнев... и затем отчаяние.

— *В качестве компенсации я требую избавиться от этого мусора. И ничего более. Тебе незачем меня благодарить.*

При звуках этого «голоса», обладатель которого так и не удостоил его вниманием, Джестер мысленно покрылся холодным потом и невольно пробормотал:

— Почему?..

— Позволь представить, — спокойно произнёс Хазна, тем самым сыпая ещё больше соли на раны кровососа. — Это «первоклассный маг», который согласился протянуть руку помощи.

— Я не верю... Зачем Вы так?!..

Джестер застонал от агонии, пронизывающей каждый дюйм его тела. На его лице застыла маска замешательства.

— А, всё просто! — отозвался Флат без всякого намёка на напряжение.

— Что?..

— Я понял, что такой сильный кровосос, как ты, наверное, очень известен среди других кровососов, вот и решил, что стоит спросить того, кого я знаю!

— А?.. — ошеломлённо воскликнул Джестер. Тон Флата был таким беззаботным, что он даже забыл про боль.

— Есть лишь один знакомый мне кровосос, с которым мы обменялись номерами.

Флат поднял большие пальцы вверх, довольный тем, что его предположение оказалось верным, и назвал имя мужчины на другом конце провода:

— И... бинго! Я так и знал, что мистер Ван-Фем в курсе, кто ты такой!

×

×

В то же время. Фуюки (иллюзия).

— Что это?.. Я как будто ощутила что-то мерзкое.

— Может, тебе показалось? — вклинился Прелати, сидевший рядом с озадаченной Франческой и уминавший сладости.

Они активировали две иллюзии внутри мира-барьера Куруока Цубаки с помощью Благородного Фантазма «Великая иллюзия».

Во-первых, они обманули сам мир-барьер, чтобы запереть Сэйбера и Аяку в замкнутом пространстве.

Во-вторых, они наложили иллюзию, чтобы обмануть их чувства.

В данный момент Сэйбер и Аяка видели образ Фуюки. Их словно увешали гаджетами для виртуальной реальности с головы до ног.

Прелати весело болтали, наблюдая за ними в Фуюки с помощью зеркала.

— Ну же! Что тебе нравится жевать при просмотре фильмов, попкорн или чурро? В любом случае, лучше доставай это сейчас! Пончики и хот-доги тоже неплохой выбор! Ты ведь тоже так думаешь, ^{Франсуа}я ?

— Хватит выделываться, ^{Франческа}я . Ты ведь прекрасно знаешь, что в моё время ничего из этого ещё не было.

— Я слышала, что попкорн появился задолго до нас. По крайней мере, на этом материке.

— Серьёзно?! Это ведь, получается, Эпоха богов! Попкорн просто невероятен! Даже божественен!

— «Попкорн»... Звучит заманчиво. Вот бы мне попробовать еду с такой историей.

Сэйбер проглотил слюну, залечивая рану на животе с помощью магии своего «спутника».

— Куплю тебе, сколько захочешь, если выберемся отсюда.

Аяка, которая решила не подыгрывать Сэйберу и его привычному поведению, осматривала окрестности.

Крупный рыжий мужчина и черноволосый юноша – судя по всему, его Мастер – ворвавшиеся в замок, всё никак не появлялись из ворот, которые они вышибли.

Учитывая, что даже цветы перестали покачиваться на ветру, Франческа и Франсуа, видимо, поставили свою иллюзию на паузу.

— Ну ладно, — вновь раздался голос над их головами. — *Лучше тебе воздержаться от закусок, чтобы сосредоточиться! Ведь при жизни у тебя не было шансов увидеть такое классное зрелище!*

— Да? Жду не дождусь! Вы заставите меня сражаться с Александром Великим в этой своей иллюзии?

— *Это тоже было бы весело, но впечатления уже далеко не те, когда понимаешь, что это иллюзия. Разумеется, я гарантирую, что тебя ждёт ещё более захватывающее представление. Всё-таки весь смысл в том, чтобы показать тебе кое-что, чего ты никогда не видел.*

Пока Франческа говорила, пейзаж вновь пришёл в движение.

Спустя какое-то время высокий рыжий мужчина показался вновь с огромной бочкой на плече.

Затем появился юноша, который явно нервничал. За ними следовали другие фигуры.

— Это... Филия?! — невольно воскликнула Аяка. — Нет, выглядит немного иначе...

Одной из них была прекрасная женщина с такими же развевающимися белоснежными волосами, как и у Филии.

Рядом с ней шла женщина поменьше с суровым выражением на лице, облачённая в серебряный доспех поверх голубого платья.

— Кто это?.. Похоже, Героическая душа, но... женщина-рыцарь... может, Жанна д'Арк? — повернувшись к Сэйберу, спросила Аяка, выудив откуда-то из памяти подходящее имя.

— Что?..

Она невольно ахнула.

Привычная беспечная улыбка исчезла с лица Сэйбера. Оно было пронизано чистым благоговением, исключаящим любые другие эмоции, как будто он стал свидетелем конца света.

— Это... сон?

— Нет, иллюзия. Ты же сам сказал... Хм? Ты... её знаешь?

«Неужели это его жена, сестра, дочь или ещё кто...»

Аяка забеспокоилась, что она могла быть кем-то из его близких. Сэйбер слегка покачал головой, не сводя глаз с женщины.

— Нет, я никогда её прежде не видел.

— В смысле?

— Подожди, — кое-как сумел ответить ошеломлённый Сэйбер смущённой Аяке, — я спрошу у своих спутников... Ого... Поверить не могу...

Сэйбер будто врос в землю, стиснув кулаки.

— Есть лишь две причины, по которым я ещё не стою на коленях, — сказал он Аяке.

— А зачем тебе на них ставать?..

— Во-первых, несмотря на все мои ошибки, я всё ещё король. Будет несправедливо по отношению к моим подданным, если я преклоню колено так легко.

Аяка не могла понять, говорил Сэйбер спокойно или же нет. Но в следующий момент решила, что «нет».

— Во-вторых... я не хочу даже на секунду упустить из виду легенду, за которой я гонялся всю свою жизнь.

Он даже не хотел опускать взгляд, чтобы преклонить колено.

Поведение Сэйбера подсказало Аяке, чем была эта девушка в облачении цвета синевы и серебра.

Подсказало, но ей сложно было это принять.

Насколько ей было известно, этот герой, про которого слышала даже она, был мужчиной.

Но никаких других вариантов ей в голову не пришло, и поэтому она произнесла имя вслух.

— Неужели... это король Артур?..

Центральный герой легенд Круглого стола, о котором мать Сэйбера рассказывала так много историй во сне Аяки и которого Сэйбер назвал «первым королём в моём сердце».

Аяке нелегко было в это поверить, но её благородное происхождение было очевидно, а величественную ауру, которую она излучала, не мог затмить даже огромный Александр, шедший впереди.

— А? Но ведь это же девушка... Почему?

— *Артура Пендрагон*, — словно отвечая на её вопрос, раздался с небес голос, который могли слышать только Аяка и Сэйбер. — *Это кстати настоящее имя*

короля Артура. *Смотри не напиши это на тесте по истории. Баллов за такое точно не дадут.*

— Неужели это?..

— Ага. Эпизод из Войны за Святой Грааль в городе Фуюки. Правда, пятнадцатилетней давности. Блин, ты даже не представляешь, как мне повезло! Видишь ли, эта колесница с молниями тогда разрушила барьер вокруг замка. Мне удалось увидеть трёх королей вместе!

— Трёх?

Значит, вот-вот появится ещё один?

Не успела Аяка подумать об этом, как следом за Артуром и Александром Великим показался последний король, всем своим видом выражавший недовольство.

— !..

Это был золотой герой, победивший Сэйбера в церкви.

— Ха-ха-ха! Не бойся! — рассмеялась Франческа, увидев, как насторожилась Аяка. — Я всего лишь воссоздаю то, что видели мои фамильяры!

— Для чего?.. Зачем вам всё это?!

Аяка устремила гневный взор в небо, на что голоса мальчика и девочки ответили:

— Мы просто хотим показать вам.

— Ага! И затем увидеть, как отреагирует Его Величество! Пятьдесят на пятьдесят, как говорится! Все в выигрыше!

— Мы всё покажем в знак уважения к Львиному Сердцу, который был так популярен в народе. Вы увидите, каков великий «король Артур», ещё большая легенда, чем Львиное Сердце, его моральная поддержка и основа для его рыцарства, **на самом деле.**

На секунду мир заполнил шум.

Пейзаж размылся так, что Аяке показалось, будто она слышит гул статичеких помех, и мир в мгновение ока преобразился.

Нет.

Он продолжал преобразаться.

Появился образ огромного моста в Фуюки.

Появился образ короля Артура, сражающегося с копейщиком в гавани.

Появился образ Героических душ, сошедшихся в бою с гигантским монстром в реке, и странного рыцаря, слившегося воедино с боевым самолётом.

Появился образ мага, убивающего мужчину в инвалидном кресле.

Появился образ рушащегося отеля.

Фантастические сцены, разворачивавшиеся посреди знакомого Аяке пейзажа, сменялись одна за другой.

Но никто из людей или Героических душ не заметил ни Аяки, ни Ричарда. Некоторые фигуры даже проходили прямо сквозь них.

Возможно, они были лишь «зрителями», не способными как-либо повлиять на происходящее.

Головокружительная смена образов попросту нервировала Аяку.

Среди них был и район Курокидзака, который она не хотела видеть.

На мгновение в углу её поля зрения показался многоквартирный дом Семина. От этого Аяке показалось, будто её сердце сжали в кулаке, а дыхание стало прерывистым.

Когда она инстинктивно опустила взгляд, вновь раздался голос Франчески:

— *Это был лишь трейлер! Мы ведь обожаем трейлеры, да?! Ладно, пора переходить к основному показу! Это частичная запись Четвёртой Войны... но мы переделали её в хорошую документалку, так что наслаждайтесь! Спойлер, конечно, но хэппи-энда не будет!*

Появился очередной образ, но в этот раз он длился более, чем несколько секунд.

Женщина, очень похожая на Филию, сходила по трапу самолёта в аэропорту. Её сопровождал король Артур в чёрном костюме.

Это походило на открывающую сцену какого-нибудь фильма. В воздухе появились буквы, чтобы Аяка могла их увидеть.

Это был очаровательный логотип со словами «Монтаж: Франческа Прелати» на японском и английском.

От такого дурновкусия у Аяки дёрнулась щека, но когда она бросила взгляд в сторону, то увидела, что Сэйбер всё ещё внимательно наблюдал за происходящим без тени эмоций на лице.

«Сэйбер...»

«Эта девушка и вправду король Артур, на которого ты так равнялся?..»

Напряжённость Сэйбера оказалась заразной, и Аяка больше не сводила глаз с иллюзорного мира.

— *Надеюсь, тебе понравится увидеть обожаемого короля Артура в истинном цвете,* — злобно объявил Франсуа. Видимо, он понимал, что его аудитория была вся внимание, и поэтому воспроизвёл в иллюзии неестественный звон колокольчика, сообщающего о конце антракта.

— *И момент, когда собственный Мастер предал её и растоптал её желание.*

×

×

Закрытый мир. «Кристал Хилл». Верхний этаж.

— *Это было захватывающе, Флат,* — произнёс голос из динамика мобильного телефона Ханзы.

— Вот и славно! — с облегчением отозвался Флат. — Вы всё это время были на громкой связи, но не сказали ни слова. Я уж было решил, что Вам скучно...

— *Мне даже довелось услышать лекцию Лорда Часовой башни. Так что для меня это полностью выигрышная сделка.*

— Подожди-ка, Флат, — донёсся из телефона на алтаре голос вышеупомянутого Лорда. — Чей это голос? Похоже, если уши меня не обманывают,

я услышал имя, которое часто всплывало в связи с твоей родиной... Ты связался с ним ещё до того, как позвонил мне?!

— П-простите, сэр! Я по очереди звонил вам обоим, но связь с Монако наладилась первой, так что...

— Это была замечательная лекция, мой Лорд. Похоже, моя судьба тесно связана с Вашими учениками.

— Прошу прощения за это.

Это было всё, что Эль-Меллой II смог выдавить из себя, прежде чем замолкнуть. Тем временем мужчина на другом конце телефона Ханзы обратился к Флату богатым глубоким голосом, словно вспоминая былое:

— *Всё же... это напомнило мне, как я впервые услышал радиопостановку лет восемьдесят назад. Полагаю, это был «Граф Монте-Кристо». Разумеется, наш сегодняшний злодей меркнет в сравнении с ним.*

— !..

Одного голоса Джестеру хватило, чтобы понять, что последние слова были направлены на него.

Это было ясно из смысла слов, но Джестер ощущал пристальный взгляд говорившего на ещё более базовом уровне.

Может, этот мужчина и не смотрел на него на самом деле, но, вероятно, следил за каждым движением Джестера. Джестер знал, что имеет дело с существом именно такого уровня.

И это существо попросило таким будничным тоном, словно заказывало утренний кофе в номер отеля:

— *Флат. Это хорошая возможность, так что сделай мне одолжение и избавься от этого.*

— !..

Нервы Джестера будто застыли.

Он сразу же понял, что подразумевалось, под «этим».

Это осознание растопило шок и трепет, сжимавшие его сердце, и он наконец обратился к мужчине на другом конце провода:

— Вы... Вы действительно собираетесь мне помешать, Лорд Вандельштам?!

— ...

Джека данный разговор немного застал врасплох.

«Вот как».

«Не то, чтобы я сомневался в словах Флата... но он, похоже, действительно серьёзный кровосос».

«Говорит, как любезный старый джентльмен, но за этим скрывается угрожающая аура могущественного владыки».

Валери Фернанд Вандельштам.

Он же «Ван-Фем».

Тот самый «знакомый кровосос», которого упомянул однажды Флат, но он, похоже, был гораздо более важной фигурой в подпольном мире, чем Джек себе представлял.

Если верить Ханзе, он входил в тридцатку особенных, высших Мёртвых Апостолов и также обладал «человеческой личиной» главы одной из ведущих мировых корпораций.

Он был уникальным существом, наладившим крепкие связи с человечеством не с помощью поглощения крови или способностей Мёртвых Апостолов, а благодаря экономической мощи и влиянию – поистине ужасающим кровососом, обладавшим могуществом как человек и как Мёртвый Апостол.

Разумеется, для Флата он был «очень богатым и очень сильным кровососом, владеющим казино на стильном круизном лайнере у него на родине».

Этот Мёртвый Апостол, заслуживший прозвище «Дьявол», на мгновение замолк. Когда же его голос вновь зазвучал из динамика, он будто не отвечал Джестеру, а говорил сам с собой.

— Мёртвые Апостолы – это те, кто отвергает человеческую историю... да?

Должно быть, он уже решил, что Джестер был не достоин его внимания.

— Вот как. Это вполне верно, — бесстрастно продолжил он, словно разъясняя всё Флату и Ханзе. — Вот почему ты отвратителен. Говоришь, что отвергаешь человеческий мир, но при этом влюбился в Призрака прошлого – Героическую душу – которая, возможно, является апофеозом человеческой истории. Именно это называют двойными стандартами.

— !..

— Можешь сколько угодно насмехаться над людьми, издеваться над ними, я не против. И наоборот, можешь влюбиться в фанатичку с красивыми убеждениями. Относиться к людям по-разному вполне естественно. Но менять свою позицию Мёртвого Апостола – свой образ бытия – в зависимости от того, с кем ты имеешь дело? Это ненужная ошибка в мире.

Ханза был уверен.

Если бы Джестер осквернил Ассасин, руководствуясь исключительно своим извращённым желанием, и ничего бы не говорил про «отрицание человеческой истории», этот Мёртвый Апостол по имени Ван-Фем вообще не стал бы вмешиваться.

Он понятия не имел, как бы поступил Ван-Фем, если бы Джестер заявил, что запечатал свою природу Мёртвого Апостола ради любви, но, по крайней мере, на текущий момент тут можно было лишь строить гипотезы. Ханза решил отложить этот вопрос.

Когда Флат рассказал Ван-Фему про Джестера, прежде чем связаться с Лордом Эль-Меллоем II, Ван-Фем изначально тепло отозвался о нём, назвал своим единомышленником по гуманности. Может, Джестер и являлся декадентом со склонностями к разрушительным доктринам, но он был Мёртвым Апостолом,

который, по крайней мере, считал человечество достойным того, чтобы разделить с ним смерть.

Но как только Ханза описал события в полицейском участке – как Джестер использовал свою силу, чтобы отринуть человеческую историю, заявляя при этом о своей любви к Ассасин – Ван-Фем резко похолодел.

Именно тогда он назвал настоящее имя Джестера – Доротея.

Было очевидно, что этот могущественный Мёртвый Апостол руководствовался строгими правилами, которые Джестер нарушил.

«Если бы Джестер этого не сделал, то Ван-Фем, наверное, встал бы на его сторону и выступил против нас. Поэтому-то я и ненавижу иметь дело с Мёртвыми Апостолами».

Ван-Фем был крупной целью, как раз для Похоронного агентства, организации, о которой Ханза был очень высокого мнения.

Священник оставался настороже, не зная, когда Ван-Фем решит что-либо предпринять, но Мёртвый Апостол, похоже, всё понял.

— Кажется, Вы сказали, что Вас зовут Ханза? Не бойтесь. Как и Лорд Часовой башни, я всего лишь зритель, наблюдающий с безопасного расстояния. Вам не о чем беспокоиться.

— Премного благодарен. Говоря от лица Церкви, с нетерпением жду от Вас щедрых пожертвований.

— Чеки принимаете? — спокойно отозвался эксперт по финансам, не обратив внимания на насмешку Ханзы. — В последнее время я радею за экологию и предпочёл бы не тратить больше энергию на этот долгий звонок.

Не успел Ханза понять, шутит он или нет, как Ван-Фем быстро попрощался и повесил трубку.

Он ни разу не обратился к Джестеру напрямую, и это ярко показывало, что Ван-Фем разорвал с ним все связи.

— ...

— Эм-м... Мистер Фем, похоже, очень разозлился. Ты как? Если хочешь помириться, то лучше начать с электронного письма. Даже если он не будет отвечать на звонки, я уверен, что секретарша проверяет всю его почту, — произнёс Флат, тем самым нанеся критический удар по Джестеру, который всё ещё неподвижно стоял на коленях.

Ханза рассудил, что двойник больше не представляет угрозы и жестом отдал приказ монахиням.

— Жаль, конечно, но если у тебя есть время слать письма, то лучше напиши исповедь в Церковь. Потому что сейчас мы выследим и уничтожим твоё настоящее тело.

«Это был один из предводителей чудовищ».

«По одному его голосу было понятно. Он ужасный враг... Но сейчас не время думать о нём».

Ассасин на секунду задумалась над тем, как поступить дальше, после чего, по всей видимости, решила, что ей некогда сражаться с двойником, и предприняла попытку выпрыгнуть в окно – чтобы отправиться туда, где находилась Куруока Цубаки.

Однако разбитое окно накрыла тень, и путь ей перегородила огромная фигура.

Это был не похожий на дым демонический зверь и не сам Цербер. Нет, это существо представляло собой ещё более совершенный символ смерти: скелет, обожжённый угольно-чёрным пламенем.

Ещё одной примечательной чертой был его рост, примерно равный высоте самого «Кристал Хилл».

— Фига! Восставший гигант!

Флат был напуган, словно школьник. Джестер тем временем медленно поднялся с колен.

— Фига! Восставший вампир!

Это испугало Флата ещё сильнее.

— *Заклинание всё ещё должно действовать*, — вклинился Джек, по-прежнему пребывавший в форме наручных часов.

Этот Джестер, может, и был двойником, но это вовсе не означало, что он не мог атаковать их.

Все, кто был в комнате, напряглись, глядя на подавленного и молчаливого Джестера. Как вдруг...

— Хи-хи..., — слетел с его губ негромкий смешок. — Вот, значит, как. Меня отлучили от Мёртвых Апостолов.

На мертвецки бледном лице Джестера возникла улыбка, в которой отчётливо читалось безумие.

— Значит, теперь мы просто идеальная пара, моя дорогая Ассасин.

— Что ты имеешь в виду? — нахмурилась Ассасин, предчувствуя нечто зловещее.

— От тебя отреклись старейшины, невзирая на твою истовую веру, от меня же отказалась, по сути, вся прогуманистическая фракция из-за моей истовой любви. Да, теперь я вижу! Теперь понимаю твой взгляд! Понимаю это в своей душе! Нам поистине было предначертано встретиться друг друга!

— Перестань. Ты говоришь, как сталкер, которого уволили с работы после ареста.

Ханза явно испытывал отвращение, но ему некогда было слушать.

Он обратил внимание на гигантского скелета и задумался, должен ли он уничтожить его или же спастись бегством.

Затем здание с громким звуком содрогнулось.

Было очевидно, что произошло.

Скелет поднял руки и начал наносить удары по отелю-казино.

— О! Это превосходит даже мои самые дикие ожидания! Вот он какой, мир, построенный на грёзах и смерти! Его кошмарам будто нет конца!

Джестер оживился ещё сильнее, продолжая улыбаться сквозь боль, терзающую его тело.

— Будь по-Вашему, Лорд Вандельштам! Я докажу Вам! Я заполучу Грааль вместе с моей возлюбленной Ассасин! С его помощью мы пробудим паука и уничтожим человеческую расу! Я вновь начну ценить человечество, когда от человеческого порядка останется лишь Ассасин! И тогда Вы закатите вечеринку, чтобы благословить наш с ней союз, Лорд Вандельштам!

— Мне кажется, или парень спятил?! — прокричал Флат. — Наверное, я переборщил с силой заклинания...

— Не волнуйся, — ответил Ханза. — Он всегда такой.

Ассасин, которая тоже знала, как себя обычно ведёт Джестер, без промедления принялась планировать нападение на скелета.

Внезапно пламя, вырвавшееся из пасти гиганта, устремилось к Ассасин.

Она отразила его одним из своих ^{Забавия}Благородных Фантазмов, Непостоянной мимолетной тенью.

Ассасин удерживала пламя клинками из своих извивающихся волос, но затем осознала, что точно такой же гигантский скелет появился с противоположной стороны здания, отрезав ей тем самым все пути к отступлению.

— Ха-ха-ха! Ну что ж! Они, разумеется, собираются снести отель целиком! О, не переживай. Сколько бы они ни разрушили, одно желание хозяйки этого сна – и город придёт в норму! Конечно же, это касается только зданий... Мда, печально. Этот бедный священник, его монахини и маг погибнут лишь из-за того, что ты явилась сюда!

— Будь ты проклят!.. — прорычала Ассасин. Купаясь в её враждебности, Джестер удовлетворённо прищурился.

— Ох, плохо дело, плохо! Алтарь!

— Эй, Флат?! Что...

Голос Лорда Эль-Меллоя II оборвался. В тот же момент здание оглушительно затрещало.

Вскоре «Кристал Хилл» накренился, и небоскрёб, символ города, рухнул.

А Флат и все, кто был с ним на верхнем этаже...

×

×

Фуюки (иллюзия).

Иллюзия во всех красках продемонстрировала разрушение отеля «Хаятт».

Это произошло на ранних этапах ритуала, но благодаря монтажу Франчески данная сцена была наложена на образ того, что являлось кульминацией войны – «Большого пожара Фуюки» - дабы придать завершению презентации более ужасные нотки.

— ...

Иллюзия подошла к концу, и видимый мир вновь сменился лесом Фуюки.

Больше никто не появился, да и в замке не было никаких следов чьего-либо присутствия.

Подул холодный ветер. Аяка почувствовала, что должна что-нибудь сказать, но не смогла даже повернуться, чтобы посмотреть на Сэйбера.

«Иллюзия», которую им показали мальчик с девочкой, представляла собой серию комически поставленных и в высшей степени шуточных сцен, но даже она поняла, что представление было рассчитано на то, чтобы действовать зрителю на нервы.

Она ничего не знала о короле Артуре как о человеке.

Но глядя на Ричарда, чьё воспитание зиждилось не на самом короле Артуре, а на историях о нём, она чувствовала, каким благородным, храбрым и величественным был этот человек в легендах.

Аяка не знала целиком легенду о короле Артуре, а от Ричарда за последние несколько дней она слышала лишь слова восхищения, но даже у неё начал формироваться образ Артура как человека, который был «потрясающим», пусть она на самом деле и не понимала, почему.

Но именно поэтому...

Аяка не могла заставить себя посмотреть на выражение лица Ричарда, когда увидела короля Артура в этой иллюзии.

В общем и целом нельзя было сказать, что иллюзия была создана для праздной клеветы на «короля Артура».

Она не показывала короля жестоким убийцей или трусливым слабаком. Даже Аяка смогла понять, что эта девушка действительно была благородной.

Но реальность показанных им сцен заключалась в том, что даже несмотря на всё её благородство и стремление к справедливости, некоторые вещи были ей неподвластны.

Другие короли опровергли её принципы, а у неё самой были серьёзные разногласия с Мастером, которому она доверила свою судьбу.

В конечном итоге она уничтожила Грааль собственным святым мечом после того, как Мастер предал её.

А Фуюки пострадал от беспрецедентного бедствия.

Аяка была не в силах лицезреть последнюю сцену иллюзии, где они с Ричардом оказались в окружении множества обугленных тел, и до самого конца смотрела себе под ноги.

Аяка вспомнила одну из сцен, которые им демонстрировала иллюзия.
Слова трёх королей, когда они выпивали вместе.

Золотой Король героев заявил:

— Принципы правителя должны быть законами, которые он установил.

Рыжий Король завоевателей произнёс:

— Король есть тот, кто захватывает и подчиняет себе всё и вся на своём пути, начиная с собственного тела.

Слова же Короля рыцарей в облачении цвета синевы и серебра были таковы:

— Королём должен быть тот, кто полностью отдаёт себя пути, ведущему к праведным идеалам, дабы даровать спасение своему народу.

Далее она поведала о своём желании для Грааля.

— Я оберну время вспять, чтобы вновь предстать перед мечом выбора. И если найдётся более достойный король, я начну историю Британии с чистого листа, доверив всё ему.

Этот ритуал упоминался в начале сказки, которую мать Ричарда рассказывала ему перед сном. Судя по всему, тогда и решилось, что Артур станет королём. Похоже, эта девушка считала, что раз уж она в конечном итоге разрушила своё королевство, то им должен править другой, более достойный.

Однако, услышав это, Король завоевателей исполнился тихой ярости, а Король героев рассмеялся.

Король рыцарей заявил, что «ответит на мольбы своего народа о спасении», на что Король завоевателей с гневом возразил: «Самоотверженный король не может вести за собой людей. Народ никогда не будет восхищаться рабом праведности».

— Жертвовать всё, чем ты являешься, на алтарь праведности... это не то, как человек должен жить.

— Как ты можешь быть настолько уверен, что правление, отвергающее человечность, хуже обычного, Король завоевателей?

— Хе-хе. Король рыцарей, однажды это твоё отношение вознесёт тебя над человечеством до божественных высот.

— К чему этот смех, Король героев? Будь такое возможно, то зачем колебаться?

— Ты так считаешь? Богини, которых я знал, были олицетворением неразумности и всегда навязывали людям собственные представления о праведности.

— Послушай, Король рыцарей, не мне, конечно, такое говорить, ведь легенда рисует меня потомком Зевса... но в погоне за божественной праведностью ты лишь погубишь свой народ.

Они спорили, пока их не прервало появление противников, лишив тем самым Короля рыцарей возможности высказать последнее возражение.

На самом деле спор длился гораздо дольше, но Аяка не запомнила все подробности.

Она была вне себя под давлением со стороны рыжего короля и от странного ужаса, который внушал золотой правитель.

Если бы не нападение, то Король рыцарей, возможно, смог бы достойно им ответить.

Аяка и Сэйбер не видели её лица.

Им оставалось лишь гадать, какое там застыло выражение.

Они не знали, намеренно ли Франческа с Франсуа скрыли её лицо, или же они сами не могли его увидеть.

Она, как и Аяка, была потрясена гневной речью Короля завоевателей?

Или же она сохранила невозмутимость, убеждённая в безупречности своего правления?

Золотой король с садистскими нотками сказал, что «наслаждается агонией на лице Короля рыцарей», но неужели она вправду так страдала? И если да, то что вызвало эти страдания?

Аяка не знала.

Знала ли Сэйбер?

Пока она гадала, пейзаж изменился. Аяке не суждено было выяснить, удалось ли Королю рыцарей сказать что-нибудь в свою защиту.

Но слова Сэйбер о жизни ради народа показались Аяке правильными, и поэтому она была более чем поражена, когда другие короли встретили их с гневом и презрением.

Это напомнило ей то, как она, пусть и не будучи одной из его подданных, отвергла Львиное Сердце, когда он спас её.

Сцены, собранные в этой иллюзии, действительно представляли собой воссоздание событий, запечатлённых фамильярами.

В их число также входило воспроизведение информации, полученной от нанятого за огромные деньги владельца Мистических глаз, которые могли видеть прошлое.

Тем не менее, за Войной за Святой Грааль города Фуюки надзирали Макири, и барьер, созданный их насекомыми, был мощным. Франческа не могла видеть всё.

Разумеется, она не знала, что каждый из королей чувствовал на самом деле.

С другой стороны, многое, что было ей известно, она намеренно скрыла от Ричарда.

Франческа знала, что Грааль Фуюки был заражён «грязью».

Она не могла наблюдать за событиями незадолго до или после его уничтожения, поэтому не знала, что творилось в голове Мастера Сэйбер.

Однако она могла догадываться, что уничтожение чаши было в каком-то смысле правильным решением.

Иллюзия, которую она собрала из разрозненных кусочков, не давала на это никаких намёков.

Львиное Сердце и Аяка видели лишь фильм.

Вспышка в момент уничтожения Грааля, которую увидели фамильяры далеко за чертой города, и ад, который после воцарился в Фуюки.

То, что для уничтожения Грааля пришлось использовать командные заклинания, было лишь нарративом, вставленным в качестве предположения.

Однако, учитывая, что король Артур вряд ли избавился бы от Грааля по собственному желанию, у них не было причин не верить этому.

И у Аяки сложилось искреннее впечатление, что «путь», по которому прошёл король Артур, представлял собой пугающе грубый образ «войны», совсем не похожий на «рыцарские сказки», которые рассказывала Ричарду его мать.

Она видела подлые нападения.

Видела короля, отвергнутого собственным Мастером.

Видела, как союзники короля взяли женщину в заложники и стреляли в противников, которые даже не сопротивлялись.

И... видела, как король отрубил головы тем полумёртвым магам.

Можно было сказать, что для войны такое нормально, и на этом закончить.

Но даже так это и рядом не стояло с представлением Аяки о «битве героев», заставляя её гадать, в какую именно битву она сама ввязалась. Только это помогало ей сопротивляться желанию вывернуть свой желудок наизнанку от страха.

«То есть кто-то едва ли старше меня прошёл через все эти ужасы?..»

С каким выражением лица король Артур сражался на поле боя?

В каких бы сложных ситуациях она ни оказалась, Аяка не видела её лица и поэтому не могла сказать, была ли она в шоке или же полностью невозмутима.

Но... Аяке показалось, что она в любом случае была далека от тех героических сказаний, которые так обожал Ричард.

Дрогнуть перед лицом жестокой судьбы это одно, но если она спокойно её принимала... то, как и сказали другие короли, она была не человеком, а механической «системой».

«И несмотря на то, как далеко она зашла, её предал собственный Мастер, лишив возможности чего-либо добиться».

— Всё это произошло в Фуюки?.. Я слышала про большой пожар, но...

Это само по себе было трагедией, несомненно, но Аяку больше всего заботило то, что всё было отредактировано в угоду тому, чтобы выставить короля Артура жалким неудачником. Именно поэтому, несмотря на растущие рвотные позывы, Аяка сердито посмотрела туда, откуда доносились голоса двух Прелати, прежде чем попытаться сказать что-нибудь Сэйберу.

— Ага, хорошо. Прежде всего я поняла, что вы хуже всех.

— А-ха-ха! Не нужно похвалы, ты меня смущаешь!

— Не дай им тебя задеть, Сэйбер. Это ведь иллюзия, да? Готова поспорить, они всё это выдумали! Этого спора между королями наверняка не было!

— О? Ты уверена? — с издёвкой произнесла Франческа. — Если этого всего не было, то и слова Короля рыцарей мы тоже, получается, выдумали.

Аяка не знала, что сказать.

— Н-ну...

— Ну? Как тебе такое? Что думаешь? Говорят, люди верят лишь в то, во что хотят верить... но ведь у тебя никогда не было образа короля Артура, в который ты хотела бы верить, разве нет? Дай угадаю, сейчас это, наверное, идеальный, спокойный и непогрешимый король, который не разочаровал бы твоего телохранителя Ричарда. Я права?

— Это не... Короче, в концовке вообще нет никакого смысла. У её Мастера не было причины уничтожать Грааль! Может, Король рыцарей на самом деле заполучил его! И такой великий правитель никогда бы не пожелал переписать историю, посадив вместо себя кого-то дру...

— О, как здорово! Обожаю такую реакцию! Именно такое мнение можно услышать от того, кто вообще ничего не знает про Войну за Святой Грааль! Это так захватывающе! Но да... Хотела бы я узнать, что бы произошло, получи Арти тот Грааль! В худшем случае грязь сместилась бы во времени и... Нет, такого бы никогда...

Франческа начала бормотать что-то невнятное. Раздражённая Аяка замолкла.

Затем она посмотрела в лицо Сэйберу, который до сих пор хранил молчание.

В этот момент Франческа и Франсуа начала насмехаться над ним.

— Ну как тебе, малыш Львиное Сердце?! Герой, которым ты всё это время восхищался, хотел переписать свою легенду вплоть до начала правления... Каково узнать это? Каково видеть, что она была тираном, готовым перечеркнуть твою историю, окажись Грааль в её руках?

— Тебе понравилась эта жалкая история о том, как твой любимый легендарный король Артур сражался и побеждал, но всё равно ничего не добился?! Что ты почувствовал, когда увидел, как другие короли полностью отвергают её?!

— Заткнитесь! Вы всё это подстроили! Вам не обмануть Сэйбера этими...

Аяка была в ужасе.

Потому что Сэйбер, который всегда был таким разговорчивым, не проронил ни слова с тех самых пор, как увидел короля в синем платье.

Не было возгласов ни восхищения, ни удивления. Сэйбера как будто вообще не было рядом с ней.

Ему показали короля, который ничего не обрёл, который был инструментом в руках мага, который убил беспомощных людей, пребывавших на грани смерти. Чьё желание, ради которого он зашёл так далеко, в итоге предали.

Когда Аяка подумала о том, что сейчас, должно быть, творилось в его сердце, ей захотелось сказать ему что-нибудь, но она так и не смогла подобрать нужных слов.

Но пока она места себе не находила от беспокойства, Сэйбер нарушил молчание.

— Франческа Прелати.

Аяка инстинктивно посмотрела в лицо Сэйберу и не увидела никаких эмоций. Но... ей показалось, или же это был блеск в его глазах?

Или, может, он был настолько шокирован, что начал плакать от отчаяния...

Но на самом деле всё было наоборот.

Не двигаясь с места, Сэйбер почтил иллюзорный мир своим лучшим поклоном.

— Если составление этой иллюзии – твоих рук дело... то ты должна знать, как много значит для того, кто называет себя королём, поклониться другому.

— Сэйбер?.. — с недоумением уставилась на него Аяка.

Сэйбер же произнёс звонкую речь, которая, казалось, исходила прямиком из его души.

— Но я благодарю тебя от всего сердца. Спасибо, что рассказала мне... *новую историю о героизме великого Короля рыцарей!*..

Осознав, какой именно эмоцией был заряжен этот растущий поток слов, не только Аяка, но и даже Франческа с Франсуа явно оказались в замешательстве.

Это был всепоглощающий восторг.

Если тогда в его глазах действительно блеснули слёзы, то это, должно быть, были слёзы благодарности и радости.

— Сэйбер... что ты?..

— Аяка... ты видела Короля рыцарей... и думаешь, что она не была героем?

— А?..

— Насколько я могу судить, Аяка... Из легенд о рыцарях Круглого стола мне известно о том, что короля предали, что он поступал неразумно, что в итоге он был побеждён и потерял всё. Но я всё равно их обожаю, и эту в том числе.

Ричард медленно начал объяснять сбитой с толку Аяке, словно мальчик, рассказывающий о своей любимой бейсбольной команде.

— И... в том споре за выпивкой те двое не отвергли Короля рыцарей.

— Чего? Но... то, как они кричали и...

— А ты подумай. Александр Великий *просто кричал*. Я уверен, что он не стал отрицать правление Короля рыцарей. Он сказал, что она правитель лишь на словах, сказал, что она связана идолом короля, и так далее, но он ни разу не отверг сам идол. Он просто сказал: «Я признаю твои достижения, но они мне не нравятся».

— Правда? — сказала Аяка, удивлённая тем, что Сэйбер не только не потерял самообладания, но и говорил гораздо спокойнее, чем обычно.

— Я лишь повторяю за матерью, но «король не идёт по благородному пути; это народ называет его путь благородным». Что правильно, а что нет, легко может поменяться в зависимости от времени, места, настроения среди подданных и вассалов. Поэтому в том споре не было правильного ответа, и все три его участника знали это лучше, чем кто-либо. Они пытались оценить здравомыслие, а не праведность. Но знаешь, в одном наш Король героев действительно уступал другим королям! Её голос *не был таким же громким!* — не теряя гордой осанки, пошутил Ричард. — Я согласен со всеми королями и в то же время не согласен с ними! Это вполне естественно, что у королей, живших в разное время и в разных местах, будут также и разные взгляды на правление! Но сильны те, кто громко заявляют, что они правы. Филипп был таким же в крестовом походе.

— О, значит, ты так всё это воспринял? — в голосах Прелати чувствовалось замешательство. — Я была уверена, что ты либо сорвёшься и начнёшь ругать двух

других королей, либо лишишься веры в Арти и перестанешь быть таким оптимистом.

— Погоди, он хотя бы удивился тому, что король Артур был женщиной?

Избавив свои голоса от всех эмоций, они спросили:

— Всё ясно. Ты знал, да?

— Каким-то образом ты докопался до настоящей легенды о короле Артуре – об Артурии Пендрагон – связанной с магией... Верно?

Пропустив вопросы Прелати мимо ушей, Ричард потянулся.

— Так я и думал. Значит, вот чего вы добивались. Хотели выяснить, насколько глубоки мои познания в истории Короля рыцарей, не так ли? Что ж, жаль такое говорить, но мне так и не удалось найти башню, в которой был заточён Мерлин.

Затем он с выражением глубокой задумчивости на лице, посмотрел в небо.

— О... но они были поистине великолепны... Что Александр Великий, что тот стилига, что наш первый правитель были «королями», которых я себе даже представить не мог.

— Сэйбер? — окликнула его Аяка, обеспокоенная тем, что он говорил сам с собой и поэтому, возможно, всё же пребывал в шоке.

Услышав это, Сэйбер медленно повернул к ней лицо и произнёс, опустив глаза:

— Аяка.

— Ч-что?

Аяка явно была в замешательстве.

— Я решил... всё-таки принять ту решимость, которую ты мне показала.

— А?

Аяка тупо уставилась на Сэйбера, который широко развёл перед ней руки, даже не пытаясь скрыть повреждения своих доспехов.

— Прошу... позволь мне познакомиться с тобой ещё раз.

Ричард театрально поклонился и плавно взял Аяку за правую руку.

— Я спрашиваю тебя.

Король и девушка прекрасно сочетались с величественным замком в лесу позади них и сливались с пейзажем.

Это было очень похоже на сцену из сказки о героизме, описанной во множестве легенд.

— Ты мой Мастер?

×

×

Закрытый город. Центральный перекрёсток.

— Держитесь! Церберы не двигаются! Прорываемся!

Теперь, когда Церберов отвлёк дождь из сладостей, Джон и другие офицеры полиции предпринимали отчаянную попытку перегруппироваться, но ситуация была ужасной.

Гротески поменьше продолжали прибывать откуда-то из города, сколько бы они их ни уничтожали.

Некоторые офицеры пытались использовать магию исцеления на своих серьёзно пострадавших товарищах, но открытые раны привлекали полчища крыс, препятствуя их усилиям.

И словно ран было мало, всё вокруг окутал звук, похожий на дрожь земли.

— !.. Какого...

Запрокинув голову, Вера увидела их.

Гигантские скелеты накренили здание, обрушивая его одной лишь грубой силой.

Дождём посыпались обломки отеля. Те офицеры, что ещё могли двигаться, всеми силами старались защититься от них, но вечно это продолжаться не могло, и один за другим они падали на асфальт.

— Дерьмо... Неужели нам конец?..

— Нет! Мы ещё в состоянии двигаться, так что рано сдаваться! — покачав головой, ответил Джон другому офицеру.

Да, этот мир уже какое-то время претерпевал одну метаморфозу за другой.

Если они продержатся ещё немного, то, возможно, следующее изменение не заставит себя ждать.

Только вот до сих пор все изменения, кроме дождя из сладостей, не несли ничего хорошего...

Джона и других офицеров накрыла тень. Её отбрасывала нога одного из скелетов, только что поваливших здание.

— ...

Значит, всё.

Полицейские разочарованно смотрели на угольно-чёрного скелета, окутанного тёмным пламенем.

Чудовищная нога начала опускаться вниз... когда возникшая из ниоткуда полоса света разнесла её на осколки.

— ?!

Свет пролетел между зданиями второй раз, затем третий.

Не прошло и нескольких секунд, как скелет размером с небоскрёб превратился в чёрный прах и развеялся по ветру.

И некоторые из офицеров узнали эти полосы света.

Их порождает Благородный Фантазм, который использовал Сэйбер в бою с Гильгамешем на крыше церкви.

— Простите, я тут вздремнул немного.

С этими словами из-за здания появился Сэйбер.

Увидев его, Джон криво улыбнулся и сказал:

— Ты явно в хорошем настроении. Приятные сны?

— Да, и я уверен, что они воплотятся в жизнь, — пожав плечами, ответил Сэйбер, после чего повернулся к Аяке, которая шла следом за ним.

— Не так ли, Мастер?

— Давай просто «Аяка», — она тоже пожала плечами. — Ты это к чему?

— Мне очень жаль, но я собираюсь кое-что потребовать, и это прозвучит по-детски.

— Насколько по-детски?

Разговаривая, они смотрели вверх.

Их взгляды были прикованы к огромным чёрным скелетам, которые появились, чтобы занять место Церберов, увлечённых сладостями.

Их было больше, чем небоскрёбов в городе, каждый размером с того, что Сэйбер только что уничтожил.

Но Сэйбер широко улыбался, и даже Аяка, пусть и явно нервничающая, не пыталась сбежать и смело взирала на это полчище монстров.

— Я хочу использовать Святой Грааль, чтобы исполнить одно невероятно эгоистичное желание.

— Валяй. Собираешься забрать как можно больше песен с собой в этот «Трон»?

— Не совсем, — покачал головой Сэйбер, после чего отчётливым голосом заявил: — Есть одно место, и с помощью силы Грааля я хочу... наполнить его песней.

Джон и другие офицеры, наблюдавшие за Сэйбером, широко распахнули глаза в удивлении.

Только сейчас они заметили, что за Сэйбером и Аякой следовали ещё пять фигур.

Один был рыцарем с копьём, другой – стрелком, которого они уже видели.

Третий носил охотничий костюм и скрывал лицо под капюшоном. Должно быть, это он тогда скрывался в тенях.

Среди них также был странно одетый рыцарь с множеством мечей за спиной, а рядом с ним парила сфера воды.

— Это ещё кто?..

Не обращая внимания на вопросы полицейских, они медленно шли к гротескным тварям.

— Прости, я только что израсходовал коготь Цербера... не одолжишь мне меч?

Услышав просьбу Цербера, рыцарь с клинками за спиной с безразличием пожал плечами и бросил ему украшенный меч в ножах, красивый, но явно не раз побывавший в бою.

— Спасибо.

Поймав его и вынув из ножен, Сэйбер сказал:

— Против нас, возможно, сам Мрачный жнец, а весь этот мир – его войско.

Сэйбер широко улыбнулся и устремился вперёд.

— Достойный противник!

Словно в ответ рыцари и стрелки за его спиной рассредоточились, а человек в капюшоне исчез прежде, чем кто-либо понял, что произошло.

Осталась лишь сфера воды, которая парила вокруг Аяки, словно защищая её.
А затем... их «война» началась.

×

×

— Ого! Там начинается самое настоящее безумие! Думаешь, они все Героические души?!

— Давай потише. Иначе какой толк в заклинании сокрытия?

С высоты за группой Сэйбера наблюдали Флат и Джек, которые должны были рухнуть вместе с «Кристал Хилл».

На Флате было что-то вроде причудливого парашюта, и падал он гораздо медленнее, чем позволял обычный парашют.

Рядом с ним на таких же приспособлениях спускались Ханза и его монахини. Если бы не заклинание сокрытия Флата, это бы походило на воздушное шоу.

— Хорошо, что мы обыскали номер заранее, Ханза.

— Да, — ответил священник одной из монахинь. — Поверить не могу, что нашлось так много. И это не обычные коммерческие модели, а практически Тайные знаки со встроенной особой магией. Правда, их пришлось зарядить магической энергией... Неужели фракция, которая использовала ту мастерскую, была готова к обрушению всего здания?

Парашюты были копиями объектов в настоящем люксе.

Король героев сказал однажды своему Мастеру: «По крайней мере, я обещаю тебе парашют». Он воплотил свои слова в жизнь и в дополнение к мебели и украшениям снабдил номер достаточным количеством парашютов для Тины и её подчинённых. Но Флат и остальные, разумеется, не могли этого знать.

Затем, наблюдая за развернувшимся под ними сражением Сэйбера с армией «смерти», Ханза спокойно заявил:

— Нам лучше приземлиться на достаточном расстоянии от них, чтобы не вляпаться.

Отметив с высоты, что весь город постепенно затягивала тьма, он добавил:

— Только вот, похоже, нам нигде не удастся «не вляпаться» в этом городе...

×

×

Сердце Сэйбера, на полной скорости мчавшегося по городу, полному воплотившейся «смерти», переполнял восторг.

«Я знал, что легенды не ввали про короля Артура».

Если бы он хоть немного расслабился, его дрожащее сердце вызвало бы слёзы радости на глазах.

«Её поведение достойно похвалы. Неважно, сама она сплела нить, или ей доверил её кто-то другой, она будет закручивать эту нить столько раз, сколько потребуется, чтобы поднять над её землями флаг, который никогда не упадёт».

Его тело двигалось инстинктивно, уничтожив второго гротескного скелета, а за ним и третьего.

«Да, я пошёл по другому пути и вряд ли захотел бы что-либо менять».

С каждым уничтоженным врагом его движения ускорялись. Когда их количество перевалило за десять, он уже достиг своей предельной скорости, на которой сражался с золотой Героической душой.

«Но какое это имеет значение? Это так, мелочи. Просто у нас разные ценности».

Не отставая от Сэйбера, его свита из рыцарей и стрелков одолевала окружающих чудовищ одного за другим.

— Когда хвалишь убеждения, неважно, правильные они или нет!

Он сам не заметил, как начал кричать.

Не в силах сдерживать переполнявшие его эмоции, он дал волю радости, на огромной скорости мчась по стенам зданий.

— Именно поэтому я хвалю её! Сколько бы ни ярился Король завоевателей! Сколько бы ни глумился древнейший Король героев!

Честно говоря, Ричард понимал, почему злился Король завоевателей.

Об Александре он тоже был хорошего мнения, но это не означало, что он возражал против намерений короля Артура.

В конце концов, Львиное Сердце шёл по своему пути правления, совершенно отличному от такового у этих трёх.

Вот почему он ликовал.

Чествовал идеалы и убеждения Короля рыцарей, которые сформировали самого Ричарда.

— Я одобряю её рыцарство, стремление реализовать свои идеалы, пусть даже ценой уничтожения того, чего достигли её подданные! Эта *тирания* – лишь ещё одно доказательство королевской власти!

Ричард заявил, что желание Короля рыцарей пожертвовать собой ради идеала было «тиранией» и что он одобряет это именно по этой причине.

Полицейские, которые слышали его, явно были в замешательстве. Аяка тяжело вздохнула и улыбнулась, потому что это было «так в его духе».

— Но, великий король Артур, кое в чём Вы заблуждаетесь, — сказал Сэйбер, чьё лицо слегка затуманила тревога. — Первый король нашего рыцарства! Вы не видите! Страна, созданная Круглым столом и им же уничтоженная, не нуждается в новом начале!

— Король Артур *действительно привёл нас в Авалон!*

×

×

— Ох. Только послушай его. Даже после смерти Арти было нелегко справляться с ожиданиями, которые на неё вваливали люди. Что бы подумали наши учителя?

Высунув голову из частично обрушившегося здания, Прелати с раздражением смотрел на Сэйбера.

— Блин. Я ожидала, что он покажет нам что-нибудь более уродливое, но без толку. Он безнадежен, — радостно произнесла девочка рядом с ним, вращая зонтиком. — Он из тех, кто всерьёз убеждён, что живёт в эпической поэме. Если бы он поставил себе цель, то вполне мог бы кончить, как наша любимая малышка Жанна.

— А в чём проблема? Я получаю удовольствие от этого короля! Готов поспорить, он доставит ещё кучу проблем! Будет скучно, если его сокрушат боги или ещё что, и всё это превратится в избиение младенцев! Как промоутеры и зрители, мы должны поддерживать накал веселья и обеспечивать первоклассную кровавую баню!

— Я не говорила, что он мне не нравится. Поэтому мне и хотелось увидеть его заплаканное лицо.

— О, тут я с тобой согласен!

Прищурившись, Франческа дьявольски ухмыльнулась с восторгом во взгляде.

— Кроме того...

Но смотрела она не на Сэйбера, а на Аяку Садзё, которая приняла свою роль Мастера.

— Я считаю, что будет весело сменить цель и в следующий раз сосредоточиться на этой девушке... верно? ☆

Прелати посмотрел на Франческу, пожал плечами и с улыбкой поднял взгляд к небу.

— Ну, что теперь? Присутствие кровососа ослабло. Пойдём прикончим его?

— Хорошая мысль. В любом случае, сколько бы скелетов, они не завалили, это не вытащит их из... — начала говорить Франческа, глядя на залитый тьмой мир, но заметила изменение и замолчала на середине предложения.

— Хм-м? Это ещё что?

— Быть не может! Ого! Я знаю, что это всего лишь один город, но... неужели Львиное Сердце собрался покорить этот «мир»?

×

×

Взбежав на крышу самого высокого после «Кристал Хилл» здания в городе, Сэйбер остановился, чтобы отдышаться.

— Великий наш первый король! Я докажу Вам!

Путь ему преградил особенно крупный чёрный скелет.

Он состоял из множества скелетов, сросшихся вместе. Из его спины торчали бесчисленные кости, из-за чего он напоминал богиню Каннон, только с тысячей рук.

Представ перед этим гротескным монстром, Сэйбер продолжил высекать в мире свой панегирик королю Артуру.

— Ваш путь правления не был ошибкой!

Оттолкнувшись ногами от крыши, Сэйбер взмыл высоко в небо.

— Правление и гордость, что оставил после себя Круглый стол, дали жизнь нам! Трагедия и крах отполировали наши души! Я покажу Вам и всему Круглому столу, что великолепие человечности – самого рыцарства – никогда не подведёт!

Проскользнув сквозь устремившееся к нем чёрное пламя, Сэйбер изо всех сил нанёс сияющий удар.

— Это в Вас мы увидели нечто, достойное восхищения! И будем видеть дальше, Артур, первый наш король!

Он не переставал во всю мощь лёгких воспевать своё желание.

— Я уже потерял на это право...

Затем, на мгновение усмехнувшись над собой, в своих глазах и голосе он зажёг сияние, посылая надежду кому-то неизвестному:

— Но однажды кто-то другой доберётся до Вас в раю! Я знаю! История планеты, которую Вы сотворили, пошлёт Вам ветер покоя! Мне же нужно лишь сыграть ноты, чтобы это благословить!

— С помощью силы Святого Грааля... я воспою песнь о триумфе человека, которая достигнет самых укромных уголков далёкого Авалона!

Интерлюдия

「Наёмник – свободный человек II」

— Эй, вы. Слушайте внимательно, мои маленькие братья и сёстры.

— Вы должны уничтожить любого, кто попытается что-либо у вас отнять.

Каждый раз, когда Сигма пытался вспомнить своё прошлое, из омута памяти всплывали слова «приёмных родителей».

Даже теперь, зная, что эти слова были совершенно бессмысленными, инструментом для промывания мозгов, он не мог их забыть.

Он не чувствовал ни печали, ни ненависти.

В памяти остался лишь простой факт, что эти слова ему повторяли раз за разом.

Но когда Сигма думал, что это были его самые старые воспоминания, он задавался вопросом: Влияли ли эти слова на то, как он жил?

Вспоминая, он каждый раз спрашивал себя: Есть ли ему что терять сейчас, помимо собственной жизни? Что-нибудь достаточно важное, чтобы заставить его уничтожить любого, кто попытается это отнять?

Сигма не мог найти ничего такого. Он просто продолжал пассивно существовать.

Он никогда не задумывался над тем, чтобы выпрямиться и найти свой путь. Он просто продолжал ползти вперёд за занавесом сцены мира.

Даже когда оказался посреди Войны за Святой Грааль.

×

×

Закрытый город. Дом семьи Куруока.

Немногим ранее.

— Джестер! Джестер! Что случилось?!

Цубаки подбежала к юному Джестеру, когда увидела, как он внезапно упал.

Наблюдавший за ним Сигма осмотрел тело Джестера.

«Магическая атака?»

«Вероятно, она непосредственно нарушает работу Магических цепей цели, высвобождая неконтролируемую чуждую магическую энергию внутри тела».

Сигма не заметил магического снаряда вроде Гандра. Что произошло?

— Гха... А...

При виде стонущего от боли Джестера Цубаки запаниковала и, казалось, вот-вот расплечется.

«Может, добить его сейчас?»

Но лучше сначала отослать куда-нибудь Цубаки.

Не сказать, что Сигма не хотел показывать Цубаки жестокость. Скорее, он опасался того, что Цубаки увидит в нём убийцу, и тогда «Мистер Черныш» - предположительно, её Слуга - сделает его своей целью.

— Цубаки, — сказал ей Сигма, — позови маму с папой.

— Х-хорошо! — дрожа всем телом, ответила девочка и побежала вверх по лестнице.

— ...

Убедившись, что она ушла, Сигма достал из подсумка на ремне мистическое снаряжение.

Это был шприц с жидким наркотиком, который был полезен лишь при столкновении с кровососами и некоторыми призванными зверями.

Наркотик действовал аналогично святой воде. Кровососу уровня Джестера он при обычных обстоятельствах не причинил бы вреда.

Но сейчас Джестер пребывал в плачевном состоянии, и Сигма решил, что попробовать стоит.

Он изучил тело Джестера, словно проводя медицинский осмотр, и положил ладонь ему на затылок.

— Хе... Ха-ха-ха. Не сработает, мистер. Эта штука лишь убьёт концептуальное ядро мальчика.

— Может быть, но попытка не пытка.

— Подожди. Раздобыть новую детскую внешность очень сложно. Я не могу забрать её силой... Для загрузки мне нужно полное согласие...

Испытывающий боль Джестер объяснил, как работает его магия, но Сигма сомневался, что маг стал бы раскрывать свои карты. Вероятно, эта информация была либо бессмысленной, либо почти бесполезной.

Сигма решил, что Джестер, должно быть, пытается выиграть время, и хладнокровно начал вводить иглу в его тело, когда...

— _____

Из комнаты наверху донёсся детский крик.

— ?!

Юный Джестер воспользовался этим секундным промедлением и, не переставая стонать, пнул Сигму в живот.

— !..

Сигма отскочил от Джестера, но крик не прекратился.

Он увидел, как Джестер, несмотря на боль, поднялся на ноги, и решил, что прикончить его сейчас не получится.

Сигма сразу же сменил курс действий, схватил арбалет со стола, на котором он его оставил, и прыгнул к лестнице.

«Смогу ли я его использовать, если до этого дойдёт?»

Арбалет был в хорошем состоянии, но Сигма не знал, готов ли он к стрельбе.

Как бы то ни было, странная красавица в красном предпочла доверить это оружие ему, поэтому Сигма подумал, что арбалет будет полезен в будущем, и решил взять его с собой.

«Это может быть ловушкой... но чем больше информации, тем лучше».

Отчасти это была авантюра, но большинство заданий от Франчески сопровождалось дополнительной целью «прихватить то, с чем можно будет повеселиться», поэтому Сигма не испытывал особого нежелания.

«Не похоже, что на арбалет наложены заклинания, которые проклинают насмерть того, кто его взял».

«Как-то многовато у меня теперь Тайных Знаков...»

Не останавливаясь, Сигма поднялся по лестнице.

Там, едва держась на ногах, стояла Цубаки, которая смотрела в окно.

— Что случилось? ?!..

Он сразу же увидел, что именно.

Мир за окном полностью изменился с тех пор, как он видел его в последний раз.

Синее небо заволокли чёрные тучи, а по городу разгуливали гигантские скелеты.

Ярко-зелёный газон и деревья засохли. Местами из-под земли поднимался зловещий чёрный пар.

— Что происходит?..

— Чудовища... Чудовища...

«Мистера Черныша» Цубаки не боялась, но орда огромных скелетов внушала ей ужас.

«Она здесь не при чём?»

В следующий миг появившийся из сада «Мистер Черныш» окутал собой девочку, словно пытаясь заключить её в объятия.

— Мистер Черныш?..

В голосе Цубаки чувствовалось облегчение. Тень, которая, судя по всему, была её Героической душой, не ответила. Она лишь покачивалась, словно скрывая от глаз девочки «страшный мир».

— Так я и думал.

«Я хочу стать волшебницей».

Он вспомнил, как Цубаки сказала это.

Если верить Куруока Юкаку, Слуга был чем-то вроде защитника Цубаки.

Что, если он отреагировал на желание девочки стать волшебницей?

У него было нехорошее предчувствие с тех самых пор, как Джестер начал задавать вопросы, которые, судя по всему, должны были подтолкнуть её к этому решению.

Сигма скрипнул зубами, осознав, что предчувствие его не обмануло, и спросил Цубаки:

— Эй, Цубаки, ты ведь хорошо себя чувствуешь, да?

— А? Д-да. Мне страшно, но я в порядке.

— Вот как...

Похоже, что её магическая энергия не истощилась, и дело было не в этом.

В этот момент из сада возник её отец, Куруока Юокаку.

— А, Цубаки. В чём дело?

— П-папа! Там снаружи много чудовищ и... О нет, совсем забыла! Джестер! Он!..

Цубаки подбежала к отцу со слезами на глазах.

— Не волнуйся, Цубаки, — со спокойной улыбкой сказала её мать, появившаяся следом за Юокаку. — Все эти большие скелеты – твои друзья.

— Что?..

Цубаки тупо уставилась на мать.

— Всё верно, Цубаки, — произнёс отец в ответ на её замешательство. — Те скелеты добрые, как Мистер Черныш.

— Н-но они не похожи на него. Мистер Черныш не стал бы делать такие страшные вещи...

Цубаки смотрела, как гигантские скелеты рушили здания, сражаясь с *чем-то*. Учитывая, что время от времени мелькали полосы света, Сигма решил, что их противником, скорее всего, была Героическая душа класса Сэйбер.

— Да, они такие же, как Мистер Черныш. Его задача – оберегать тебя, а те скелеты – всего лишь оружие. Это нормально, что ты их испугалась.

— А?... Что?

— Эй...

Сигма видел замешательство Цубаки и попытался заткнуть её родителей, но возражения так и не слетели с его губ.

С небес камнем рухнула фигура в чёрном.

Это была Ассасин, израненная с головы с дог.

— Ассасин!

— Девочка в порядке?! — закричала она, не обращая внимания на раны. — Тот кровосос здесь?!

— Да, но его внезапно скрутила боль, и...

— Значит, у того мага получилось... Где он?

Похоже, Ассасин была готова прикончить его здесь и сейчас.

— Мисс «Ассасин»? — с обеспокоенным видом произнесла Цубаки, приняв «Ассасин» за её имя, и попыталась приблизиться к ней. — Всё хорошо? Ты ранена... У тебя кровь, и...

Увидев, что Цубаки вот-вот заплачет, Ассасин поправила свои одеяния, чтобы спрятать раны, и мягким, успокаивающим тоном произнесла:

— Да, со мной всё будет хорошо...

Внезапно, появившийся рядом с ней теневой гротеск одним ударом отбросил её в сторону.

— Гх...

Ассасин принялась отбиваться с помощью теней, возникших из-под её одеяний, но монстры прибывали один за другим, пытаясь задавить её числом.

Будь у её противников основное тело или какое-нибудь ядро, Ассасин смогла бы взять верх, используя подходящий Благородный Фантазм.

Но Сигма уже осознал, что весь мир-барьер стал одним целым с основным телом их врага.

То есть «ядром» могла быть лишь Куруока Цубаки.

— Мисс!

Запаниковав, Цубаки попыталась подбежать к Ассасин, но её удержали руки родителей.

— Здесь небезопасно, Цубаки.

— Именно. Лучше держись в стороне.

Их голоса были добрыми, но на лицах застыло выражение, которое явно было не к месту в сложившейся ситуации.

Чувство дискомфорта глубоко вклинилось в сердце Цубаки, которая, в конце концов, была всего лишь ребёнком.

Её тревога росла, и она, готовая в любую секунду расплакаться, закричала:

— Почему?! Разве они не друзья Мистера Черныша?! Почему эти чудовища бьют мисс Ассасин?!

— Ну... потому что она пытается убить тебя.

— !

За их спинами раздался детский голос.

Это был Джестер, который выполз из подземной мастерской.

Он всё ещё пребывал в форме мальчика и испытывал боль от заклинания Флата, но ему удалось выдавить из себя улыбку и сказать Цубаки:

— Эта леди говорит, что тебя лучше убить.

— Что?..

— Прекрати, — тихо приказал Сигма.

Но Джестер продолжил, несмотря на то, что всё его тело сотрясало от боли.

— Да! Мистер Сигма тоже так считает... Они плохие люди, которые хотят убить тебя, чтобы помочь себе.

— Ты ошибаешься.

— Меня?.. За что?

— Можешь об этом не думать. Ты королева этого мира. Просто делай то, что тебе хочется. Желаешь стать волшебницей, чтобы родители похвалили тебя, да? Не переживай, у тебя получится. Я на твоей стороне.

Джестер пользовался любой возможностью подчеркнуть, что он был «другом».

Вероятно, он хотел быть союзником в глазах Цубаки, чтобы на него не напали.

В данный момент Ассасин получала магическую энергию не от Джестера, а от Мастера по имени Аяка через Сэйбера. Говоря другими словами, это означало, что «Мистеру Чернышу» было сложно воспринимать Джестера как Мастера Ассасин.

— Я королева?

— Да. Завистливые люди пытаются причинить тебе вред, а Мистер Черныш защищает тебя от них. И будет защищать вечно.

Джестер попытался задеть её эго и сыграть на детском чувстве вседозволенности.

Но в одном он просчитался.

Если бы он не страдал от заклинания Флата и шока после отлучения от Мёртвых Апостолов, может, ему и удалось бы понять и направить чувства Цубаки с более холодной головой.

Он не осознавал.

Джестер предположил, что Цубаки была обычной простодушной девочкой своего возраста, страдающей от болезни.

В каком-то смысле Цубаки действительно было простодушной.

В этом мире она была ярким примером обычной девочки её возраста.

Но ему не удалось осознать, что простодушие Цубаки на самом деле было результатом её пути через множество страданий.

Именно поэтому, несмотря на то, что она не понимала, почему все были на взводе, несмотря на то, что она была напугана, несмотря на то, что она была готова вот-вот расплакаться, несмотря на то, что она хотела быть счастливой, к ней пришло озарение.

— А...

Опыт, который она накапливала всю свою жизнь, привёл её к единственному выводу.

— Я опять «подвела»...

Цубаки печально повесила голову, после чего медленно подняла её.

— Простите... Мама, папа... Простите меня.

— *Тебе не за что извиняться*, Цубаки. Расслабься. Тебе не нужно ничего делать.

Не за что извиняться.

Несмотря на юный возраст, Цубаки инстинктивно поняла.

Это не означало «Ты не подвела, это не твоя вина», нет.

«Ты подвела, но я не сержусь».

Значит, она действительно была виновата в том, что Сигма и Ассасин оказались в беде. Что более важно, именно по её вине те чёрные скелеты разрушали город.

Слыша грохот рушащихся зданий, Цубаки практически всхлипнула:

— Н-но... если в тех домах есть люди, все они...

— Неважно, сколько людей в городе погибнет. Они всего лишь батарейки. *Расходники*.

— Именно, Цубаки. Те добрые скелеты *убьют* всех, кто злится на тебя.

— Да, и это твой мир, Цубаки, поэтому сокрытию таинства ничего не угрожает, сколько бы людей ни погибло.

— Это замечательно. Нам остаётся лишь придумать, как скрыть воздействия на внешний мир.

«Что?..»

«О чём они говорят?»

Отбиваясь от гротесков, Ассасин невольно нахмурилась.

Им должны были промыть мозги, чтобы защитить Цубаки.
Не было никаких намёков на то, что ими управлял Джестер.
Это означало, что они всегда так разговаривали со своей дочерью.

Услышав то, что сказали ей родители, Цубаки умоляюще посмотрела на Сигму и Ассасин.

Но они не знали, что думать, и единственным их ответом было лишь молчание.
Затем... Цубаки осознала, что она не ошиблась.

С этим ничего нельзя было поделать.

— Всё будет хорошо.

Цубаки дрожала всем телом, но всё равно улыбнулась окружавшим её «взрослым».

— Я постараюсь.

После этих слов дым «Мистера Черныша» прильнул к девочке, словно втягиваясь внутрь её тела.

— Что?

Даже Джестер смутился, не в силах понять её намерения.

Но сперва Ассасин, а затем и Сигма догадались, что она хотела сделать, и закричали:

— Стой!

— Подожди, ты не...

Но она их не услышала. Чудовища, которых породил «Мистер Черныш», встали у них на пути, не давая приблизиться к девочке.

— Пожалуйста, Мистер Черныш.

Командные заклинания девочки загорелись слабым светом.

— Пожалуйста, *верни всё на свои места*.

— Что...

Не обращая внимания на изумление юного Джестера, Цубаки активировала свои командные заклинания.

— Пожалуйста, пусть я навсегда останусь одна.

На мгновение могло показаться, что даже «Мистер Черныш» удивился, судя по его движениям.

Ассасин и Джестер одновременно воскликнули:

— Подумай хорошенько!

— Остановись!

Сигме же оставалось лишь наблюдать за происходящим.

«Мистер Черныш» сильно задрожал, будто крича во весь голос.

В следующий миг мир вновь вывернуло наизнанку.

Сноуфилд. Дом семьи Куруока.

— Ох...

Очнувшись, Сигма обнаружил себя там же, где он потерял сознание.

Он лежал в углу дома Куруока Юоаку, рядом с выходом в сад.

Но небо было голубым, а газон – пышным и зелёным. Разрушенные здания тоже полностью восстановились.

Сигма осознал, что это был уже не мир-барьер. Он вернулся в реальность.

Это подтверждалось тем, что лишь Куруока Цубаки исчезла из дома без следа.

Осмотревшись, он увидел, что Ассасин тоже пришла в себя. Стиснув кулаки, она кричала:

— Эта девочка выбрала *такое*, несмотря на всё это?!

С трудом встав на ноги, она с явной яростью в глазах посмотрела на чету Куруока, которые тоже пытались подняться с пола.

— Что за жизнь была у этого дитя – какую жизнь вы ей навязали – что она сделала такой выбор?! Что... Что вы сделали с бедной девочкой, с собственной дочерью?! Что вы натворили?!

— Не понимаю, о чём ты, но разве у тебя есть время, чтобы кидаться на нас? — Куруока Юоаку хихикнул, держась за голову, и посмотрел за спины Ассасин и Сигмы.

— Вот ведь гадина... Не думал, что она настолько сломлена. Я ожидал увидеть, как Ассасин, заливаясь слезами, сносит Цубаки её невинную головку, пока та кричит, что хочет жить...

Раздражённый мальчик распахнул одежду, открывая их взору татуировку, похожую на барабан револьвера, рядом с сердцем.

Когда он провёл рукой по рисунку, который, похоже, был выведен на поверхности его кожи, барабан завертелся, и в верхнюю камору «зарядился» другой узор.

В тот же миг тело юного Джестера превратилось в рыжего оборотня более двух метров ростом.

— Увидимся, Ассасин! Помучаю тебя своей любовью в другой раз!

Существо, чей голос стал грубее, взобралось на крышу дома и прыгнуло, стремительно удаляясь от Ассасин.

— !.. От меня не сбежишь!

Ассасин оттолкнулась от земли и бросилась в погоню за Джестером, несмотря на ранения.

Остались лишь Сигма и чета Куруока.

— Несладко нам пришлось. Поверить не могу, что командные заклинания достались нашей дочери.

— Да, но это стоит расценивать как доказательство. Командные заклинания выбрали Цубаки, потому что, несмотря на возраст, качество её Магических цепей выше, чем у нас.

От их непринуждённой беседы Сигме стало не по себе.

«Что это за чувство?»

Ими всё ещё управлял Слуга Цубаки?

Нет. Сигма решил, что странное чувство не было с этим связано.

— О, ты... Сигма, верно? Ты же работаешь на Фалдеуса. Можешь связаться с ним?

— Дорогой, нам лучше сначала поспешить в больницу.

— Ты права... Думаю, там мы найдём что-нибудь, чем можно будет отрезать её правую руку.

— Да.

— Отрезать... её правую руку? — невольно спросил Сигма.

— Именно. Похоже, что негодница Цубаки использовала два командных заклинания. Но одно ещё осталось, так что нам удастся заключить контракт с той Героической душой. С такой силой мы получим значительное преимущество, если будем работать с Фалдеусом.

Сигма понял.

Куруока помнили всё, что произошло, пока они находились под контролем Слуги.

Несмотря на это, их первыми словами была не тревога за Цубаки, а намерения отрезать ей руку и украсть командные заклинания.

«А, ну да. Таковы уж маги».

«Должно быть, Магическая метка всё ещё принадлежит одному из них. Сомневаюсь, что смерть Цубаки их сильно расстроит. Им нужен лишь кровный родственник, который унаследует их магию».

«Кровный родственник».

— Вы собираетесь отрезать Цубаки руку?

— Да, всё будет хорошо. Она всё равно в коме, так что о криках можно не беспокоиться. Разумеется, мы не хотим, чтобы она лишилась возможности завести потомство, так что с сердцем и нервами нужно будет проявить предельную осторожность. Пусть Фалдеус и начальник Рив займутся персоналом больницы, пока мы работаем. Мне не хочется просить Франческу, но в худшем случае её магия поможет сохранить репродуктивные способности Цубаки даже после отделения головы.

Юаку, казалось, говорил бесстрастно, без преувеличения или сарказма.

И тогда Сигма осознал.

Странное чувство пришло не извне.

Это была «эмоция», пробудившаяся глубоко внутри него.

«Эй, вы. Слушайте внимательно, мои маленькие братья и сёстры», — эхом разнёсся голос внутри Сигмы. «Вы должны уничтожить любого, кто попытается что-либо у вас отнять».

Голос из прошлого. Слова, которые больше ничего не значили.

Но именно этот голос тронул сердце Сигмы.

«Ой».

«Вот, значит, как».

«Я думал, что... Куруока Цубаки и я жили в разных мирах».

«Она маг, но у неё есть родители. Не приёмные, а самые настоящие».

Улыбка Цубаки. То, как с ним и другими детьми обращались в прошлом. Лицо брата, которого он убил собственными руками. Всё это пронеслось в его голове одно за другим.

«Что это? Что это за странное чувство?»

Внезапно, Сигма осознал, что держит что-то в руках.

Это был арбалет, который он вынес из подвала во сне.

— Хм-м? Почему он у тебя? Его сложно использовать как оружие, да и Героические души уже все призваны. В этой войне он бесполезен. Может, вернёшь его нам?

Пока Сигма слушал Юокаку, ему в голову вдруг пришла идея:

— Я сказал, что защищу Цубаки, не так ли? Это слетело с моих губ?

И то странное существо в красном сразу же ему доверилось.

— Он что-то бормочет... Дорогой, этот наёмник не опасен?

— Внутри дома он всё равно ничего не сможет сделать.

Должно быть, отец Цубаки был более чем уверен в защите дома, потому что он несколько не боялся Сигмы.

Но беспечным или тщеславным его тоже нельзя было назвать. Сигма знал, что пальцы мага уже были готовы в любой момент сплести заклинание, которое прикончит его.

Глубоко вздохнув, Сигма навесил на лицо нечеловеческую маску наёмника-заклинателя и произнёс:

— Прошу прощения, мистер Куруока Юокаку. Я обо всём доложу мистеру Фалдеусу.

— Да, будь так добр. Я не против, если ты расскажешь ему про нашу Героическую душу... По крайней мере то, что тебе удалось понять.

— Да, сэр. И ещё кое-что. Вынужден Вас уведомить.

— Меня? — с подозрением спросил Юокаку.

— Это Война за Святой Грааль, — бесстрастно заявил Сигма, — и я один из её участников.

— И? Полагаю, та Ассасин – твоя Героическая душа? — спросил Юокаку, не зная, что совершил *фатальную ошибку*.

Он ошибочно полагал, что Сигма был низкосортным заклинателем, который оказался вдалеке от своей Героической души.

Что даже если что-то пойдёт не так, ему нужно будет лишь прикончить Сигму прежде, чем он успеет использовать командное заклинание, чтобы призвать Ассасин.

— Мой прямой наниматель Франческа, а не Фалдеус... и мне дали разрешение вести эту войну так, как я сочту нужным.

— Эй... Давай без глупостей.

Не успел Юаку, который ощутил угрожающую атмосферу, шевельнуть пальцами, как Сигма закончил своё последнее предложение.

Даже эти его слова были частью плана заставить Юаку действовать.

— Я объявляю вам войну.

— Я впечатлён. Да, мы сказали тебе, где расположены заклинания, но я не ожидал, что тебе удастся перехватить их все.

Несколько минут спустя.

Одна из «теней» - пожилой капитан – ухмыльнулась, стоя рядом с Сигмой.

— Мне удалось, потому что ваша информация была точной. Иначе здесь лежал бы я... Спасибо.

— Не спеши благодарить своего Слугу. Ты – нам, мы – тебе, — капитан хихикнул и посмотрел на две бесформенные кучи, лежавшие на полу.

— Ох... А-а-а...

— Как?..

Груды мяса с человеческими очертаниями просто продолжали бессмысленно стонать, закатив глаза.

— Что будешь с ними делать? Если оставить их, они восстановятся с помощью Магической метки.

— Я заблокировал им все средства восстановления. Учитывая качество Магических цепей, они пробудут в таком состоянии полмесяца.

Это были мистер и миссис Куруока. Их руки и ноги были обездвижены, а Магические цепи – выжжены особым Тайным знаком.

Глядя на чету, которые даже дышали с большим трудом, Сигма бесстрастно произнёс, не проявляя к лежавшей на полу паре никаких эмоций:

— Я сомневаюсь. Если бы у меня был приказ убить их, я не стал бы медлить. А если бы мне приказали не убивать их, я бы тоже не стал долго думать. Но в этот раз у меня нет никаких приказов. Нет даже долгосрочной цели.

— Но ты решил, что будешь делать. Или я ошибаюсь?

— Я сказал, что защищу Цубаки, — как всегда невыразительно ответил Сигма «тени» с искусственными крыльями. — Но я думаю, что ей станет грустно, если она узнает, когда очнётся, что её родители мертвы... Она может даже обвинить в этом себя и попытаться совершить самоубийство. Но если я оставлю их в живых, всё это просто повторится вновь.

— То есть ты технически оставишь их в живых? Честно говоря, это просто поразительная технология. Она парализует каждую Магическую цепь, каждый нерв в теле. Определённо, это больше подход заклинателя, чем мага.

— Благодаря Франческе я всё знаю о таких вещах.

Затем он посмотрел на мать Цубаки и сказал тени:

— Моей матери больше нет. Франческа сказала, что она погибла во время Войны за Святой Грааль в Японии.

В его голове снова и снова звучали «слова, которые больше ничего не значили».

«Твоих родителей забрали люди, пришедшие извне».

«Твоих отцов убили захватчики, принёсшие скверну извне».

«Твою мать забрал ужасный демон, пришедший извне».

«Так уничтожь их. Уничтожь тех, кто отнимает у нас».

«Так сражайся. Сражайся, и мы сможем вернуть твою мать».

Когда голоса стихли, тень произнесла, словно рассчитав нужный момент:

— Да, ты уже это говорил.

Мальчик со змеиным посохом и наполовину окаменевшим лицом заглянул Сигме в глаза, шагнул к нему и спросил:

— Что ты думаешь о своих родителях?

— Я просто... надеюсь, что моя мать не была похожа на них.

Сигма знал, что это больше ничего не значило, но всё равно хотел этого.

— И что ты будешь делать теперь?

Сигма поднял взгляд к небу и ответил «тени»-женщине в лётном костюме.

— Мне сказали, что я могу действовать, как захочу. Этим я и займусь. Фалдеус, наверное, попытается убить меня, но я думаю, что Франческа будет рада.

— Она только и делает, что радуется. Вряд ли этот монстр станет тебе помогать.

Сигма ответил на слова капитана кивком.

— Я знаю. Но если это её порадует, я тем самым отплачу ей за то, что она заботилась обо мне.

Всё ещё сжимая в руках арбалет, Сигма заявил себе и своему Слуге «Уотчеру».

Заявил, что выйдет на середину сцены.

— Я собираюсь... уничтожить эту систему, Войну за Святой Грааль.

Связующая глава

「Звеньк, звяк」

— А?..

Придя в себя, Аяка обнаружила себя посреди улицы.

Это был перекрёсток перед «Кристал Хилл», рядом с больницей и полицейским участком.

Асфальт вокруг был разворочен, а вдалеке она увидела заграждения, а также полицейские и строительные машины, припаркованные таким образом, чтобы скрыть улицу от взоров прохожих.

Полицейские, которые были рядом с ней, тоже озирались. Сэйбера, сражавшегося где-то в городе, она не видела, но, по крайней мере, парившая вокруг неё сфера воды никуда не делась.

— Мы вернулись?..

×

×

Специальный исправительный центр Коулсмана.

— О?.. Значит, они вернулись живыми. Хорошо, что я перекрыл улицу, — пожав плечами, сказал Фалдеус, после чего обратился к своей доверенной помощнице Алдоре, глядя на записи с камер наблюдения по всему городу: — Это были нервные деньки, но осталось лишь несколько. Мы должны всерьёз заняться организацией событий...

— С чего начнём?

Подмигнув Алдоре, Фалдеус с кривой улыбкой ответил:

— Думаю, с лекарства для желудка.

×

×

Центральный перекрёсток.

— Ага! Вон там! Это она, Джек! Мастер Сэйбера!

Флат радовался тому, что нашёл Аяку.

— *Приближайся с осторожностью*, — предостерёг его Джек в форме наручных часов. — *Ты видел, насколько силен Сэйбер. Мы и секунды не продержимся, если она окажется врагом.*

— Это да, но я просто не могу перестать думать об этом Мастере... О, придумал. Джек, ты можешь превратиться в белый флаг?

— *Мне удалось стать часами благодаря теории о неодушевлённом предмете, но я никогда не слышал, чтобы кто-то считал Джека-Потрошителя белым флагом.*

— Да такое наверняка есть, надо только поискать! Человеческие возможности почти безграничны, так что у тебя должно быть примерно пять тысяч настоящих личностей!

— *Это гораздо меньше чем «безграничны»...*

Их типичная беседа помогла Джеку почувствовать, что они с Мастером действительно вернулись в родной мир.

— Но, — вновь сказал Джек, который оставался настороже, дабы защитить Флата, если какой-нибудь маг или Слуга попытается напасть на них, пока они приближаются к Мастеру Сэйбера, — *я сомневаюсь, что от меня теперь будет толк в бою. Тот лучник украл мой Благородный Фантазм, и он не единственная Героическая душа, показывающая, насколько велика разница в наших способностях.*

— Не волнуйся. Я же сказал, если думать об этом как о высоком уровне сложности, то мы можем как-нибудь сгладить разницу в характеристиках.

— *Полагаю, мне следует поблагодарить тебя за то, что ты в первую очередь побеспокоился обо мне, когда та Ассасин спросила про Святой Грааль.*

— В смысле?! — с огнём в глазах воскликнул Флат. — Вообще-то я тоже хочу узнать, кем на самом деле был Джек-Потрошитель!

— *Тебя может ждать разочарование, - продолжил Джек. - Велик шанс того, что я просто какой-нибудь отброс, которого почему-то не смогли поймать... В любом случае, перестань боготворить такого, как я. Когда моя личность будет наконец раскрыта, я всего лишь получу право искупить свои преступления. Знание того, кем я был на самом деле, станет для меня спасением, но не искуплением. Да и в том, чтобы боготворить преступника, в принципе нет ничего хорошего.*

Закончив выговаривать Флату, Джек смягчился.

— *Но те дни, что я провёл с тобой... Тем, что останется в твоей памяти, буду «я», несомненно. Узнав свою личность с помощью Святого Грааля, я, скорее всего, исчезну, а перед тобой предстанет настоящий Джек. Если он попытается убить тебя, действуй быстро. Убей его или сбеги. И забудь про него как можно быстрее.*

— Джек...

— *Но... Буду благодарен, если ты запомнишь «меня», который говорит сейчас с тобой.*

Джек говорил так, будто это были его последние слова. Должно быть, он был уверен, что ему будет сложно победить в предстоящих сражениях.

Флат посмотрел на него со своей обычной улыбкой.

— Я тоже так думаю. Кем бы ты ни оказался, это уже другое дело. Если спросишь меня, то Джек – это тот, с кем я сейчас говорю. Если кто-нибудь потребует от тебя искупить все убийства, то я стану твоим свидетелем. Я скажу: «Этот Джек – самая настоящая фальшивка, ему не нужно ничего искупать!»

— *Хе-хе... Ха-ха-ха! Ты опять всё перевернул с ног на голову!*

Джек громко рассмеялся.

Юный маг, который был совсем не похож на мага, и серийный убийца весело смеялись вместе.

Они шли вперёд пружинящей походкой, словно ничего на свете не могло их испугать, решив незамедлительно наладить контакт с девушкой, которая была Мастером Сэйбера.

— Привет, Аяка!

— А?! Ты ещё кто такой?!

Услышав внезапное приветствие, Аяка повернулась и увидела, как ей машет рукой юноша, которому на вид не было даже двадцати.

— Откуда ты знаешь моё имя?..

— Ой, значит, ты действительно не она, — сказал юноша, увидев, как насторожилась Аяка. — Это многое объясняет. У тебя совершенно другой поток магической энергии! Но тебя ведь тоже зовут Аяка?

— Чего?..

Аяка в замешательстве уставилась на юношу.

— Ты знаешь про меня? Кто ты?

— Я Флат. Рад познакомиться. Просто я знаю девушку, у которой имя и лицо точь-в-точь как у тебя, мы с ней дружим. Но... потоки твоей энергии. Так я и думал...

Юноша посмотрел на Аяку и начал что-то бормотать себе под нос.

— Подожди, — сказала Аяка, нервно сделав шаг назад. — Скажи мне! Если ты знаешь про меня – знаешь, *кто такая Аяка Садзё* – то скажи!..

Флат ответил кивком на странную просьбу Аяки. Он был серьёзен.

— Конечно... Я понимаю. Как я и думал, ты не знаешь, кто ты такая на самом деле, верно?

— ...

Аяка промолчала.

Флат воспринял это как «да» и начал говорить, чтобы успокоить её:

— Видишь ли, твоё тело...

Сперва раздался свист, будто что-то рассекло воздух.

Спустя мгновение зрение Аяки запятнал багрянец, который расцвёл на теле юноши, назвавшегося Флатом, после чего послышался треск асфальта.

— А?

Этот звук издала Аяка или же Флат?

Флат рухнул на колени.

— *Флат?*.. — прозвучал голос Джека.

Он следил за магессой по имени Аяка.

Он также был готов к атакам со стороны Сэйбера и других Героических душ.

Несмотря на то, что Джек и Флат доверяли стоявшим неподалёку офицерам полиции, своим союзникам, это всё равно был их первый контакт с Сэйбером.

Но Флата пронзила атака с дальней дистанции, которая не полагалась на магическую энергию. И удар этот нанесла фракция, не имеющая к Сэйберу никакого отношения.

Джек, лишившийся большей части своей силы, был не в силах защитить своего Мастера от современного оружия.

— А...

Глядя на рваную дыру в своём животе, Флат с поразительным спокойствием смог вычислить, что его, вероятно, подстрелили сверху по диагонали – с крыши здания.

Он поднял голову.

— Так ярко... Плохо вижу, — инстинктивно подняв руку, пробормотал Флат, словно не произошло ничего необычного.

В глазах его было солнце, которое начало клониться к западу.

— Прости, Джек... Я облажался.

Ему показалось, что он услышал крик Джека.

Он почувствовал, как Джек пытается превратиться в что-нибудь невероятное и как-то ответить на выстрел.

Но Флат знал.

Вероятно, для этого уже было слишком поздно.

Усилив зрение, Флат увидел множество снайперов, занявших позиции на зданиях в разных направлениях.

— Простите, Профессор...

Затем со слегка одинокой улыбкой он произнёс свои последние слова:

— Простите меня... все...

Аяка услышала второй пронзительный свист, и перед ней возник ещё один красный цветок.

Он расцвёл примерно в метре над первым.

Другими словами, там, где была голова юноши по имени Флат.

— А-а-а...

Она не в первый раз видела, как кто-то умирает у неё на глазах.

Но она впервые увидела, как голова человека, который несколько секунд назад улыбался и разговаривал с ней, просто исчезла.

Аяка Садзё закричала, и тело Флата Эскардоса рухнула в вытекшее из него красное море.

×

×

Где-то.

— Что-то не так, Свен?

Услышав вопрос мага, шедший рядом юноша со смущённым видом несколько раз втянул носом воздух и произнёс с чувством тревоги, которую он никак не мог объяснить:

— Нет, я просто почувствовал... будто запах, который был повсюду, исчез...

×

×

Специальный исправительный центр Коулсмана.

— *Подтверждаю уничтожение головы цели. Открываю дополнительный огонь.*

— Хорошо. От Магической метки тоже избавьтесь как можно скорее. Она принадлежит дряхлой семье Эскардос.

Фалдеус хлебнул чёрного чая из чашки и посмотрел на мониторы, слушая доклады через радиоприёмник.

От последующих выстрелов труп юноши на асфальте будто танцевал.

В отличие от Рангала, это было настоящее тело, а не марионетка.

— Знаешь, я думаю, что самые опасные люди – это те, кто вдохновляет других, — сказал Фалдеус Алдоре, элегантно попивая чай. — В данном случае я опасался Флата и Сэйбера, который заводил одного союзника за другим. Если есть хотя бы малейший шанс, что они вступили в контакт, будучи в мире-барьере, то мы должны незамедлительно избавиться от них. Иначе мой желудок попросту не выдержит.

— То есть и от Мастера Сэйбера тоже?

— После Флата, если такое возможно... По крайней мере, я надеялся на это секунду назад, но это уже не вариант.

Девушку, которая была Мастером Сэйбера, уже окружил похожий на воду купол магической энергии, а примчавшийся к ней Сэйбер взял её на руки и понёс внутрь здания.

— Меня также интересует личность этого Мастера. Изучим её немного, а уже потом устраним.

— Это и есть «лекарство для желудка»? — спросила Алдора, в то время как стрельба на мониторах наконец-то прекратилась, а шум из радиоприёмника затих.

— Да, оно самое, — пожав плечами, с улыбкой ответил Фалдеус.

— Лучшее лекарство от стресса – это устранить всех, кто его вызывает.

Когда Фалдеус собрался последним глотком допить свой чай, один из мониторов перед ним погас.

— ?..

Едва он осознал, что это была камера, показывавшая тело Флата Эскардоса, по радио пришло сообщение от его команды снайперов.

— *Прошу, ответьте. Это «Пики»... з... д!..*

— В чём дело? Что-то...

Когда он попытался ответить, радио затихло.

Затем погас ещё один монитор, наблюдения за центральным перекрёстком.

— !..

Фалдеус решил, что это была атака, и автоматически переключился на мистическую связь со своими отрядами, рассредоточенными по местности, но...

— *Что это?! Что за чертовщина?!*

— *Огонь, огонь!*

— *О... безнадёжно.*

— *Проклятье! Почему...*

— *Это монстр! Стреляйте! Пристрелите его!*

— *Нет... Почему...*

— *Маг?..*

— *Стой! Сто... А-а-а-а-а!*

— *Помогите м... кха... ха-а-а... это не че... А-а-а-а!*

Мониторы гасли один за другим под вопли команды снайперов.

Вскоре пришёл доклад отряда, наблюдавшего за ситуацией с расстояния.

— *На связи Шакал! Фалдеус! Что это за хреновень?! Ты ни о чём таком нам не говорил... Ты сказал, что Флат Эскардос был **магом**! Какого чёрта происходит?!*

— *Пожалуйста, успокойся! Монстр?.. Может, это превратившийся Слуга Флата. Скоро у него закончится магическая энергия, и он должен исчезнуть. Удерживайте позицию!*

— *Нет! Думаю, там была Героическая душа, которая пыталась во что-то превратиться, но она исчезла, как ты и сказал! Это же что-то другое... Дерьмо! О нет, это штука не человек и не маг! Тогда что это за хрень?! К чёрту кровососов и Слуг! Это самое настоящее чудовище... о-о-о-а-а-а-а-а-а-а!*

Раздалась смесь криков и звуков, как будто что-то сгибалось, после чего на линии воцарилась тишина.

Но этим всё не закончилось. Системы наблюдения, которые Фалдеус расположил по всему городу, отключались одна за другой.

Не прошло и минуты, как все камеры в Сноуфилде перестали работать.

Столкнувшись с этой ситуацией, Фалдеус уронил чашку. Не услышав даже, как она разбилась, он пробормотал:

— Что, во имя всего святого, происходит?..

×

×

Где-то в Монако.

— Вот как... Значит, Флат Эскардос перестал существовать.

Этот мужчина, владелец одного *casa* (Исп. зд. «место, заведение»), который недавно беседовал с Флатом по телефону, поднял молчаливый тост за того, кто уже давно покинул этот мир.

— Я поздравляю моего старого соседа Мессару Эскардоса с великим достижением.

— Однако... Если то, чего ты достиг ценой юности с будущим – это «прошлое», тогда я точно не считаю это причиной для празднества.

×

×

Звеньк, звяк, звяк.

Осознав, что этот звук сопровождал конец всего, **я** подумал: «О, началось».

Вскоре **я** понял, что это было.

Это был звук падения с крыш зданий на асфальт пустых гильз, вылетающих из снайперских винтовок, которые оборвали жизнь Флата Эскардоса.

Это был звук, который, пролетев десятки метров, наконец достигал груди плоти, которой был Флат Эскардос.

«**Я**» очень, очень долго ждал.

Наконец-то настало время «**мне**» - рождённым лишь с целью «существовать» - обрести значимость.

А, точно. «**Мне**» нужно двигаться. Двигаться к следующей фазе.

Я уже понял.

Понял, чего **мне** нужно достичь.

Величайшая и конечная цель, возложенная на **меня** семьёй Эскардос.

Цель, для которой **я** был рождён.

Не так ли, Флат?

«Ах да.

Всё кончено.

Подошло к концу.

Я пал.

Я там, где должен быть.

Я завершён.

Потеря всегда была последней деталью».

Следуя принципам **моего** рождения, **я** перезагрузил себя.

Я пересчитал возложенную на **меня** обязанность.

Будет ли **мой** путь тяжёлым или же лёгким?

В размышлениях не было смысла.

В любом случае у **меня** не было выбора, кроме как довести дело до конца.

Лишь это придаст **мне** значение.

Продолжить существовать. Продолжить существовать.

Мне нужно лишь стать настоящим человеком и продолжить существовать в этом мире.

Да, **я** обещаю тебе, Флат.

Я просуществую и за тебя в этом мире.

Даже если это значит... стереть вид, определённый как «люди», с лица земли.

×

×

Часовая башня.

— Дерьмо... Никак не могу дозвониться...

Помещение Часовой башни. Комната для подготовки учебных материалов факультета современной магии.

Лорд Эль-Меллой II совершал один вызов за другим со своего мобильного телефона, нетерпеливо бормоча себе под нос.

С тех пор, как их последний разговор резко прервали крики и треск, судя по всему, рушащегося здания, он никак не мог выйти с Флатом на связь.

— Может, связаться с начальником полиции?.. Нет, я не знаю его номера... Вряд ли меня соединят с ним, если я позвоню в участок, но...

Положив руки на стол, он ненадолго задумался, после чего встал на ноги, словно приняв решение.

— Выбора нет... Придётся обратиться к... Кха.

Стоило ему открыть дверь, как что-то затолкнуло его обратно в комнату.

Присмотревшись, он увидел над проходом мощный барьер, изображавший белую змею.

— Это упрямое плетение... Один из барьеров Адаино! Чёрт бы побрал этот факультет политики... Не знают, когда остановиться!

Выглянув в окно, он увидел стоявших на страже гомункулов Гордольфа Музика с факультета политики. По всей видимости, их поставили там, чтобы удержать Лорда Эль-Меллоя II под домашним арестом.

— И что теперь? Связаться с Райнес или Мелвином, чтобы...

Раздумывая над проблемой, Эль-Меллой II осознал, что слышит незнакомый шум.

Он исходил из маленького футляра, лежавшего в углу комнаты.

Там обычно хранились его запасные сигары, но звук был явно электронный.

— ?..

Эль-Меллой II с подозрением открыл футляр и смутился ещё сильнее, когда увидел, что лежало внутри.

— Что за?.. Его здесь раньше не было...

Внутри, появившись незаметно для него, лежал и издавал старый рингтон... мобильный телефон насыщенного синего цвета, в сравнении с которым бледнел даже лазурит.

Следующий эпизод [Fake07]

Послесловие (Содержит крупные спойлеры к основному сюжету; рекомендуется к ознакомлению после прочтения книги)

Привет, это я, Нарита. Давно не виделись.

Итак, я закончил новый том «Strange Fake» к первому Новому Году эры Рэйва.

Каким-то образом мне удалось выпустить две книги за фискальный 2019-й год! Надеюсь, мне удастся поддерживать этот темп...

Надеюсь, те, кто смотрел спешл «FGO» в конце года, насладились «фэйком» в движении, прекрасной музыкой и – что самое главное – голосом Сэйбера!..

Множество обстоятельств привело к решению выпустить анимационный рекламный ролик для книг. Пока я пишу это послесловие, он всё ещё в работе, народ ждёт Оно Юуки – сэйю Сэйбера – для записи реплик... но дизайн персонажей, раскадровки, музыка и прочая информация, которую я получаю, уже убедили меня что получится просто супер. Поэтому я надеюсь, что вы насладитесь этой книгой прежде, чем ажиотаж утихнет!

Теперь же прежде всего я уверен, что фанаты, читавшие оригинальный «фэйк» и кучу других спин-оффов, удивились одному фрагменту в этом томе.

Да, тот самый «спор», из «Fate/Zero» Уробути Гэна – разговор, который я показал в этом томе, не существует в «Zero». Я уже решил устроить «выступление на бис» Четвёртой Войны за Святой Грааль перед Сэйбером, когда начал писать. Уробути-сан великодушно дал мне своё разрешение, но я боялся, что переборщу, и всё превратится в спойлеры к «Zero». Я думал, как справиться с различными нюансами слегка разных мировых линий, в которых происходят события всех спин-оффов (за исключением «Досье Лорда Эль-Меллоя II», события которого происходят в том же мире, что и «Fate/stay night»), когда мне пришло небесное благословение от Насу-сана.

Насу-сан: Рёго, всё потому, что ты пытаешься согласовать друг с другом все мировые линии. Думай об этом по-другому. Думай: «Я могу написать этот спор лишь для мировой линии “фэйка”».

Насу-сан был похож на английского аристората из ужастика, полного кровавых секретов.

Я: Что?! Оригинальный разговор с теми же королями, но только для «фэйка»?!

Я немного поколебался, а затем, недолго думая, крикнул:

Я: Ладно!

В пылу момента я написал сцену. Она изначально была длиннее, но в какой-то момент меня как молнией ударило: «О нет! Ладно “Zero”, я ведь ещё и кучу других книг заспойлерю!» После этого я слегка её сократил. Получился разговор с намёком на короля Артура, который иногда превращается в кролика, и так далее, но я надеюсь, что вы воспримете это как один из элементов, составляющих мировую линию «фэйка»!

Также есть сцена, в которой появляется выступающий за человечество персонаж. Давние фанаты «TYPE-MOON» с ним знакомы. Насу-сан объяснил, «что он сделает, когда услышит о Джестере», и помог со всеми его репликами!..

Короче говоря, я сильно нерничал! В голове невольно вертелось: «Стоп, что? Мне действительно разрешили это написать?»

Кстати, в мировых линиях «stay night» и «досье» толком не показывают Двадцать семь Прародителей, поэтому аура у него немного другая... но я уверен, «TYPE-MOON» явят его в другом свете, когда покажут однажды его казино!

Что касается существования Прародителей, то события в Уэльсе, о которых упоминал Флат, практически ничем не отличаются от «досье» за исключением того, что одного конкретного персонажа, возможно, заменил другой. А сейчас я замолкаю, дайте волю своему воображению!

С выходом шестого тома Война за Святой Грааль Сноуфилда перевалила за половину. Я изо всех сил постараюсь сохранить темп, так что, пожалуйста, потерпите!..

А теперь благодарности:

Во-первых, «Aniplex», «TYPE-MOON» и «Kadokawa» за анимационный рекламный ролик. Ещё «A-1 Pictures» и всем аниматорам за их невероятный труд, Оно Юуки за озвучку, Савано Хироюки за музыку и Yosh за вокал. А также всем, кто имел то или иное отношение к созданию ролика.

Моему редактору Анан-сану, которому я усложнил жизнь, сделав этот том толще, а также всем в издательстве и в II V, кто изменил свои графики ради меня.

Уробути-сану, который разрешил мне использовать «спор» о Святом Граале, и всем другим писателям и мангакам, которые так или иначе связаны с «Fate».

Мива Киёмине и Team Barrel Roll, занимавшимся для меня изучением деталей по Слугам.

Санда Макото, который помог мне с персонажами «досье», деталями сеттинга и вообще дал кучу полезных советов. Он действительно выручил меня с длинной «лекцией» Эль-Меллоя II!..

Мории Сидзуки, чья манга-адаптация уже насчитывает четыре тома, за великолепные иллюстрации. (Качество манги просто невероятное. Пожалуйста, зацените!)

И самое главное, Киноко Насу и всему составу «TYPE-MOON» за создание «Fate» и помощь в работе, а также команде «Fate/Grand Order», позволившей мне

написать интерлюдии Энкиду... и всем читателям, купившим эту книгу и дочитавшим до этих строк.

Огромное вам спасибо!

Ноябрь 2019-го, пересматривая «Bonpō Jihen» Киноби Пи.
Нарита Рёго.